

Lumepamy XIX 2021

Главный редактор

Елена Владимировна

Мошко

Литературный редактор

Александр Геннадьевич Траберт

Интернет-магазин

www.artlitmix.com

Центр современной литературы и книги на Васильевском

Санкт-Петербург, наб. Макарова, д.10/1

www.litcenterspb.com

21-й выпуск

№1 2021

вконтакте sclik

ISSN 2658-4638

СОДЕРЖАНИЕ

Редакторская колонка
Елена Мошко. Ничто на Земле не проходит бесследно2
История и литература
Георгий Семенович Мироненко До войны и после (Начало)
Александр Гайдышев. Гигант в заповеднике
Современный человек и литература (К 8-летию клуба «Синий жираф») 36
 Действующие лица
Bodo Schäfer. Money, или Азбука денег 38
Лирика
Наталья Дунай. День и ночь
Дневник писателя
Анна Шурупова. Корзиночка
История одного рассказа
Тимур Максютов. Осколок синевы
Книжный салон
Наталья Дунай. Кощей

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-35381 от 18 февраля 2009 г. Подписано в печать 24.01.2021 г. Отпечатано в АО "ИПК "Чувашия" 428019, Чувашская республика, г. Чебоксары, пр. И. Яковлева, д.13, Тираж 500 экз. Заказ К-8512.

> Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов. Рисунок на титульном листе Анны Петуновой (г. Великий Новгород)

Ничто на Земле не проходит бесследно

Так бывает. Рукописи попадают к издателю при разных обстоятельствах. Книга Георгия Семёновича Мироненко «До войны и после» чудом сохранилась до наших дней в электронном виде. Автор хотел опубликовать ее на рубеже веков, но не успел. Успел лишь передать файлы в редакцию. Это было не случайно. Георгию Семёновичу мы издали много книг, самая популярная «Музей стоматологии» (который он, кстати, создал и возглавлял в свое время) разошлась под «ноль», став библиографической редкостью. Георгий Семёнович был хранителем и служителем истории. Поэтому неопубликованная им при жизни рукопись, на мой взгляд, достойна внимания. Она расскажет о нём, о времени, в котором он жил, о ценностях целой эпохи.

Е.В. Мошко, Главный редактор журнала "Литературный Микс"

История и литература

MIX

Г.С. Мироненко

до войны и после

Начало. Продолжение в следующем номере

Глава 1

Самые ранние воспоминания

Родился я в городе Нежине 28 июня 1922 года, в 130 км от Киева. В ноябре 1923 года родилась моя сестра Галочка. Два года после моего рождения мы прожили в Нежине, и этого периода я почти не помню. Единственное, что мне запомнилось: отец взял меня за руку, и мы с ним пошли на его бывшую работу, на цементный завод, где делали трубы для колодцев. Отец в то время уже не работал из-за болезни. Видимо, ходил туда по какому-то делу на короткое время и поэтому взял меня. Я помню большой двор, большое, типа барака, производственное помещение и повсюду стоящие трубы – кольцевидные звенья будущих колодцев. Помню, отец разговаривал с кем-то, а молодой подмастерье дразнил меня, показывая язык. Вскоре по причине болезни отца, который не мог работать, мы из Нежина переехали в деревню, в село Нивное Брянской области. Никогда больше вместе с отцом мы в Нежине не были. И это одно из самых ранних воспоминаний, видимо, достоверно. Во всяком случае, когда я, уже будучи школьником, рассказывал об этом маме, она очень удивлялась и подтверждала сказанное мною. К этому же времени

относятся еще два воспоминания, также подтвержденные старшими. "История" с сапогами. Рядом с нашим домом был дом молодого сапожника по фамилии Донец. Детей у него еще не было. Отношения между соседями, видимо, были хорошими и, вероятно, в знак своего расположения к моим родителям он сшил из красной кожи для меня настоящие русские сапоги. Можно подумать, что это было какое-то самоиспытание мастера. Сапожки получились дивные. Сейчас бы их назвали сувенирными. Тем не менее, я их носил по-настоящему. Выглядел я в них очень забавно, потому что к сапогам мама сшила мне из яркосинего материала широкие, как носили запорожцы, шаровары и вышила украинскую рубашечку. Взрослые потешались, глядя на украинца, а я вел себя соответственно возрасту. Однажды случилось так, что надо было мыть и сушить и сапоги, и шаровары, и самого "запорожца". Я это хорошо помню: был ясный, теплый летний день, я заигрался и... маме пришлось выгребать из сапог то, что не очень хорошо пахнет. Помню, как мама сердилась, раздевая меня на воздухе около крыльца, и как беззлобно смеялся сосед-сапожник, наблюдая эту сцену. Спустя четыре года мы снова были в Нежине. Маме не хотелось верить, что я помню то, что происходило в столь раннем возрасте. Но я доказал ей, точно показав место, где произо-

шел этот случай, где она раздевала и мыла меня и сапоги. И еще одно воспоминание мне самому кажется фантастичным. Я помню некоторые детали завтрака в первый день Пасхи, когда стол в каждом доме на Украине обилен и красив: красивые куличи сверху были покрыты белым безе и присыпаны разноцветным пшеном, в разные цвета окрашенные яйца и многое другое. По христианской религии это называлось "разговляться". После всенощной службы в церкви собирались все ближайшие родственники, христосовались, то есть поздравляли друг друга с праздником, и угощались. В этот день можно было есть все, так как закончились шесть недель великого поста, когда нельзя было есть скоромного, то есть мяса, масла, животных жиров и т.п. А можно было есть нежирную рыбу, растительное масло, картофель и овощи. Так вот, в то утро праздник отмечали как обычно. Но я хорошо помню, что после того, как все встали из-за стола, все вышли на улицу, где встречали и поздравляли соседей. Кто-то из них брал меня на руки (я еще был в пеленках) и, играя, подбрасывал вверх, а потом, разумеется, ловил. Я точно помню, что это происходило не во дворе, а на улице, возле того угла дома, который был ближе к дому сапожника Донца. Если Пасха выпадает на конец апреля или на начало мая, значит, мне до года еще не хватало двух месяцев. Может ли память ребенка сохранить события, случившиеся в столь раннем возрасте? Очевилно, может. Вскоре мы уехали из Нежина, и больше мы с отцом не жили в этом городе. Это один из фактов-доказательств. Папа явно заболел, когда мне еще не было и двух лет. Он вынужден был оставить работу. Мама работала акушеркой в Нежинском родильном доме. На ее скромную зарплату трудно было прожить семье, состоящей из четырех человек, и мама, по совету каких-то добрых людей, решила переехать в деревню. Там был обеспечен более высокий оклад, поскольку у мамы был диплом фельдшера-акушерки, и жизнь в деревне была дешевле. На время, пока мама оформляла свой перевод и устраивала наше будущее жилище, меня с сестрой поручили тете Марусе – родной сестре моего отца. Она нас вместе со своим сыном, моим двоюродным братом, определила на дачу в Веркиевку. Там у нее были знакомые, занимавшие просторный дом от лесничества. Память сохранила мне расположение дома относительно дороги. Я помню сарай и вид коровы, которую укусила змея: у нее изо рта шла пена. Вообще там были ядовитые змеи и ужи. Брат умел их различать. Он ловил ужей и обращался с ними запанибрата, что производило на нас с сестрой и соседних ребятишек сильное впечатление.

Детей, вместе с приезжими, было много - пять или шесть человек. Рачительная хозяйка дома вела дела так, что каждый из них имел свою постоянную обязанность. Старшие, дети хозяев, имели задание по хозяйству, брат Шура обязан был ставить самовар. Только мы с сестрой по малолетству не имели постоянных поручений. Растапливали самовал обычно шишками, которых в лесу было много. Но однажды шишки не загорались. Может, потому, что отсырели: накануне прошел дождь. Шура решил для того, чтобы они лучше горели, использовать порох. Все охотничьи принадлежности хозяина были доступны - лежали под шкафом. К счастью, Шура взял пороху не

Студент, 1940 г.

много: сыпанул в самоварную трубу и... не успел отскочить. Порох, разумеется, не стал ожидать, когда юный специалист отойдет подальше - вспыхнул. Ожог лица, как я теперь понимаю, был I и II степени: обгорели брови, ресницы и нежная кожа лица. Усы не обгорели только потому, что еще не успели вырасти. Мелкие пузыри вскорости лопнули, поверхность лица покрылась корками, напоминавшими кусочки медового цвета. Ребенок нуждался в квалифицированной медицинской помощи. Было жаркое время года и обилие мух. Кто-то из взрослых догадался закрыть обожженную поверхность марлей, но только так, чтобы марля не касалась лица. Повезли брата в больницу, где он пробыл около семи дней. Говорили, что во время остановок любопытные люди подходили, поднимали марлю и в ужасе отскакивали назад: таким страшным им казался мой брат под повязкой.

Некоторые детали этого периода жизни подтверждает мой брат, а он авторитет: старше на четыре года и тогда уже был дошкольником!

Нивное Брянской области, куда мы переехали в очередной раз — это уже "кацапщина". Словом "кацап" украинцы дразнили русских, так же, как русские называли украинцев "хохлами". Местное население приняло нас хорошо. Жили мы в большой комнате, в том же здании, где была сельская амбулатория. Во дворе был сарай, где жила наша знакомая корова. Мама не случайно выбрала для жилья именно эту квартиру. Ежедневно мы с сестрой и папа, который нуждался в усиленном питании, имели парное молоко. Корова была очень смирная, а мы, как и все дети, очень любопытными, и ходили наблюдать, как хозяйка доит корову. Иногда мы подолгу наблюдали, как тонкие струйки молока, меняя свое косое направле-

ние, ударялись о стенки подойника, а он отвечал вначале металлическим звоном, а когда наполнялся подойник, то струи падали в пену, которая сплошным слоем покрывала молоко. Однажды я не выдержал и, зная, что хозяйка к нам относится очень хорошо, не хуже коровы, попросил немножко подоить. Не знаю, чему больше удивилась хозяйка — моему "пожалуйста" или содержанию просьбы. "На, попробуй!" Конечно, у меня ничего не получилось. Хозяйка, спрятав улыбку, утешила: "Ничего, подрастешь, и у тебя получится". Но мне так больше и не пришлось подоить корову. А вот мой брат Саша справлялся с этим делом свободно. Правда, это уже было несколько позже.

Нас хорошо приняли местные ребятишки. Одежда их очень отличалась от нашей. Большинство из них в зимнее время были одеты в красные кожушки и лапти. Ноги, как известно, при такой обуви завертывают в портянки, которые закрывают ногу до колена. Сверху портянки, как цветной тесьмой у модниц, ноги у ребятишек оплетались тонкими веревочками. А играли они со мною так: то один, то другой подбегали и предлагали: "Давай поборемся". Начиналась "борьба". Все они были старше и, конечно, сильнее меня. Но вот через две-три минуты мой противник падал, поднимал лапти в гору и очень довольный собой кричал: "Жорик поборол, Жорик поборол". Маму, видимо, умиляли эти лапоточки и такой способ деревенских детей выражать свое расположение. Она громко смеялась, от этого у всех было хорошее настроение. И так нагулявшись, мы отправлялись домой.

А однажды, тоже зимой, мы куда-то ехали на больших санях - деревенских розвальнях. Мне они не понравились, и я не хотел на них садиться. Мама добилась-таки ответа, почему я не хочу на них садиться. "У них нет спинки, и не на что опереться". Мама успокоила меня, сказав, что я могу опереться на нее.

Курсант военного училища им. Н.А. Щорса

И мы покатили. Но розвальни мне так и не понравились, и не нравятся до сих пор.

В отсутствии взрослых мы развлекали сами себя, придумывая нехитрые игры. Ведь тогда ни радио, ни, тем более, телевидения у нас не было. По какой-то причине нас однажды не спускали на пол, и мы с сестрой играли на большой кровати. Спальня от гостиной отделялась большой занавеской через всю комнату. Из-за занавески услышали голос моей сестренки, которая предложила: "Давай, ты будешь доктор, а я - масса людей". Фраза эта скопирована, подслушана у взрослых. За несколько дней перед этим мама, вернувшись с приема, усталая, сказала: "Сегодня на приеме была масса людей".

Все дети любят сладкое, а я любил его очень. И даже будучи взрослым, на фронте во время Великой Отечественной войны предпочитал получить 300 граммов сахара вместо махорки. В детстве за добычу сладкого запрещенными приемами мне неоднократно попадало. А моя первая такая попытка могла закончиться трагически. В том же Нивном из нас выгоняли аскарид. Сантонин, как известно, готовят с сахаром. Сладкие порошки дети принимают охотно. Приняли и мы, запили, как полагается, водой. И я заметил, что пакетик с оставшимися порошками папа от нас спрятал в боковой карман своего пиджака, а пиджак повесил на дверь. Прошло какое-то время, он зачем-то вышел из комнаты. Скоро вернулся, и представьте себе его состояние, когда он увидел, что я подставил стул и уже влез в карман его пиджака за сантонином. Было терпеливое разъяснение родителей, что лекарством можно отравиться. Но это потом, а вначале (их первая реакция) был хороший шлепок по мягкому месту. Оно и стоило.

К зимнему времени относится еще одно воспоминание. Видимо, было очень холодно, потому что, кроме обычной верхней одежды, нижняя часть моего тела была завернута в одеяло. Мы куда-то ехали, и взрослые передавали меня из рук в руки. Я, вероятно, слышал какие-то разговоры, заметил перемену настроения взрослых, многие плакали. Может быть, потому я спросил маму: "Почему они плачут, разве кто-нибудь умер?". У мамы тоже было очень плохое настроение. После некоторой паузы она посмотрела на меня и ответила: "Умер очень большой начальник". Что еще могла сказать мне мама? Спустя многие годы я задавал себе вопрос: возможно ли, чтобы это было связано со смертью В.И. Ленина? Ведь в январе 1924 г. мне был один год и семь месяцев. Вопрос этот долго оставался без ответа. Но став взрослым и сопоставив даты, я убедился, что это действительно было связано со смертью Владимира Ильича Ленина.

Осенью этого года мы переехали к новому месту службы мамы в село Плиски Борзенского района Черниговской области. Причины переезда я точно не знаю. Вероятнее всего потому, что это было ближе к Нежину – родине моего папы. Помнится, что приехали мы в холодный день и поселились в большой комнате на территории больницы, в доме, в котором жили врач-холостяк и фельдшер-молодожен. В комнате было холодно, дров у нас, конечно, не было. Учитывая наш возраст, мама пошла в больничный сад, там нашла некоторое количество сухих веток и истопила печку. Прошло достаточно времени, уже была закры-

та труба, печка начала остывать, а в комнате не стало теплее. Кто-то из доброжелателей объяснил маме, что, очевидно, фельдшер открыл душник в свою комнату (печка располагалась между двумя смежными комнатами). Зашли к соседу, и подозрения подтвердились. Что тут было! В тот день я впервые увидел свою маму в таком возбужденном состоянии. Фельдшеру, своему новому товарищу по работе, мама сказала все, что о нем думала. Вид у него был, как у побитого пса. Правда, в нашей комнате от этого теплее не стало. Мама, выплакавшись, накормила нас и уложила спать. Отец в это время еще не приехал: он по путевке был в санатории в Крыму. В Плисках мы жили довольно долго. Мы стали старше, подросли, у нас появились новые друзья: Валик – сынишка санитарки, которую, неизвестно почему, все называли молдаванкой, Галя – моя ровесница, дочь местного священника, Петя – мальчик из соседнего дома, Шура - дочь хозяйки, у которой священник снимал квартиру. Гуляли мы в большом больничном дворе и таком же большом больничном саду, иногда в усадьбе родителей Шуры. Ее бабушку звали Домахой, моя мама почему-то считала ее помещицей. По моему теперешнему пониманию, это было слишком сильно сказано. Взрослые к нам относились очень хорошо. И наша дружная ватага носилась по замкнутому маршруту: больничный двор (сад), двор, где жили Галя и Шура. В хорошую погоду мы были предоставлены сами себе, гуляли без провожатых, и приключения у нас были каждый день. А поскольку отец Гали был священник и нас знали все церковные служащие, то нам был свободный вход в церковь даже тогда, когда других детей не пускали. Мы с одинаковым интересом наблюдали и свадьбы, и крестины, и похороны. А потом воспроизводили это в своих играх. В "крестины" мы, правда, не играли, только потому, что не могли имитировать купели. Самой престижной была роль священника. Я обычно занимал ее по праву сильного. Ризу мы конструировали из Галочкиного платка, кадильницу – из баночки из-под гуталина. Не обходилось и без казусов.

Однажды мама спросила: "Где вы целый день бегаете?".

- Мы были у Гали и слушали хор в церкви.
- И что же вы запомнили?
- И сущим во гробех живот разрезал.
- Живот даровал, поправила мама.

Нам бы согласиться, ведь мама сама когда-то пела в церковном хоре, но нет, мы стояли на своем.

- Нет, живот разрезал, в один голос сказали мы.
- Нет, даровал, снова сказала мама.

Мама начала возмущаться нашим упрямством. Дело принимало для нас плохой оборот. Но соседка, слышавшая наш спор, вмешалась: "Дарья Романовна, ну что Вы, разрезал, так разрезал. Они же все-таки ближе к медицине, чем к Христу". Все взрослые рассмеялись, и на этом был кончен религиозный спор.

Помнится эпизод с детскими яслями. Впервые в Плисках было решено создать "Детские ясли". По современным представлениям, это было что-то среднее между яслями и детским садом. Помещения специального не было, и решили использовать школу, благо летом она свободна. Воспитательницу прислали из Нежина. Случилось так, что она оказалась

Военный фельдшер, 1942 г.

знакомой нашей тети Маруси, поэтому в качестве помощника воспитательницы приехал и наш брат Саша. Он уже был школьником и, как развитой мальчик, вполне подходил для этой роли.

А мы – то есть я, моя сестричка и Валик, хотя и не ясельного возраста, – также были записаны в садик. В первый день нас собрали, переписали, взвесили, нас осмотрел врач. После этого мы играли в новые, неизвестные нам игры. После обеда нам дали по пирожку и по нескольку конфет. Все это происходило в длинном школьном коридоре. Нам, привыкшим к свободе, не понравилось, что нет свободного выхода во двор. А сделано это было для того, чтобы дети не разбежались по домам. На второй день уже не было ни пирогов, ни конфет, и, по-прежнему, во двор не выпускали. У двери дежурил наш брат, помощник воспитателя. Мы втроем подошли и попросились выйти в туалет. Шура, естественно, и не подумал, что мы способны так низко поступить - обмануть его, пользуясь родственным расположением. Оказавшись во дворе, мы быстренько мимо туалета по берегу реки двинулись домой. Мы все знали, что этого делать нельзя, что нам за это, возможно, и попадет. Но хитрецы делали вид, что так и надо. И лишь Валик, очевидно, для успокоения собственной совести без конца повторял, что он нам покажет какую-то ямочку. Валик картавил, и вместо ямочки у него получалось очень смешное слово. Очевидно, мы были возбуждены, и поэтому это нам казалось очень смешным. Видимо, это был нервный смех малолетних преступников. Ямочкой оказалась ничем не приметная лужица у больничных ворот. Мимо нее мы проследовали, даже не останавливаясь. И, как на грех, тут же встретили наших мам. "А вы почему здесь?" – в один голос спросили мамы. Мы, мы... Валик снова начал говорить чтото о ямочке, но все и так было ясно... сбежали. Наша мама была в хорошем настроении. Она рассмеялась и решила нам остаться дома. И мы тут же убежали в сад. Хуже пришлось Валику. Его мама, видимо, не могла "выбросить на ветер" сумму, которую она уплатила за ясли. Она схватила розгу, и бедному сподвижнику попало. Бедному Сапону (его почему-то так дразнили) пришлось проделать путь обратно, да еще в одиночестве.

Еще раз о религиозной теме. Я случайно узнал, что в Плисках есть еще один священник, маленький черненький попик. В церкви он службы не правил. Это я знал точно. Два или три раза я наблюдал, как местные мальчишки дразнили его, показывали языки, кривлялись, обзывали "йонтиком" и даже бросали в него комками засохшей грязи, находясь, правда, на почтительном расстоянии, чтобы не быть пойманными. Он же шел тихо, как-то вымученно улыбался и не принимал никаких мер защиты. Тогда мне никто толком не объяснил сути такого поведения детей по отношению к взрослому человеку. Даже мама, когда я рассказал ей об увиденном, уклонилась от объяснений, сказав, что это были плохие мальчики. А однажды мы ватагой забрались на колокольню. Я обратил внимание на кучку церковной утвари, которая лежала в закутке чердачного помещения церкви: кресты, иконы и многое другое из арсенала церковников. Вся эта таинственность на ребят производила какое-то жутковатое впечатление. "Что это? Почему здесь лежит?" – спросил я. Кто-то из "знатоков" мне ответил: "Это йонтиково барахло". После такого объяснения яснее мне не стало. И только много лет спустя, когда я сам попытался разобраться в разновидностях христианской религии, вопросы эти стали понятными. Земли этой части Украины находились то под влиянием киевских князей, то татар, то польской шляхты, то литовцев. И если татары к религии покоренных народов относились индифферентно, то поляки изо всех сил насаждали католичество или, на худой конец, унию. Эти идеи были, видимо, живучими. Возможно, и в период польской интервенции во время гражданской войны в обозе польской буржуазной армии прибыли католические священники со своим церковным имуществом. Известно, чем закончилась интервенция. Известно, что местное население крайне негативно относилось к католикам. И это под влиянием разговоров взрослых так остервенело на ксендза набрасывались деревенские мальчишки, а к православному священнику они относились с уважением. Интересно, что православные священники не уничтожили атрибутов католичества, а только убрали его с глаз верующих. О йонтике я думал, что это был человек, преданный своему, но никому не нужному, делу. Возможно, он на что-то надеялся, а возможно – ему просто некуда было деться.

Анализируя свои скудные сведения о религии, полученные в детстве, и то, что мне стало известным из книг, можно утверждать, что церковь умела очень искусно завоевывать души людей. Кого привлекала молитвой, кого — малосодержательными, но горячими проповедями, кого — обещанием простить грехи, кого — обещанием благой загробной жизни. Казалось бы, чем можно привлечь в церковь деревенского озорника, выросшего почти без всякого воспитания, для которого не существовало ни Бога, ни черта? Но и тут у церковников было кое-что в запасе. Неоднок-

ратно наблюдал я венчание в церкви и узнал такие подробности. Перед алтарем, где должны стоять жених и невеста, им под ноги стлали полотенце, которое потом оставалось в церкви, а под полотенце клали несколько монет. Их количество и достоинство определялись достатком родителей жениха. Если во время венчания стояли спокойно, то все монеты, что под полотенцем, доставались пономарю (самому младшему церковному служке). Если же жених или невеста переступали с ноги на ногу – полотенце сбивалось (а молодые иногда это делали умышленно), и монеты оставались открытыми, их имел право взять всякий. Взрослые, конечно, стеснялись, а мальчишкам это был законный доход. Правда, взять монету можно было только в конце обряда, после того, как священник скажет "аминь". Поэтому несколько мальчиков (преимущество имели родственники молодых) старались занять место поближе к объекту. Они, конечно, не очень слушали службу, а все время внимательно смотрели под ноги молодым. Но вот монета или монеты обнажались, - внимание удваивалось. Слово "аминь" сказано – миг, и монета в руках мальчишки, а еще мгновение, и его уже нет в церкви. Признаться, я тоже пытался разбогатеть таким образом, но то ли мой возраст, то ли недостаточная расторопность тому были причиной, но только я ни разу не схватил монетки. А может, это объяснялось и тем, что был сыном служащей, и мое "имущественное" положение было несравненно лучше. Иногда мне покупали игрушки, сладости, иногда давали деньги, и я сам мог себе что-нибудь купить. Помню, однажды я нашел "шаг" – полкопейки. Показал маме, она улыбнулась и сказала: "Сходи в магазин и купи себе конфет". Что она имела в виду, я до сих пор не знаю. Может, она хотела таким способом меня "повоспитывать". Но ошиблась, нас, очевидно, знали все лавочники. Я встал на цыпочки, чтобы дотянуться до продавца, и подал ему свое сокровище. Он совершенно серьезно дал мне целый пакетик конфет. Иное положение было у крестьянских детей – моих сверстников. Редко кто из них имел свою обувь. С ранней весны до поздней осени они ходили босиком. Некоторые, чтобы заработать себе на ботинки или штаны из домотканного полотна к осени, все лето должны были пасти чужую корову. Пастушков в селе было много, потому что много было бедных людей. Выгонять на пастбище коров надо было очень рано, а возвращаться – поздно, в любую погоду и непогоду. На день пребывания в поле пастушок получал, в лучшем случае, бутылку молока и лепешку или кусок ржаного хлеба. Ноги их почти всегда были черными от грязи, с цыпками и гнойничками, которые появлялись на месте порезов кожи на колючей стерне. Монета такому мальчику казалась чуть ли не сказочным богатством. Но чтобы получить ее в церкви, необходимо было проявить должную сноровку, посещать церковь, снимать в церкви шапку, молиться. Иначе любой взрослый назовет нехристем, даст подзатыльник, а то и выпроводит за порог. Отдельных мальчиков брали в пономари, прислуживать священникам во время службы в церкви. Их привлекала красивая одежда, которую по росту мальчика шили из парчи. Кроме того, пономарь помогал звонарю – значит, мог законно бывать на колокольне и еще распоряжаться недо-

горевшими свечами. Перед этим соблазном не устоял и мой брат, который в то время жил с мамой в Нежине. Когда я увидел его в церковном одеянии — обомлел от восторга. А мама моя это заметила и тут же в церкви шепнула мне, продолжая линию воспитания: "Будешь слушаться — и тебе сошьем такое же".

Но времена стремительно менялись. Религия теряла привлекательность и для детей, и для взрослых. Брат мой поступил в пионеры. Знакомый священник, отец Гали, снял с себя сан. Он добровольно отказался от священнического сана и стал работать бухгалтером. Многие церкви закрывались. О судьбе Йонтика я больше ничего не знал.

Во время жизни в Плисках произошло чрезвычайно печальное событие. 5-го марта 1926 г. умер мой папа. Трудно описать горе, которое перенесла моя мама, хотя она и знала, что это должно случиться. Туберкулез легких, как известно, у молодых протекает очень зловеще. Мама это, конечно, знала. И понимала, что она останется одна с двумя малолетними детьми на руках. Я, к сожалению, очень хорошо помню это печальное утро. Позже мне мама объяснила, что произошло с легкими у отца. Я помню, как он вскочил со своей кушетки, с которой не поднимался уже несколько дней. Жаловался, что ему не хватает воздуха. Подбежал к окну и открыл его (а еще было только начало марта, за окном еще лежал снег. Мы все были в комнате. Мама пыталась что-то сделать. Но что она могла! Мы с сестричкой забились в угол и молчали, как мыши. Папа лег на свою кушетку и замолчал. Мама взяла его за руку и убедилась, что сердце остановилось. Позже она мне рассказывала, что видела, как постепенно синели ногти... Плакала очень сильно мама, а с нею вместе плакали и мы с Галочкой.

Потом к нам пришло много людей, и нас увела к себе соседка. Затем нас подпустили прощаться с папой. Он, уже одетый, лежал в гробу. Мама очень плакала и даже причитала. "Проститесь, деточки, сегодня ваш папа уезжает к себе на родину". Потом мы узнали, что по просьбе отца его повезли в Нежин и похоронили по христианскому обычаю на ближайшем к нашему дому кладбище. Мы стояли на крылечке и видели, как на розвальни погрузили гроб с телом нашего отца, как смелый человек по имени Петро сел на гроб и отправился в Нежин. Некоторые люди опасались, как бы на подводу в пути не напали волки. Мама в Нежин поехала поездом, и там вместе с тетей Марусей проводила в последний путь нашего отца. Помнится, мама говорила, что она закажет крест из железобетона, ей обещали сделать его на том производстве, где когда-то работал отец. А потом она вспомнила, что после сигнала ангела о начале страшного суда каждый покойник должен будет нести свой крест на Суд Божий. Об этом было написано в Библии. И, очевидно, поэтому никакого креста не поставили. Еще раза два мы бывали на могиле отца, а затем прошло время, и время вылечило наше горе... Но я помню и поминки, которые всегда справляют по христианскому обычаю. Близким умершего общение с большим количеством людей смягчает постигшее их горе, немного отвлекает, развеивает внимание и пр. Было много людей. Какие-то тети приносили продукты, готовили блюда. Помню слова: "Покойник любил

линей", а я помнил, что отец говорил: "Нет мяса лучше свинины, а рыбы – лучше линины". Пахло табаком, а для нас это был неприятный запах (папа не курил). Суетились женщины, желая помочь маме. О нас с сестрой почему-то забыли. Галку кто-то взял на руки, а я спрятался. Когда за столом сидели чужие люди, а мама хлопотала и плакала, вспоминая, каким хорошим был ее муж, я тихонько спрятался на кухне, где у меня было укромное местечко: между печкой и дверью в нашу комнату, под кожухом папы. Довольный, что меня никто не видит, я притаился там и сидел довольно долго, пока мама не хватилась, что меня нет. Меня, конечно, нашли зареванного. "Почему ты плачешь?" - кто-то неумный спросил меня. "Папу жалко", - ответил я, и это снова дало повод для тихих слез моей маме. После похорон отца мама нередко обнимала нас, рассказывала о своем детстве, о юности, о знакомстве с будущим мужем, о том, каким он был хорошим, как хорошо играл на гитаре и пел украинские песни. Одну из них мама напевала нам. "Мисячно зоряно... и над панами я пан...". Мама бережно хранила гитару в надежде, что я унаследую талант отца, хранила долго, до самой войны. Я же пошел в духовой оркестр. А во время войны гитара погибла вместе с домом, который был взорван.., возможно даже нашими земляками, как объект, который может быть использован противником. Существовала такая теория.

Мои предки и родители

Я очень мало знаю о своих бабушках и дедушках. А у меня, как у всякого человека, они были как по отцовской, так и по материнской линии. Родители отца жили в Нежине "на магерках" (ул. Широкомагерская, N 30) в собственном домике. Они умерли еще до моего рождения. Знаю, что дедушку звали Михаил, потому что отец носил имя Семена Михайловича, а бабушку – Анна. Ее отчества я никогда не знал. Дедушка, как я случайно узнал от брата, был извозчиком (грузовым или легковым – неизвестно). Бабушка была домохозяйкой. Они значились мещанами, и это, вероятно, так, потому что в том районе жили: наш сосед справа - сапожник, слева - шляпник (Точин), напротив – столяр, мой крестный – Мимко, рядом с ним извозчик – инвалид войны Матвей. Еще дальше по улице жил бондарь Поторока и еще сапожник Золокотя. В общем, все – мелкие ремесленники. Но некоторые еще не совсем порвали с землей, так как и моему отцу по наследству достался крошечный надел, от которого потом, после смерти отца, мама отказалась. Каждый из жителей нашей улицы, кроме фамилии, имел еще и прозвище, это называлось – "по-улишному". Так вот, прозвищем моему деду было "страхота". Не очень приятное, не правда ли? За что он его получил, я – потомок, могу только догадываться. Возможно, оно досталось ему по наследству. Как врач, я могу высказать свою версию. Можно предположить, учитывая его раннюю смерть, что он был больным, возможно, каким-то хроническим вялотекущим заболеванием, а это отразилось и на его внешнем виде. Когда мы уже бегали на своих ногах, нас соседи называли "диты страхоты", хотя мы этого нашего деда и в глаза не видели. Прозвища

очень прилипчивы. Еще я помню из рассказов старших, что бабушка вышла вторично замуж (это всетаки говорит о чем-то). Ее второй муж любил выпить, а выпив, любил подраться. К этому времени моей тете Марусе было уже лет 16, а отцу – лет 13. Во время очередной потасовки взрослые дети (мой отец и тетя) вмешались в семейный разговор с помощью рубля и качалки (распространенные на Украине инструменты для обработки полотняного белья после стирки) и так приласкали отчима, что он должен был оставить приют и удалиться восвояси. И еще одно воспоминание более позднего периода. Когда началась первая империалистическая война из дома ушли все мужчины: мой отец и муж тети Маруси Николай. Вначале от них было мало известий, а затем и вовсе прекратились. В грустных догадках плакали женщины, но известий все не было и не было. Маруся ждала ребенка. Наконец пришло письмо-похоронка, в котором командование сообщало о героической смерти младшего офицера Шейко Николая. Близился конец войны, и приближалось рождение моего брата, названного Александром. Рождение его несколько ослабило тяжесть потери, но смерть мужа навсегда наложило рубец на сердце молодой женщины. От моего отца не было никаких вестей. Уже закончилась война. Выжившие солдаты возвращались домой. А его все не было. Наконец наступил 1919 год. Бабушка вынимает из русской печки пироги, которые оказались очень удачными, и говорит: "Вот бы сынок мой Сенечка явился!". Именно в это время открывается дверь и входит мой отец. Бабушка взглянула на него и упала, потеряв сознание. Не пугайтесь – бабушку откачали. А упасть в обморок ей было от чего. Первое – это неожиданность, а второе – общий вид пришедшего из плена солдата. Кожа да кости, как говорят в народе. Это и понятно почему. После удачного наступления наших войск противник удачно контратаковал. В результате большое количество наших войск оказалось в плену. Возможно, что плен в той войне и не был таким страшным, как в Великую Отечественную войну, но все равно – это был плен. Пленных держали в подвале в Австрии. Питание – можете себе представить: два раза в день пленные получали похлебку из сахарной свеклы и кусочек сухаря. И только после того, как изменилась политическая ситуация, очевидно, потому, что немцы заигрывали с Украиной, украинцев начали отпускать по домам. Отец явился домой с нашивкой ефрейтора и какойто медалью. А еще он привез в качестве сувениров несколько безделушек, сработанных солдатами из гильз и пуль – из всего, чем располагали солдаты. Страшную худобу Сени начала лечить бабушка. Первым делом закололи поросенка. Отпаивали молоком. Молодой организм справился с временным, как всем казалось, тяжелым состоянием. Молодой, красивый, играющий на гитаре и поющий молодой человек понравился студентке-кацапке (т.е. русской) девушке. И она вышла за него замуж. У студентки была, естественно, своя предыстория. Еще в родном доме освоила профессию модистки и, заработав некоторую сумму, решила учиться на медика. Фельдшерско-акушерское училище было в Нежине. Рискнула, поехала и поступила, хотя это было достаточно далеко от дома, и рассчитывать на помощь родителей не было надежд.

Подрабатывала шитьем и училась. Правда, не все шло гладко. В 1917 г. заболела сыпным тифом. Заболевание протекало тяжело, с осложнениями. И, как рассказывала мама, подруги, которые навещали ее регулярно, потом уже говорили, что они потеряют ее. Однако, не судьба — выжила; и первое впечатление о выздоровлении, точнее, о первых признаках выздоровления получила после того, как пришла в сознание — колокольный звон, который услышала впервые после двухнедельного забытья. Конечно, об этом не говорилось жениху. Это обычная женская уловка.

Родителей мамы мы знали хорошо, неоднократно гостили у них в деревне. Жили они в селе Новый Ропск, Климовского района, Брянской области. Повидимому, там и родились. Дожили они до преклонного возраста, обоим им было за восемьдесят. Дедушка – Самусев Роман Саввич – был писарем. Служил в Ропске, Климове и даже в Новозыбкове. Конечно, в разное время. Рассказывают, что у него был очень красивый почерк, и ему доверяли переписывать самые важные бумаги. Бабушка Прасковия Петровна, для многих просто Петровна, была добрейшим человеком. Мы – многочисленные внуки – это чувствовали всегда. В семье деда было три дочери. Старшая – Анастасия – была намного старше двух почти ровесниц – Марии и Даши (моя мама). Был еще мальчик Ваня, но он умер маленьким. Хозяйство их было очень убогим. Кроме избушки, огорода и поросенка у бабушки ничего не было. Вероятно, так было всегда. А поскольку дедушкиных заработков не хватало, бабушка промышляла печеным хлебом. Покупала муку, в русской печке выпекала хлебы и продавала их через окно, которое выходило на улицу. Механизм этой торговли был до смешного прост: покупателей было немного. Желающий купить стучал в окно, бабушка подходила и отпускала хлеб, который у нее был всегда свежим и вкусным. Однажды, когда мы были в гостях, на стук с улицы подошла моя сестра. Узнав, в чем дело, повернулась и спросила бабушку о хлебе. Бабушка ответила, что хлеб есть. Сестра ответила поукраински: "Е". Молодой человек понял как "не" и убежал в другое место. Коммерции бабушки был нанесен явный ущерб, но трагедии не случилось: взрослые посмеялись, а юная помощница смутилась - было ей тогда четыре с половиной года. Положительным следствием бабушкиной коммерции было то, что все ее дочери получили минимальное образование и были отданы на обучение ремеслу. Анастасия рано вышла замуж, а моя мама и тетя Маруся стали модистками. А, кроме того, имея хорошие голоса, они подрабатывали в церковном хоре. Маруся допелась до регента в деревенской церкви. Дедушка Роман, видимо, был человеком прогрессивных настроений, во всяком случае он помогал составлять жалобы обиженным людям. Однажды его прямой начальник очень несправедливо поступил с одним евреем. Тот обратился за помощью к деду, сочинили жалобу и направили ее к губернатору. Жалоба эта ходила-ходила и вернулась к тому, на кого жаловались. Так ведь бывает и в наше время. А время было страшное: после революции 1905 года. В деревне стояло подразделение ингушей. О них мама рассказывала, что были они парни знатные, чернявые, стройные, хорошо одетые и имели красивых лошадей. Языка русского, естественно, не знали.

И пороли русских крестьян без пощады. Было известно, что русских солдат посылали к инородцам. Такова была внутренняя политика. Маме можно верить, она в те годы была уже невестой. Они почему-то были очень обозлены и пороли нагайками правых и виноватых и еще приговаривали на непонятном гортанном наречии. Узнав о возвращении жалобы, коллегиписари подтрунивали над дедом: "Ну, Рома, надевай лубки под рубашку, не так будет больно!". В ответ дед улыбался, а у самого, видимо, дрожь пробегала по коже. Позже он сам признавался, что очень боялся порки и позора, да ведь и уволить могли запросто. Несколько дней ходил под страхом, пока не вызвали на объяснение. К счастью, дело ограничилось внушением. Видимо, были учтены старые писарские заслуги. Вскоре вышла замуж и средняя сестра Мария. Для оставшейся младшей Даши жизнь не была сладкой. У Анастасии один за другим рождались дети – "как кутя, так и дитя", - судачили соседи. Им надо было помогать. Оклад у деда был мизерным, а от крестьянской работы он отвык. Видя печальный опыт сестер, Даша не рвалась замуж, хотя и были претенденты. И решила Даша учиться. Шитьем подзаработала денег, отправилась в Нежин, где поступила в школу фельдшеров-акушерок. Но, видимо, от судьбы не уйдешь и не уедешь. Несчастливый билет у судьбы вытянули все три сестры. Все они рано овдовели, у всех остались дети, требующие расходов на жизнь и воспитание. У старшей было восемь детей, у средней и у младшей – по двое. Вышли замуж второй раз и овдовели по второму разу. Ужасной оказалась судьба у старшей. Она прожила более восьмидесяти лет, потеряла двух мужей и всех своих детей. Причем половину – во взрослом состоянии. Мы редко встречались с этой тетей, а все сведения получали из писем, которые она регулярно посылала маме. Мы редко видели и бабушку с дедушкой. Моя мама, как об этом уже говорилось, вышла замуж на Украине и там осталась жить. В первые годы – маленькие дети, а потом дети и больной муж, а отпуск у фельдшера всего две недели. Расстояние вроде бы по теперешним средствам сообщения и не большое – 350 км. А в те годы преодолеть его было не просто: две пересадки в Гомеле и Новозыбкове. Поезда ходили один раз в сутки и были страшно перегружены, так что путешествовать с таким составом было очень сложно.

Вспоминается один наш приезд к бабушке уже после смерти папы. Нам было приблизительно шесть и пять лет. Усадьба или, точнее, участок у бабушки был очень маленький, да и тот, в основном, занят огородом. Так что, когда нас отпустили погулять, мы минут за двадцать уже весь его изучили, всюду заглянули, остался не обследованным только чердак. Вход на чердак был со двора, и к нему была приставлена лестница, которая так и притягивала наше любопытство. Выбрав момент, когда во дворе не было никого из взрослых, мы потихоньку лесенка за лесенкой стали подниматься: я – впереди, сестренка – за мной. Когда мы поднялись на такую высоту, что можно было заглянуть на чердак, остановились (дверь была открыта) и заглянули... И о, ужас! На чердаке стояли два гроба. Не помня себя от страха, мы почти скатились с лестницы и, конечно, к маме: "Мама, там кто-то умер!". Галочка утверждала, что она даже видела покойника. – "Где?" – спросила мама, а мы молча показали на потолок. Недоумение тут же прошло, потому что бабушка, которая слышала наше взволнованное сообщение, рассмеялась и все объяснила. Дедушка однажды сказал ей: "Знаешь, Паша, мы стареем, сыновей у нас нет, а дочерям и так забот хватает, им и без того трудно живется. Сделаю я два гроба, и пусть они стоят на чердаке, придет наше время пригодятся". Спорить с ним, видимо, было бесполезно. Два дубовых гроба простояли на чердаке около 30 лет и пригодились-таки. Дедушка умер первым, во время войны. Территория эта была оккупирована немцами. В избушке, где жили старики, была такая бедность, что даже мыши сбежали. Когда умер дедушка, соседка помогла собрать его в последний путь. Снять гроб с чердака помогли проезжающие мимо дома мужчины...

Бабушка прожила еще несколько лет и как свеча тихо угасла в своем доме, отвергнув многочисленные приглашения дочерей перебраться к ним.

Из комичных историй помнится следующая. Когда дед был еще ребенком, его очень любила его бабушка. "Это и не диво", — скажет любой взрослый. "Бабушка, достань мне вот то яблочко", — указал маленький Рома. И бабушка кинулась выполнять просьбу любимого внука. Надо сказать, что рядом с домом был глубокий овраг — следствие эрозии почвы. Яблоня же росла над этим рвом. Бабушка Ромы полезла за яблочком и... сорвалась в ров. Потом, она долго помнила это яблочко и свою неосмотрительность.

Помнится еще одна история — уже не смешная, а, скорее, поучительная, говорящая об отношениях между людьми в то далекое время. Рядом с участком моего деда жили соседи по фамилии Калман. Одно время соседи были с ним в ссоре. Но случилось так, что у соседа загорелся дом и пожар начался со стороны моего деда. Пожар — это всегда горе, и все об этом знают. Надо немедленно сообщить соседу, несмотря на размолвку. Дед решил эту проблему, по-моему, очень оригинально. Он немедленно подбежал к дому соседа, постучал в окно и, когда убедился, что его слышат, сказал одну фразу: "Дурные Калманы, горите!". Тем он предупредил о несчастье, но не дал повода думать, что простил обиду.

Мой отец — Мироненко Семен Михайлович — родился в 1895 году в семье извозчика. Окончил церковно-приходскую школу и рано начал батрачить, то есть работать по найму у местного помещика. Был веселым и общительным молодым парнем, хорошо играл на гитаре, любил петь и знал много песен. Эти сведения я почерпнул из рассказов мамы, которая его очень любила, и, частично, от деда Савелия Якимовича, о котором еще будет речь впереди. Он, в частности, рассказал такой эпизод.

Когда у помещика на большой плантации созрела клубника, выбирать ее поставили деревенских девушек по найму, а моего отца приставили к ним в качестве надсмотрщика, чтобы девушки не ели ягод, и носильщика корзин с ягодами. Издали, с веранды дома, за работой наблюдала барыня (помещица). Она видела, что девушки иногда подносят руки ко рту и кричала: "Семен, получше смотри за ними, а то они всю клубнику съедят!". Семен, будучи уверенным, что его не слышно, дал такой совет: "Что вы, девушки, бе-

рете по одной ягодке – только руки часто мелькают, брать надо по целой жмене (пригоршне)". Молодые девушки прыскали со смеху и, надо думать, не пренебрегали советом надсмотрщика. Однако нашлась Иуда в юбке – ключница, которая донесла барыне. На следующий день Семена сняли со сладкой должности.

К началу Первой мировой войны отцу было около девятнадцати лет (как мне к началу Второй мировой). Он был мобилизован и воевал в Галиции, по всем данным, в пехоте. Солдатом он был, видимо, неплохим. В нашей семье долго хранилась фотография отца с той войны, где он был с Георгиевским крестом и какими-то нашивками. Эта фотография погибла во время Великой Отечественной войны вместе с домом, о чем уже написано. Но, как известно, военное счастье переменчиво. После успехов русских войск в Галиции, были большие неудачи. Часть русских войск попала в окружение и в плен, в том числе и мой отец. Около двух лет он пробыл в плену.

Пишу эти строки и не могу удержаться от слез: как много у меня в мои 60 лет для этого оснований. Конечно, прибывшему из плена устроили баню, сменили одежду, накормили. Его завшивленные тряпки тут же сожгли. Зеленым ковром во дворе расстилался нетоптанный спорыш. Буйным цветом цвели вишни. Так хорошо было оказаться в кругу родных и близких и забыть хотя бы на время ужасы войны и плена.

Поправившись, отец стал работать на цементном заводе. Не исключено, что на этом заводе, ближайшем к дому, он еще до войны приобрел специальность. Основной продукцией этого завода были цементные трубы – кольца для колодцев. Мы, когда подросли, неоднократно спрашивали маму: "Кем был наш

папа?". Она отвечала: "Техником на цементном заводе". Если он и занимал эту должность, то, очевидно, по опыту работы. Я не помню, чтобы мама рассказывала о его учебе в каком-то учебном заведении. Не видел я и документа, который бы подтвердил ее слова.

В Плисках, где мама работала в больнице, мы жили в казенном доме, занимая комнату средних размеров. Вход в нее был из общей кухни. Кроме нас в этом доме жил фельдшер с женой и врач-холостяк Григорий Трофимович Бувайлик. Я очень хорошо помню обстановку нашего жилья. Слева от входа стоял шкаф, рядом с ним большая корзина, плетеная из ивовых прутьев, у окна — два цветка в больших горшках, в углу стоял туалетный столик мамы, у второго окна — еще один цветок, китайская роза в кадке, в углу — мамина двухспальная кровать (на ней она спала с Галочкой), у стенки — моя кроватка, затем ширма, которая отделяла мою кровать от кушетки папы.

Интересно появление цветов в нашей "квартире". Раскулачивали одну семью и отбирали у нее дом. Хозяйка дома была маминой пациенткой, раньше бывала у нас и видела, что наша комната позволяет держать цветы крупного размера. Вот она и попросила маму приютить ее цветы. Я помню их названия: фикус, арум и китайская роза.

Отношения с соседями были хорошими. Молодой доктор никогда не забывал угостить нас конфетами. Происходило это обычно так: доктор входил в комнату, где мы играли, обычно 3-4 человека, поднимал руку с конфетой и громко спрашивал: "Кому?". Кто раньше успевал сказать: "Мени", — тот и получал конфету. В конце концов, у нас выработалась хорошая реакция на слово "Кому?".

На отдых в Плюти. Сын Володя с двоюродным братом Валентином

В Плисках отец не работал. Запомнился мне он худым, кашляющим. Гитару, которую он всегда возил с собой, очень редко брал в руки. Редко ласкал нас, видимо, из-за боязни заразить нас туберкулезом. Мама этого очень боялась и делала все возможное, чтобы оградить нас от болезни. Жили мы, конечно, не богато, так как работала одна мама, а помощи со стороны не было. Папу однажды по бесплатной путевке отправили в Крым на курорт. Оттуда он вернулся окрепшим, порозовевшим, привез маме в подарок пурденицу из мелких ракушек, а нам сладостей. Появилась тогда надежда на его выздоровление. Но, увы... Вскоре признаки болезни возобновились, а 5 марта 1926 г. он умер.

Позже мама рассказывала, что она, потрясенная случившимся, несмотря на то, что исход-то был известен, заметила, как у папы синели ногти...

По желанию отца его хоронили в Нежине. Но для этого тело было необходимо перевезти из Плисок в Нежин. Нашелся человек, его звали Петро, о котором взрослые говорили, что он и черта не боится. Сам Петр, правда, сказал, что покойников он не боится, больше боится волков, которых в ту зиму почему-то было очень много, больше, чем обычно бывало в прошлые годы. Но наши детские уши оберегали от сведений о том, что кого-то съели, и т.п.

Я видел, как гроб поставили на розвальни, как плакала мама и многие женщины, как Петр стегнул лошаденку и выехал со двора больницы. Мы с мамой поездом должны были выехать в Нежин утром. Вечером, после того, как отправили нашего папу, в доме были поминки. Только много лет спустя я понял важность этого традиционного в христианстве обычая. И пусть взрослые не думают, что в таком возрасте дети ничего не помнят и не понимают. С того времени прошло более 70 лет, но я очень хорошо помню, что спрятался я за правой половиной двери, где между ней и печкой было пространство около полуметра. Выше на гвозде висела папина бекеша. Под бекешей, в этом маленьком пространстве, я и спрятался. Через некоторое время меня, конечно, нашли, заливающегося горькими слезами. Мне не задавали вопросов, но каждый старался как-то выразить свое сочувствие.

Глава 2

Здесь невозможно не сделать отступления и не высказать свое мнение о роли отрицательных эмоций в формировании личности. Пусть простят меня те, кто будет читать эти заметки, за то, что я лишь на одном наблюдении, т.е. только на личном опыте делаю важный вывод.

После того печального марта 1926 г. прошло много лет. Я вырос, закончил школу, техникум, вернулся с войны, закончил академию, уже вернулся после службы в ГДР и работал в одной из клиник.

Летом 1963 г. умерла мать моей жены Анна Ивановна — замечательная женщина, отдавшая всю себя мужу, детям и внукам. Она давно уже страдала заболеванием сердца. За несколько дней до печального исхода ее перевезли с дачи, которую мы снимали в Парголово, в клинику института усовершенствования врачей в Ленинграде. Накануне дня похорон не-

обходимо было решить вопрос, как поступить с ребятами. Брать их или не брать на похороны? Однозначной была позиция моей жены, дочери усопшей: нет, незачем травмировать детскую психику. Тогда я думал так же. Действительно, казалось нам, надо щадить детей, а им было тогда 8 и 4 года. Увозить с дачи в пыльный и жаркий город только для того, чтобы они увидели печальную картину похорон, в которой они ничего не поймут, не имело никакого смысла. Дети остались на даче и очень скоро забыли бабушку. Их психика не пострадала.

Прошло уже более тридцати лет. Рядом со мной мои замечательные внуки - Милочка и Сережа. Естественно, их, как и своих детей, мы всячески оберегаем от всего, от чего только можно уберечь. Но! Замечал я неоднократно при просмотре кинофильмов, что внуки мои равнодушны к чужому горю на экране. Даже в тех случаях, когда у взрослых навертывались слезы, наши внуки проявляли олимпийское спокойствие. Казалось, что их это нисколько не волнует. Разумеется, разницу в реакции можно объяснить поразному. Но я пришел к твердому убеждению, что оберегать детей, конечно, нужно, но не от отрицательных эмоций, связанных со смертью близких. Звучит это, вероятно, парадоксально. Мне же с высоты моего возраста и жизненного опыта представляется, что и отрицательные эмоции, так же как и положительные, совершенно необходимы для формирования личности. Они есть непременная часть внешней среды. Без них воспитание оказывается, если не односторонним, то, во всяком случае, лишенным какогото очень важного элемента. Мои рассуждения можно назвать примитивными, сказать, что я слишком просто смотрю на вещи. Возможно, я не нашел более убедительных слов.

В деревне, мне это известно, от детей не скрывают ничего. Они видят все. Не потому ли крестьяне сердечнее горожан, особенно тогда, когда видят, что человек попал в трудную ситуацию? Примеров выраженного эгоизма даже по отношению к близким родственникам предостаточно.

Оберегать детей нужно от чего другого, но не от жизни со всеми ее проявлениями, пусть даже тяжелыми

Эпизод из жизни в Плисках. Заигрались мы както у Гали. Возвращаться домой через сад, хотя это было и ближе, побоялись. Пошли по дороге. Улица была пустынной. Светила луна. Где-то лаяли собаки, и нам, дошкольникам, было страшновато. А тут вдруг на нашем пути, буквально на нашей дорожке, стоит что-то большое и черное. Что же это может быть? Двух мнений не было. Было одно мнение двух пешеходов: конечно, это волк. Принимаем решение: "Ты, Галочка, стой здесь, а я пойду вперед и его прогоню". У храброго мальчика дрожали поджилки, но я шел и вскоре увидел, что это "большое и черное" — пень, который выкорчевали, выкатили из ямы, но еще не успели убрать.

Однажды мне, больному каким-то простудным заболеванием, местный лавочник, конечно через маму, передал апельсин. Надо сказать, что в то время, да еще в деревне, это была большая редкость. "Это вашему мальчику за то, что он хорошо воспитан". Мама, надо думать, выслушала его с большим удо-

вольствием. А предыстория этого события, естественно, тоже была. Нас с сестрой и Валиком (Сапоном) как-то пригласили на день рождения к дочке лавочника. Нас угощали: мы пили чай с вареньем, долго играли игрушками "новорожденной". Очень мило провели вечер. Но всему бывает конец. И нас тоже выпроводили домой. Где-то на полпути Валик берет мою руку, хитро улыбается и сует ее в карман своего легкого пальтишки. Я обнаруживаю кубик, которым мы играли. Валик взял его без спроса себе на память, а проще - своровал. В эти годы я уже твердо знал, что чужое брать нельзя. Но и Валика тоже выдавать нельзя. Трудная была задача для пятилетнего человечка. И вот мы сообща принимаем решение: вернуться, отдать кубик и сказать, что мы его взяли случайно. Родители нашей подружки были немало удивлены, когда, спустя полчаса, тройка "гостей" снова постучалась в дверь. Второй наш визит был очень коротким. Мы отдали кубик. Взрослые улыбнулись, поблагодарили и, как нам казалось, полностью поверили сказанному. А мне, как старшему, это, оказывается, зачлось.

Наша детская относительная свобода, которая была обусловлена большой занятостью родителей, подчас имела печальные последствия. Село Плиски было большим даже по современным масштабам. Кроме того, к больнице были приписаны еще несколько хуторов, а их было немало. Штат больницы: один врач, один фельдшер и фельдшер-акушерка (моя мама). Помню, мама часто жаловалась на большие приемы, особенно осенью и зимой. В весеннее время (посевная) и летнее (жатва, сенокос) амбулаторные приемы были меньше. Но увеличивалось количество вызовов к тяжелым (часто запущенным) больным на дом. И существовал еще и стационар – на сколько коек, не знаю. Конечно, он был небольшим. Но производились операции, и, значит, существовала необходимость выхаживать больных. Была родильная палата. А акушерке еще и вызовы на роды, которые, как известно, чаще всего бывают ночью. Полагаю, что мама моя справлялась с этой сверхбольшой нагрузкой только потому, что была еще относительно молодой и имела четырех человек на иждивении.

О печальных последствиях "свободы" мне и сейчас напоминают слабовыраженные рубцы на пальцах, на верхней губе, напереносице и даже на языке. Это при том, что я считался спокойным ребенком. Все эти травмы были, разумеется, случайными. Вот, например, на усадьбе Долиных валили большие деревья тополя. Была ранняя весна, листьев на деревьях еще не было. Были набухшие почки и кора, что особенно было заметно на ветвях верхней части стволов. Нас, детей, конечно, прогнали подальше. Но вот после того, как уже было свалено несколько стволов больших деревьев и рабочие пошли обедать, мы, ребята, завладели положением: вернулись и завладели топорами и пилами. Кто-то из нас сделал открытие: если тюкать по белой коре тополя в разных направлениях, то отскакивают очень симпатичные квадратики коры: чистенькие, приятно пахнущие тополиными почками. Словом – игрушки, что надо. И вот Галя тюкала, а мы – кто стоял поближе – выбирали квадратики коры. В один момент, видимо, ей показалось, что удар топором был недостаточно сильным, и она

решила его повторить. Я-то об этом не знал и полез за корой. Удар топором пришелся на указательный палец у его основания и на сустав среднего пальца правой руки. Было, наверное, больно, я этого не помню. Но было много крови. Я подсознательно зажал травмированные пальцы левой рукой. Все мы, а нас было человек шесть, дружно заревели и кинулись к Галиной маме. Позже из разговоров взрослых я узнал, что когда в квартиру ворвалась ревущая компания детей, нелегко было узнать, кто из них пострадал и вообще в чем дело. Вот чем иной раз оборачивается солидарность. Наконец, кто-то сказал, что мне отрубили пальцы. Я же пришел последним и, конечно, тоже плакал. Дружный рев ребят, само содержание их сообщения и, особенно, вид окровавленной ручонки произвели на Галину маму, которая вообще боялась крови, такое впечатление, что она лишилась чувств. Дети подумали, что Галина мама умерла и заревели еще сильнее, если это можно себе представить. Что тут было!

На шум пришел Галин отец, он быстро разобрался в обстановке и первым делом, как теперь говорят, провел сортировку: пострадавших (а их теперь уже было двое) оставил на месте, а всех прочих выставил на бодрящий весенний воздух. Галину маму привели в чувство, меня перевязали и направили к своей маме в больницу для оказания квалифицированной медицинской помощи. Сопровождали меня один взрослый и пятеро хлюпающих ребят.

Прошло года полтора. Мы жили уже в другом месте, куда маму перевели по службе. И по каким-то делам она приехала в Плиски и взяла меня с собой. Доброй была наша встреча со старыми друзьями. Пока мама ходила по делам, ребята повели меня смотреть новую веялку. Лучше бы я ее не видел. Несложная эта сельскохозяйственная машина на ребят производила сильное впечатление. Еще бы – большая, выкрашенная свежей масляной краской, она представлялась нам чем-то невиданным. А мы и действительно ничего подобного раньше не видели. Нам интересно было и то, что можно было покрутить большую ручку, и то, что через щели видно было вращение широких лопастей, создающих ветер. С другой стороны корпуса веялки - почему-то снаружи, а не внутри – находились шестерни, с помощью которых усилия передавались на вращающиеся части. И вот. когда я крутил ручку, Валик, находившийся с другой стороны, решил вынуть соломинку, которая попала между зубцами шестерен. Один миг, резкий крик – и Валик навсегда остался без большого пальца на правой руке.

Плакали мы, плакали наши мамы. В течение многих лет при воспоминании об этом случае мне становилось очень грустно. Правда, случайно встретившись в начале войны с Валиком, я узнал, что его не взяли в армию из-за отсутствия пальца на правой руке.

Память сохранила мне кое-что, что позволяет судить о нашем отношении к животным, к обучению грамоте и даже к религии. На территории больницы проживало несколько собак-дворняжек. Они были ничьими, то есть общими, и мы, как вероятно и все дети мира, их любили, ласкали и делились с ними бутербродами. Случалось, собаки подыхали или исчезали неизвестно куда. Для нас это было большое горе.

Помнится, исчез наш веселый, ласковый, неопределенного цвета Полкан. А спустя несколько дней сосед, который жил напротив больницы, дед Марко нам сообщил, что наш Полкан околел у него под скирдой. Мамы подозревали, что его убили. Как бы то ни было, на его похороны мы отправились втроем. Была снежная зима, мы шли за Полканом по глубокому снегу, а его, обвязав перевеслом (жгутом из соломы) за грудь, тащил хозяйский сын Иван. Транспортировал он его таким образом через замерзшую реку, в камыши, где и зарыл в снегу. Мы шли сзади и плакали, а Валик даже причитал, но вместо слова "Полкан" он почему-то произносил: "Ой, Паркан, ой, Паркан, ой, Паркан".

А хоронить Мушку нам мама не разрешила. Мушка перед этим очень похудела. Мама сказала, что у нее туберкулез.

Кроме собак, на больничном дворе мы познакомились с казенной лошадью, которой управлял санитар, отличавшийся большой рыжей бородой и не очень приветливым характером. Возможно, и потому, что больничный старый мерин к нам проявлял полнейшее равнодушие, видимо, потому, что мы побаивались его. Только к собакам мы относились лучше, чем к санитару и его лошади.

Летом, когда под теплым украинским солнцем все благоухало и росло, объектов для наблюдения становилось очень много. В больничном фруктовом саду было много птиц, жуков, бабочек и всякого рода букашек. Многое мы видели впервые. Часами, благо торопиться было некуда, мы могли наблюдать за муравьями и какой-нибудь жужелицей. Интересны были зеленые жуки, хрущи, божьи коровки, солдатики и многое другое. При случае взрослые давали нам объяснения. Словом, мы постепенно познавали мир.

Отношение к религии определяется, как известно, воспитанием, в первую очередь. Мне, убежденному атеисту, совершенно ясно, что такое отношение к религии сформировалось у меня потому, что никакого давления со стороны окружающих я никогда не испытывал. Мама была верующей. Видимо, сказалось ее пребывание в церковном хоре, а в последующем трудная, не сложившаяся жизнь. Это была вера потребительского плана, отнюдь не фанатичная. Разумеется, будучи служащей государственного учреждения, в церковь она не ходила, икон в доме не держала. Иногла расшалившимся детям напоминала: "Бог все видит" и показывала на потолок: "Он вас накажет за непослушание!". В отличие от мамы, мы с сестрой в церкви бывали часто. Еще бы, отец нашей подруги был священником. Мы были, что называется, вхожи в церковь в любое время. Побудительным мотивом была не вера, а неиссякаемое детское любопытство. Само здание церкви, ее интерьер, запахи, хор, служба, одежда священника и его помощников, даже вид прихожан, их поведение – все было необычно, не таким, как в повседневной жизни. Оттого-то мы и появились в церкви. По подсказке взрослых снимали свои шапочки, обнажая остриженные головы, и даже крестились. Надолго нас, естественно, не хватало. Мы тихонько пробирались к выходу и бежали в сад. И хотя ни единой службы до конца мы не выстояли, все же знали, чем по обряду крестины отличаются от похорон, а похороны – от свадьбы, что для нашего возраста было немало.

Случалось, сердобольные мамины пациентки предлагали свести нас с сестрой в церковь на всю службу. Это уже было серьезно. Помню, однажды одна бабушка повела нас к причастию. Перед причастием полагается исповедь. Нас готовили к причастию: мама рассказала, что нам предстоит встреча со священником, разговор с ним, что мы должны правдиво отвечать на все его вопросы и что нас угостят сладкой водичкой (это церковное вино – кровь божья и просфора – тело божье). Далеко не все было понятно, но обещали надеть новые ботинки, и это определило наше отношение к причастию. Утром следующего дня нас одели в чистую одежду и новые ботинки. Еще до прихода провожатой мама, зная, что дело это не быстрое, заставила нас выпить по чашке молока, но это, как она сказала, секрет, об этом никому нельзя говорить, даже священнику.

Мы это усвоили. Спустя некоторое время после начала службы, предшествующей исповеди и причастию, мы, видимо, начали вертеться, что можно было объяснить естественным дефицитом терпения. Наша наставница истолковала это по-своему. Она решила, что мы хотим есть. Вывела нас из церкви и купила нам по большому прянику у бабок, которые торговали тут же на ступенях церкви. "Ничего, – сказала она, – вы маленькие, вас Бог простит". Мы против пряников возражений не имели и с удовольствием их слопали. А когда подошла наша очередь исповедоваться, Галин папа, слегка прикрыв наши головы своим парчовым передником, спросил, слушаем ли мы маму. Мы ответили: "Да". "А ели вы что-нибудь сегодня?". О пряниках мы рассказали, а о молоке – ни-ни. Как бы то ни было, но таинство было окончено, о чем мы побежали докладывать маме.

Мне запомнились религиозные праздники: Троица, Пасха, Спасов день, главным образом, потому, что были хорошо обставлены как зрелища. Теперь мне понятен расчет сценаристов-церковников и значение их церковных представлений. Они были искушенными психологами. Прежде, чем что-то внушать, необходимо было подготовить психику внушаемых. Как-то увидел я, по-видимому, то, что мне видеть не полагалось, и доложил маме, что после службы в Спасов день на квартиру священника пономарь отнес две большие корзины с булками, яблоками и конфетами: Мама внимательно посмотрела на меня, покачала головой и улыбнулась: "Не пропадать же добру!".

Больные люди, которые приходили на амбулаторный прием, как, впрочем, и все жители села, относились к нам, детям, очень хорошо. По-своему ласкали нас, особенно женщины, называли нас бедными сиротами. Иногда от проявления такого сочувствия мне становилось очень жалко себя. А мы отличались от деревенских ребят одеждой и здоровьем и еще тем, что нас, по-видимому, чаще мыли. Избежать инфицирования туберкулезом, несмотря на старания мамы, нам не удалось. Мы были бледными, худыми и отличались плохим аппетитом. Бывало, мама выходила из себя, чтобы заставить нас съесть котлету, и в сердцах обзывала "здыхотами". Вскоре, а точнее – летом, в год смерти отца у сестры появились большие нарывы на шее, последовательно справа и слева. Их пришлось вскрывать. Было много гноя, еще больше слез. Дело закончилось обмороком не у больной,

а у "ассистента" — тети Маруси, которая вызвалась подержать девочку. В то время лимфадениты еще не числились среди туберкулезных заболеваний. Этим, к сожалению, не закончилось. Спустя много лет судьба еще раз напомнила сестре о ее происхождении. Но об этом позже.

Маму иногда приглашали на свадьбу. Запомнилась форма приглашения. В нашей комнате появлялась молодая пара и, смущаясь, произносила: "Просил отец, просила мать, просим и мы: приходите к нам на свадьбу, Дария Романовна!". Мама благодарила, посылала подарок, но сама на свадьбу никогда не ходила, а нас отпускала посмотреть, если это было недалеко. Казалось, что гостеприимные хозяева очень рады нашему приходу, и, если бы не мы, то и свадьба могла не состояться. Столы ломились от еды, суетились женщины, мужчины степенно дымили самосадом. Однажды побывав некоторое время в такой до предела праздничной обстановке, я настолько проникся ею, что, когда заиграла музыка (типичными инструментами деревенского оркестра того времени были скрипка, бас, балалайка и бубен), я выскочил на середину хаты и первым пустился в пляс. Оркестр играл гопак, никто мне не мешал. Наоборот, все расступились, сделали "шире круг". Я старался: и "руки в боки", и "вприсядку". Взрослые, конечно, смеялись, потешались, а некоторые говорили: "Ты дывысь, яке мале и не боится!". Мне было в то время около пяти лет. Мне аплодировали, меня хвалили, а хозяйка в качестве премии выдала мне украинский пирожок с сыром. Украинский - это значит, что величина его была чуть меньше моей головы. Было, правда, на свадьбах и по-другому. Иногда таких, как я, зрителей набиралось очень много. Части взрослых было просто некуда войти. Тогда с нами поступали так: хозяйка нас наскоро угощала, а кто-либо из распорядителей, обычно уже красный от предварительного "приема", подходил и произносил известную на Украине фразу: "Пылы, илы, молоду бачилы, то и гуляйте с хаты". Короче, нас выпроваживали, но мы и не думали обижаться.

Однажды мы с мамой были на обеде у местного землемера. Принимали нас очень хорошо: показывали свой дом, огород, и увлеченный хозяин показывал своих шелкопрядов. Мне он подарил на память кокон. Из разговоров взрослых я узнал, что коконы разматывают в горячей воде и получают из них тонкие нити, из которых потом получают натуральный китайский шелк. Все услышанное я, что называется "намотал на ус". Спустя несколько дней мама, придя с работы, застала меня с блюдцем горячей воды, в которой я пытался размочить свой кокон и превратить его в шелковую нить. Мама мне ничего не сказала: по-видимому, ее вполне устраивала моя тихая игра. Но вот через некоторое время по делу к маме зашла одна из санитарок. Они что-то там писали, а потом пришедшая спросила: "Дария Романовна, а что он там сопит?". Тут, видимо, следует объяснить, что в детстве, когда я чем-нибудь увлекался, то, по-видимому, даже задерживал дыхание, а со стороны казалось, что я соплю или "крекчу". Мама ответила, что я занят изготовлением шелка. Санитарка подошла посмотреть. Я подтвердил, что разматываю кокон для получения шелковой нити. Она улыбнулась и спросила, нельзя ли и ей шелку на платье. Нельзя сказать, что я совершенно не понял ее иронии, но все же приятно было получить первый заказ. И я совершенно серьезно ответил, что можно, но только после мамы. Женщины долго смеялись, видимо, от радости, что у них будут новые шелковые платья.

Интересно, что спустя почти 60 лет по телевизору показывали получение шелковых нитей из коконов. Должен сказать, что моя "технология" была очень похожей. Правда, масштабы другие.

Глава 3

Школа

Грамоту я начал постигать дома, еще до поступления в школу. Занималась со мной мама, но очень нерегулярно и по системе, которая и сейчас неизвестна классической школе, то есть от случая к случаю. Но, похоже, что буквы я одолел все. И лихо читал детские книги "на память". Своевременно переворачивал страницы, но не читал, а воспроизводил чтение по книжечкам, которые мне привозил из Нежина мой старший брат Саша. Знакомые удивлялись, а я молчал из скромности. Я "читал", забыв перевернуть страницу. Мне было лет пять, когда к нам однажды пришел мой будущий папа (отчим) Иван Саввич. Они сидели с мамой за столом и о чем-то разговаривали. Я вертелся рядом с мамой и усиленно смотрел на бумаги Ивана Саввича, лежавшие на столе. На одной из них крупным печатным шрифтом было написало "Протокол". Я прочитал, но слово было совершенно незнакомое, я его нигде ни разу не слышал. Я прочитал еще раз, а потом решился спросить:

- Это протокол?
- Протокол, ответил Иван Саввич, ты сам прочитал?
- Сам, сам... и застеснялся. Меня похвалили, и тогда я понял, как хорошо быть грамотным.

Через некоторое время моя мама оформила свои отношения с Иваном Саввичем, и у меня появился второй папа. Комнатка, которую мы снимали у одной вдовы-старушки, была очень маленькая, метров восемь. В ней находилась мамина и моя кровати, столик, мамина швейная машинка "Зингер" и два стула. Иван Саввич работал в какой-то районной организации по мирчуку (по-современному это — налоговая инспекция). Ему приходилось много бывать в разъездах по районам области. Редко ему давали автомобиль, чаще приходилось ездить на лошади. А как кавалерист в прошлом, он заимел собственную лошадь. Жеребец у него был удивительно красив: черной масти, молодой и, видимо, хорошо упитанный, он вызывал зависть у всех, кто на него смотрел.

Однажды я был свидетелем такого случая. Иван Саввич приехал из командировки голодный, в плохом настроении и очень уставший. По виду коня было видно, что проскакал он на нем не один десяток километров: черный конь был в белой пене. Известно было, что с таким конем надо правильно обращаться: не поить немедленно, дать постепенно остыть, а уже потом напоить и покормить. Иван Саввич все это знал и, решив, что и сын хозяйки это знает, поручил ему

походить с конем, дать ему остыть, а затем напоить и поставить в сарай. Петя же этого ничего не знал. Он напоил коня и поставил его в повитку. Повитка — это часть сарая, не имеющая одной из стен, где обычно хранят сельскохозяйственный инвентарь от снега. А поскольку у вдовы никакого инвентаря не было — повитка была свободной. Туда и поместил Петя дорогого коня. Это была оплошность двойная, поскольку село Фастовцы считалось воровским. Только к вечеру, после краткосрочного отдыха, Иван Саввич спросил о коне.

- Как конь, Петя? спросил Иван Саввич.
- Я его поставил в повитку.
- Куда?

И Иван Саввич вихрем вылетел во двор, подбежал к повитке. Конь был на месте — его еще не успели украсть. Иван Саввич успокоился и после провел душеспасительную беседу с Петром.

После ужина все шло своим чередом. Иван Саввич спал с мамой, я — на своей кроватке, а Галку отправляли спать на печь к бабушке-хозяйке.

Дальше мы съехались с родней Ивана Саввича. Мама не хотела бросать работу, поэтому семье мужа пришлось приехать в Фастовцы. Естественно, мы сменили квартиру. Сняли большую комнату у бывшей помещицы. Она не была репрессирована: может быть, по возрасту, а может - потому, что еще до революции добровольно отдала свою землю революционным властям. Много позже, когда я уже что-то начал понимать, мама объясняла мне причину своего решения выйти замуж вторично. У Ивана Саввича была большая семья: трое детей и старик-отец. Старшему сыну от первого брака – Николаю – было лет четырнадцать. С первой женой Иван Саввич разошелся подоброму и даже выдал ее в последующем замуж за своего односельчанина. Вторая жена – Анюта– померла, оставив ему двоих девочек.

"Долго я думала, – объясняла мне мама, – посоветоваться было не с кем. Вы – маленькие, а моя мама, ты же знаешь, была далеко в Брянской области. Из рассказов Ивана Саввича я знала, какую нелегкую жизнь вел старый человек (дед) с тремя детьми. Сочувствовала, учитывала и то, что вы будете расти без отца, и вот решилась".

Поехали с Иваном Саввичем в Монастырище. Перед отъездом мама, зная возраст девочек, сшила им украинские костюмчики. Эти обновки не видел и сам Иван Саввич – я думаю, это была женская хитрость. В Монастырище мама увидела большой дом, где дед с внуками жил, занимая только кухню. Остальные комнаты не топили из-за экономии дров. Маме показали неухоженное жилье холостяка: давно не мытый пол и мебель с налетом пыли, грязноватых девочек. После знакомства мама распорядилась топить печь и греть воду. "Будем детей мыть", - сказала она. Дед беспрекословно повиновался. В той же печке готовили и кое-что на ужин. Затем было купанье в ночвах (порусски – в корытах). Девочек мама вымыла, надела на них чистенькие новые рубашонки и украинские костюмчики. Девочки, здоровые от природы, преобразились. Шура – старшая – была белобрысой (блондинкой), Лена – младшая – была шатенкой. Выглядели обе очень хорошо. Когда сели ужинать, дед не удержался и заплакал, приговаривая: "Спасибо тебе,

После получения первой награды

сынок, ты нашел настоящую мать своим детям. Жаль, нет моей бабы, она бы порадовалась вместе со мною!". Так небольшое доброе дело растопило лед в душе старого человека.

На семейном совете было решено переезжать в Фастовцы. Мама боялась остаться без работы. Она, конечно, представляла, что значит не работать и обслуживать шестерых иждивенцев. И твердо поставила условие, что она будет работать. Переезд во все времена — непростое дело. Не зря опытные люди говорят, что два переезда равны одному хорошему пожару.

В Фастовцах нам жилось нелегко из-за тесноты. Ведь нас уже было девять человек, а комната – одна, хоть и большая.

Часть мебели перевезли из Монастырища, но от этого стало еще теснее. Так, промучившись зиму, весной решили переехать в Нежин — в дом, оставленный нам моим родным отцом. Собственно, это было полдома. Во второй половине жила моя тетя Маруся с сыном Сашей — моим двоюродным братом. Маруся очень любила своего младшего брата — моего отца Семена Михайловича. Очевидно, поэтому любила она и меня с сестрой — его детей. Мама же, по-моему, немного ревновала Марусю за любовь к детям. Это звучит странно, но в жизни случается неоднократно.

Прошли зима и лето, а осенью мне полагалось идти в школу. Школа-семилетка находилась недалеко от нашего дома. Я там бывал вместе с братом. А по рассказам знал, что, когда пришло время ему записываться в школу, он сам пошел и записался. Так решил поступить и я, не зная, что для этого нужны документы. Дежурная учительница была очень ласковой, расспросила меня обо всем, а когда узнала, что я — брат

Саши Шейко, записала, только попросила принести метрику (свидетельство о рождении).

Домашние были очень удивлены такой моей оперативностью. В Нежине нам пришлось нанять няньку, а комната одна и кухня, хотя и большая. Дед занял печку, Николай — лежанку, нянька спала на раскладушке. В комнате стояло две двухспальных кровати: одна для мамы с папой, а вторая для нас. Четверых клали поперек, и нам этого было достаточно.

Однажды я спал почему-то плохо и невольно подслушал, о чем говорили взрослые. Отец: "Ты, Дашенька, настояла, и я тебя послушал. Мы переехали в Нежин, а что хорошего? Та же теснота. Мы не имеем даже отдельной комнаты. У меня в Монастырище, да ты же видела, дом — четыре комнаты и большая кухня, большой сад и огород. Есть все для большой, как наша, семьи".

Отец еще долго рассказывал, как ему достался этот дом. Во время Гражданской войны Иван Саввич был партизаном, точнее — красным партизаном. За боевые заслуги он даже был награжден знаком "Герою революционного движения", полученным тогда, когда еще не было советских орденов. Семья отца Ивана Саввича (отец Савелий Якимович был лесником, т.е. самым низким чином в лесничестве, а точнее, сторожем лесных угодий, принадлежавших магнату Галагану. Жил он с семьей в лесной сторожке на опушке большого леса. Однажды банда головорезов явилась в лесную сторожку, разграбила домашний скарб, который был, кстати сказать, не очень обильным. Грозили расстрелом всем членам семьи.

- Где сын? спрашивал старший, взяв за грудки деда.
- Разве я знаю, отвечал отец. Разве твой отец знает, где и с кем ты воюешь? не без ехидства отвечал старик.
- Хватит разговоры разговаривать. Повесить старого дурня!

Тут же кто-то из младших сорвал бельевую веревку и накинул на шею петлю. Упала на колени старая Опарчиха. Умоляла пощадить: "У нас же куча детей!". Громко плакали младшие девочки-двойняшки – Марфа и Ольга. Услышав плач, из кладовки вышла старшая дочь Оксана. Ей уже было около двадцати. Высокая ростом, молодая и пригожая она обращала на себя внимание не одного казака. Старший увидел ее и позвал к себе. Чуя недоброе, Оксана сказала: "Я сейчас", и что есть духу побежала в сторону леса. Бандит на какую-то секунду задумался, видимо, составляя план дальнейших действий, а затем кинулся вдогонку. Оксана знала лес, как свои пять пальцев, и была уверена, что он ее не выдаст. За кустарником начинался глубокий овраг, куда, при желании, можно было бы спрятать целую деревню. Оставшиеся бандиты переглянулись, чему-то загадочно улыбнулись и на время, до возвращения старшего, отставили казнь. Оксана скрылась в лесу. Тут на пути преследователя попалась курица. Бандит не долго думал: "Девчонку вряд ли я догоню, а курица – вот она". И круто изменив направление, погнался за курой. Добежал до перекрестка, резко остановился и стал всматриваться вдаль. Так и есть: в отдалении показалась группа всадников. "Да это же партизаны!" – мелькнула мысль, и бандит мигом вернулся к своим. На рысях приближалась группа конных.

"Пали", — закричал старший и с вихтем соломы стал поджигать соломенную крышу избушки. От нее перебежал к сарайчику. "Быстрее", — торопил своих подельников. Партизаны на дороге. Через 30 минут они будут здесь". Старик не стал дожидаться казни, а, воспользовавшись суматохой, шмыгнул в лес, не успев даже снять петлю, на которой его собирались повесить.

Когда подъехали партизаны, ярким огнем пылали дом и сарай. Соскочив с коней, все приехавшие бросились тушить пожар. Да куда там! Лето было жарким, солома на крышах сухая, древесина, из которой были построены дом и сарай, тоже была сухая, да и смолистая... Успели только вынести икону — благословение родителей Савелия Якимовича да бабушкин сундук, с девичьими нарядами, хранившимися в ожидании свадеб дочерей. Когда стало очевидно, что дома не спасти, партизаны напоили коней, закурили и сели, наблюдая за домом их товарища, который догорал. Старая Опарчиха была рада, что муж остался живым, и не убивалась о доме, перестала плакать, вытерла слезы и все поглядывала в лес, откуда должны были появиться дочь и муж.

- Мамо, обратился к матери сын, один из прибывших, хлопцам хорошо бы холодного молочка.
- Я сейчас, ответила женщина и скрылась в погребе-землянке. А чего же ты раньше, сынок, не приехал? спросила она, когда вышла.

Это был трудный вопрос. Не все могла понять мать, поэтому Иван задумался на некоторое время, а потом ответил:

- Понимаешь, мама, мы два дня тому назад поймали главу банды "Ангела", ты о нем, наверное, слышала. Он был бандит первого класса. Его сообщники поклялись отомстить за атамана. Это и есть акт мести. Но ты не горюй: леса много, и принадлежит он теперь не Галагану, а народу. Хату построим. Слава Богу, все живы. А бандитов мы поймаем. Поймаем, хлоппы?
 - Поймаем, в один голос ответили партизаны.

Явился из лесу отец. Крепко прижал сына к груди, ничего не сказал, лишь горько заплакал. В слезах пожилого человека было так много слов, что высказать вслух их было невозможно: это и радость встречи, и боль от пережитого, и жалобы на несуразность жизни, и стыд за страх перед смертью, и сожаление о потерянном имуществе. Вскоре явилась и Оксана.

- А у тебя сестренка что надо! сказал один из партизан.
- После войны приезжайте свататься, в шутку ответил Иван Саввич.
- Старые люди говорят, что такой товар не следует держать, а то может залежаться.

Послышался веселый смех молодых парней. Такова молодость: казалось, только из боя, где им грозила смертельная опасность, и тут же – веселый смех.

- Как же ты узнал, дорогой сыночек, что здесь происходит? – не удержался отец.
- Трудно сказать. Только со вчерашнего вечера не знал я ни сна, ни покоя. Все время казалось мне, что в доме беда и я должен быть с вами. А утром пошел к командиру и попросил его отпустить меня домой хотя бы на сутки.
- Это Бог тебя послал, вмешалась старая Опарчиха.

- Отпустил, а мы стояли под Ичней.
- Поезжай, только не один, одному слишком опасно: по лесам много недобитых бандитов. Возьми троих бойцов из своего отделения – и в путь.

Повторять этих слов командиру не пришлось. Ветром вылетела группа конников в направлении села Дорогинки.

Еще долго оседала пыль на дороге, а мать все стояла и смотрела вслед уезжавшим всадникам. Дом догорал, и его хозяевам было очевидно, что ночевать им придется где-то в другом месте.

– Собирайтесь, – сказал старик, – пойдемте к Струкам, люди они хорошие, не откажут в горе, пустят переночевать, а там, как Бог даст. Собираться было не трудно, потому что почти все сгорело. Корову, которая пришла из лесу, бандиты не видели. Ее снабдили налыгачом, закрепленным на рогах. Бабушка взяла налыгач в руки и возглавила процессию. За ней шел хозяин и три девицы. За приданым бабушки, за скрыней дед обещал приехать на лошади, которую надеялся одолжить у соседа.

Закончилось лето, его сменила дождливая осень, за осенью, как обычно, пришла зима. Погорельцы жили "в соседях", не могли они разжиться на новую хату. К весне стала затихать гражданская война. Вернулся с войны Иван Саввич. Первым делом надо было позаботиться о семье отца. Узнав о смерти матери, Иван Саввич переживал недолго: мысль об отсутствии не давала покоя. В дом надо было найти хозяйку. Не долго думая, женился на ближайшей соседке, привел в дом женщину, без которой, как говорится, и дом - сирота. И торопился он не зря. Осенью вышла замуж старшая дочь Савелия Якимовича. Очень кстати была молодуха. Где жить? Этот вопрос не давал покоя молодому мужу. А тут, как на зло, понесла "с первой ночи" Мотря. Прошло каких-то три месяца, и уже было заметно прибавление семейства, которое будет, как это часто бывает у всех, к концу первого года семейной жизни. О начале нового строительства нечего было и думать – ни материалов, ни

Спасибо, кто-то надоумил Ивана Саввича: "Поезжай в Киев к Г.И. Петровскому, расскажешь ему о своем положении, он человек хороший, чем-нибудь да поможет тебе". Характер у Ивана Саввича был решительный, быстрый, способный на принятие необычных решений. Не долго думая, он собрался и махнул в Киев. Добрался к Г.И. Петровскому, тот его принял, внимательно выслушал и помог-таки, даже в большей степени, чем мечтал проситель. Дал на руки документ, по которому местные власти обязаны были красному партизану Опарко Ивану Саввичу предоставить дом из числа тех, что освободился после эмиграции их владельцев-помещиков. Как на крыльях летел домой Иван Саввич, но по пути сделал небольшую разведку. Оказалось, что в селе Монастырище есть такой дом с хорошей усадьбой, оставленный под присмотром прислуги помещиком Якименко. Помещик жил один и уехал за границу еще до начала революции. Слуги, естественно, разбежались, и дом пустовал. Хозяин дома был неплохим художником. Потолок и стены некоторых комнат были расписаны изумительными картинами. Это было одной из причин того, что у местных "революционеров"

не поднялась рука самовольно занять дом. Ведь за такую красоту может и попасть! Бесхозный дом начал постепенно разрушаться. Председатель местного Совета видел это, но не решался что-либо предпринять. И когда к нему обратился Иван Саввич, не только возражений, но даже колебаний у председателя не было. Ивану Саввичу показалось, что председатель даже рад новому хозяину. Действительно, с передачей дома тот уже за его сохранность не отвечал, а, видимо, человек он по своей природе был ответственный и разрушение всякой собственности переносил тяжело. Вместе обошли дом. Он, в основном, был в порядке. Ивану Саввичу и не снилось, что такой дом станет его собственностью. Особенно понравился зал, как про себя назвал его Иван Саввич. На потолке довольно большой комнаты было нарисовано небо с белыми облаками и двумя ангелами, летящими навстречу друг другу. Ангелы были с крыльями и в одежде, свойственной ангелам, как их рисуют в церкви. Посередине потолка был круг, в центре которого висела лампа с белым фарфоровым абажуром. В зале было семь окон, белая кафельная печка. На окнах были ручки из голубого стекла. Шпингалет был общим для верхнего и нижнего запора. В смежной комнате, которую Иван Саввич назвал спальней, были очень красивые, но меньшие по размерам несколько барельефов-рисунков на украинские темы: среди них "украинский млын", палисадник с мальвами, колодец с неизменным журавлем и др. Рисунки были размещены по углам комнаты, и было их всего восемь. Во всем доме стекла были целыми. Только кухня нуждалась в косметическом ремонте, очевидно потому, что там до последнего времени жила прислуга. Осмотрели сад и огород. Председатель, как бы извиняясь, сообщил, что землю Якименко поделили среди безземельных по распоряжению начальства. В конце огорода был водоем, называемый копанкой. На территории усадьбы было два сарая настолько внушительных размеров, что их правильнее было бы назвать фермами. Один из них был предназначен для содержания животных, другой для сена, соломы и разнообразного инвентаря.

Вернувшись в Дорогинку, Иван Саввич не стал медлить с переездом. Детей и отца посадил в телегу, а жена осталась у своего отца, и навсегда: наверное, это был результат поспешной женитьбы. Впоследствии об этом будет сказано: ошибка молодости.

Оформив на себя дом и надворные постройки, Иван Саввич полюбовался садом и огородом, поспешил за семьей отца. И в скором времени на двух телегах семья Опарков приехала в Монастырище. Кроме необходимого домашнего скарба, на возах лежали в основном дрова. Это все, что мог позволить себе лесной сторож.

Подслушав разговор родителей, я плохо спал и, как потом рассказала мама, ночью вскакивал, плакал, но, взятый в постель к маме, успокоился и уснул. Наутро я уже ничего не помнил. Таково преимущество детства. Очевидно, мне снился пожар, бандиты и то, как они собирались повесить деда.

Через некоторое время мама, по-видимому, сдалась. Нам, детям, объявили, что все мы скоро едем в Монастырище. Очевидно, его название произошло от монастыря, который когда-то был в этом месте. В обо-

значенное время (1929 г.) никакого монастыря уже не было. Была большая и хорошая церковь, мы уже были свидетелями ее разорения.

В первый класс единственной в Монастырище школы я пошел в 1930 году. Я пока был единственным школьником в нашей семье, и меня усердно готовила к школе вся семья. Был куплен портфель, пенал, карандаш, а дед даже сводил меня к деревенскому портному, и тот через неделю выдал мне шедевр своего творчества – пиджачок из хлопчатобумажной ткани серого цвета. От этой обновки я не был в восторге. И мне казалось, что будь дома мама, она придумала бы что-нибудь получше. Ведь до этого я носил бархатные короткие штанишки с пуговичками и такие же курточки. А с другой стороны, мне не могло не понравиться, что я теперь, как все мальчики деревни, похож на взрослого, вроде маленького мужичка. Школьное оснащение мне привез папа из Нежина. Мама в это время лежала в больнице.

В долгожданный день дед отвел меня в школу. Утро было прохладным, и пиджачок был очень кстати.

Первый А класс был довольно большим, больше 30 человек. Антонина Макаровна была очень ласкова с ребятами, рассадила всех по местам, сделала перекличку, а потом рассказала нам о Тарасе Григорьевиче Шевченко, портрет которого висел в нашем классе. А начала она с вопроса ко всем. "Кто может сказать, чей портрет висит на этой стене?" — полная тишина была ответом. Я думаю, что многие не знали даже слова "портрет".

На главной стене класса висел портрет, на котором был изображен в полроста мужчина в зимней одежде. Выражение лица на портрете было грустным и задумчивым. Чемерка и смушковая шапка, большие спускающиеся усы это подчеркивали. В последующие годы нам много раз и по разным поводам напоминали биографию украинского кобзаря. Вскоре мы сами начали читать его произведения: "Катерину", "Наймычку", "Причинна", "Сон" и многое другое. Прошло немного времени, и мне стало ясно, почему Т.Г. Шевченко называют народным поэтом. А попозже, когда я стал понимать что-то в жизни, когда я оставался один в квартире и мне никто не мешал, я брал томик Т.Г. Шевченко и перечитывал его стихи. И, кроме надолго полюбившихся произведений, с особенным вниманием читал те, которые соответствовали моему возрасту. Например, в тринадцать лет я внимательно перечитывал "Мени тринадцятый мынало". Читал... и иногда слезы навертывались на глаза от такого чтения.

Антонина Макаровна нам объяснила, что если называют твою фамилию — надо встать. Мы это очень быстро усвоили. Видимо, большему нас учить в первый день и не следовало. Всего было три урока, а затем нас отпустили. Я почти всю дорогу домой бежал, даже не успел познакомиться с соседями. Пиджачок свой я забыл в школе в первый же день. Так он и пропал.

В нашей школе было всего четыре класса — это была начальная школа. Среди прочих наставлений Антонина Макаровна как-то сказала, что надо быть дружными, не давать друг друга в обиду. Я это понял буквально и однажды получил за это по уху. Дело

Слушатель академии

было так: один мальчик из нашего класса поспорил с второклассником. Когда я подошел, а это было во время перемены, по всему было видно, что нашему скоро поддадут. Я вмешался, заступаясь за своего, и тут же получил в ухо, да так "удачно", что у меня зазвенело в голове. "Не вмешивайся", — наставительно сказал мне второклассник, которого я хорошо знал. Это был первый урок, который я запомнил на всю жизнь.

Учился я хорошо и охотно. Учительница мне нравилась. Я знал, что у нее тоже есть дети, правда младшего возраста, и живут они довольно далеко, на Кушелевке. В конце учебного года педсовет решил премировать за успехи в учебе нескольких учеников. Денег лишних в школе не было, поэтому и премии были очень скромными. А происходило это так. Школьников всех классов собрали во дворе. Двор был большой, и там поместились все, около двенадцати классов. На высоком крыльце стоял стол, накрытый красным полотнищем. За столом был директор и все учителя. Читали приказ, и названные в приказе ученики поднимались за премией. Поднялся и я, когда назвали мою фамилию. В качестве премии я получил маленькую пластмассовую расчесочку. Расчесочка была сделана из голубой прозрачной пластмассы. Я без задней мысли приложил ее к носу, чтобы посмотреть на свет. Стоящие во дворе ребята и педагоги засмеялись, а директор сказал: "Вот еще новость!". Позже я понял, что мой поступок был неуместным и кое-кому мог показаться даже обидным. Дело в том, что всех мальчишек стригли под машинку по известным причинам. Пытались стричь и девочек, но это не получилось из-за страшного шума, который подняли наши будущие невесты.

Учеба во втором классе запомнилась потому, что я впервые получил записку с признанием в любви. Школа отапливалась плохо. Зимой нам разрешали сидеть в пальто, а девочкам даже надевать платки. Писать мы уже начали чернилами. Поскольку снаб-

жение в те годы было, мягко выражаясь, неважным, на класс было несколько чернильниц-"невыливаек", и преподаватель не возражал, что мы ходим по всему классу мокать перо в чернильницу. И вот, когда я однажды подошел мокнуть чернила к парте, где сидела Галатова Таня, она незаметно дала мне записочку — признание в любви. Я, также незаметно, прочитал и в очередной поход за чернилами принес ответ. В нем было написано: "Я тебя тоже, но ничего не получится, потому что ты далеко живешь". Что должно было получиться, я не знаю и по сей день. Корреспондентка моя сидела в пальто и была завязана большим, "под один рог", видимо, материнским, платком. На мой ответ она не обиделась, и к этой теме мы больше никогда не возвращались.

В школе был большой сад и площадка, на которой выращивались лекарственные травы. Нас активно привлекали к работе на этих объектах. И, надо сказать, мы многому научились и охотно работали. До сих пор я помню растение "рицины" за его необычайно красивые семена и внешний вид. Из его семян, как нам рассказали, получают касторку.

Монастырище – большое село. В нем при нас было организовано три совхоза и коммуна. Ближайший к нам совхоз назывался "Красная звезда". Он располагался на участке трех раскулаченных крепких хозяйств: Родиона, Салевона и Чупруна. Председателем был избран активист Малеванный.

Глава 4

Видимо, я довольно рано проявил интерес к буквам. Мне что-то показывали, брат подарил кубики, а дальше, я полагаю, пошло дошкольное самообразование. Детские книжки я "читал" наизусть, переворачивая страницы в нужном месте. Фотографию, на которой мы с сестрой были сняты пяти и трех с половиной лет, я подписал самостоятельно: "Жорик и Га-

Выпускник ВМА им. С.М. Кирова, 1956 г.

лоча". Букву "к" я нечаянно пропустил. Можно утверждать, что это была моя первая орфографическая ошибка. Потом их было еще много. Тем не менее, меня хвалили. Вообще должен признаться, что меня хвалили довольно часто. Я и тогда понимал, что иногда и без достаточных оснований, но увы... не сопротивлялся: я тогда еще не знал, как в таких случаях следовало поступать. Но мне все-таки хотелось подтянуться к этой, как теперь говорят, модели. Став отцом и дедом, теперь я совершенно убежден, что похваливать детей, если они стараются в чем-то, даже необходимо. Имея такого "грамотея", мама делилась со мной такими мыслями, о которых ребенку можно было бы и не говорить. Например, маме однажды богатая женщина подарила за успешное излечение золотую николаевскую пятерку, а через некоторое время ей ктото предложил купить еще одну такую же монетку. Она купила. А через некоторое время, конечно, под большим секретом, поделилась со мной своей удачей. При этом она убеждала меня в том, что золото есть золото, и пусть будет на черный день. Я, конечно, не знал, что это за черный день, но верил маме и не сомневался, что так надо. С мамой я во всем соглашался и, в свою очередь, поведал ей, что, когда мы были в Нежине, я видел пожарника, и у него была золотая каска. Мама поначалу возражала, сказав, что это - начищенная медь, но я так горячо убеждал ее, что это золото, что мама, наконец, согласилась и сказала: "Ну что ж, будем копить деньги на золотую каску". Впрочем, закупки золота больше не производились, и тем закончилось накопление золотого запаса. Долгое время те две монетки были единственным золотом в доме, пока в 1932 г. маме не потребовалось золото для изготовления зубных протезов. С годами я понял, что делилась со мной мама потому, что не с кем было поделиться. Близкие ее родственники жили далеко и приехать на долгое время не соглашались. Получалось так, что, при наличии семьи из трех человек, по существу она была очень одинокой.

Не знаю, по какой причине, но на следующий год мы переезжали к новому месту службы мамы - в село Хвастовцы. Мне было уже шесть лет. Переезд был не дальним, километров 20-25. Помню сборы, суматоху. Все наше имущество, включая детей, швейную машинку "Зингер" и цветы, поместилось на одной телеге. Больничка, куда переводили маму, была еще меньше той, в которой она работала в Плисках. В ней работал врач Саенко, фельдшерица-акушерка и санитар Григорий. Село Хвастовцы — это была украинская глубинка, пользующаяся дурной славой. Там было все для того, чтобы нелестная слава имела полное основание: грабежи, пожары и все, что для этого требуется.

Мама усадила нас в телеге так, чтобы мы не свалились, – поглубже и, в то же время, чтобы нам было все хорошо видно. Провожала нас вся больница очень тепло. Погода в день переезда была очень хорошая. Мы ехали по грунтовой мягкой дороге, которая на большом протяжении была обсажена большими красивыми вербами. Справа и слева сплошной стеной стояли еще не убранные рожь и пшеница, а в них было немало голубых васильков. Мы проехали несколько хуторов и село со смешным названием Прусы. Так и хотелось сказать – трусы. На пути было много ветря-

Я с мамой, 1946 г.

ных мельниц - ветряков, как называл их наш возница. Сейчас, когда я слышу об использовании энергии ветра, хочется сказать: ведь это уже было. Возможно, и хутора, и мельницы появились после реформы Столыпина.

На новое место мы прибыли в тот же день к вечеру. Маме, видимо, в Райздраве обещали казенную площадь, но, когда мы приехали и остановились около больницы, оказалось, что никакой служебной жилплощади нет. Мама вышла расстроенная: приближался вечер, а мы сидим на телеге и просим есть. Но, как говорится, мир не без добрых людей. В поиски жилья включились санитар, возница и сама мама. Очень скоро вернулся наш "водитель" и сказал, что есть свободная комната, и недалеко от больницы, в соседнем доме, у вдовы. Мама повеселела и мы, конечно, тоже. Пока мы с сестрой сидели за хозяйским столом, болтали ногами и пили молоко, мужчины перенесли наш нехитрый скарб. У вдовы были четыре дочери: Матрена, Пелагея, Ольга и хохотушка Ксения. С нею мы очень скоро установили хороший контакт. Единственным мужчиной был самый младший шестнадцатилетний сын Петро. Хата под соломенной крышей была типичной для тех мест. Состояла она из основного жилья и небольшой комнатки, имеющей два входа - через темные сени и из главной комнаты. Пол был земляной в основном жилище и из досок в снятой нами комнатке. В хате слева от входа стояла русская печь, занимавшая процентов двадцать площади, затем полати, где все спали (по-украински – пил). Вдоль стены справа – широкая лавка до самого угла жилища. Такой же ширины, но покороче была лавка и за столом. В красном углу стоял стол, над которым висело несколько икон. Между столом и полатями скрыня (сундук), где пряталась выходная одежда и наряды девчат. Напротив печи висел самодельный посудник. Вот и вся мебель, да еще переносная ска-

мья - ослон, которую можно было переставлять к свободному месту у стола. Кроме хаты у наших хозяев были сарай, двор и огород, да еще небольшой участок земли за селом. Была корова, очень незавидная лошаденка, куры и поросенок. Работали все они очень много, а достаток был очень скромным. Петро был единственным мужчиной в доме, и это, по-видимому, сказывалось. К нам ко всем относились очень хорошо. К детям, очевидно, потому, что в каждой женщине заложен инстинкт материнства. Это от природы. А к маме, думаю, из-за сочувствия. Грамотных в селе не было. У хозяйки муж не пришел с войны, у ее старшей дочери – тоже. Во всяком случае, если мама задерживалась на работе или ее вызывали к роженице или больному, мы всегда были накормлены и досмотрены.

У нас в девятиметровой комнате поместились две кровати, одна из них детская - моя, небольшой стол, швейная машинка, мамина корзина с одеждой и вешалка для верхней одежды. Спустя несколько дней мы основательно ознакомились с селом и у нас появились друзья. Хвастовцы меньше Плисок. Больница находилась близко от Сельсовета. Их разделяли только пожарный сарай и небольшой садик. Наискось от Сельсовета и слева – сельское кладбище, которое, вопреки обыкновению, не было усажено деревьями. Могилки, деревянные оградки и кресты были видны издали. Перед Сельсоветом была небольшая площадь, но это еще не центр села. Центр находился примерно в километре, где была церковь, лавка, школа и монополька (водочный магазин). Около лавки стоял единственный осветительный столб с фонарем, керосиновую лампу в котором вечером зажигал единственный в селе милиционер. От площади в четырех направлениях расходились четыре дороги. Пройдя по любому направлению, можно было через 15-20 минут выйти на окраину. За селом протекала небольшая речка,

куда мы иногда ходили купаться. Наши друзья - Слава и Леня – сыновья врача, оба младше меня, Игорь мой ровесник, внук "помещицы". Слово это в кавычках не случайно. У них, правда, был большой дом по сравнению с крестьянскими хатами, большой двор и сад. Родители Игоря служили в Нежине и приезжали редко. Игорь был старше нас. Он уже закончил первый класс, щедро делился с нами имеющимися знаниями и в силу своих возможностей приобщал нас к образованию. Происходило это следующим образом: школа была в приспособленном помещении, и чтобы попасть в комнату первого класса, нужно было пройти через 3-й класс. Игорь смело провел меня и Славу в свой класс, показал свою парту, затем мы открыли окно и выпрыгнули во двор школы. Затем операция повторилась. На третьем круге кто-то из взрослых, не одобряя такую систему повышения образования, прогнал нас, пригрозив надрать уши. На этом знакомство с данной школой закончилось.

Иногда я неплохо проводил время и без своих друзей. Я шел в Сельсовет. Председателем там был бывший моряк Манин. Он всегда ходил с револьвером системы "наган". Носил его на ремне брюк под бушлатом. Он был суров и немногословен, к детям относился терпимо, то есть не прогонял. Я мог прийти, стать у порога и слушать, о чем говорят взрослые мужчины. А собирались там часто, говорили и спорили о земле, о коммуне, о СОЗе (тогда слов "колхоз" и "совхоз" в употреблении еще не было). Я, конечно, мало что понимал, но слушал с удовольствием. Случалось, что и маме передавал довольно точно. Помню, в связи с переделом земли во дворе заготовили целую кучу остро затесанных колышков. Они мне очень понравились. Видно, делал их мастер своего дела: очень гладенькими были их грани. И я не удержался, взял три штуки и принес домой. Мама вначале рассмеялась и сказала, что на надел мне нечего рассчитывать, а чужого без спроса брать нельзя; колышки же надо отнести на место да еще и извиниться. Делать было нечего: со слезами на глазах я понес колышки обратно, но не донес, а спрятал их в бурьяне и даже раза два успел с ними поиграть. Позже они кем-то были обнаружены и пошли в печку.

В Сельсовет было интересно ходить еще и потому, что туда иногда привозили кино. Небольшой кинопроектор устанавливали посередине зала, на сцене подвешивали экран и, дождавшись темноты, демонстрировали фильм. Электричества в деревне не было. Энергию для кинопроектора получали от ручной динамомашины, которую нужно было крутить руками. Охотников было много. Машину крутили взрослые парни, которые за это получали бесплатный вход. Кино пользовалось большим успехом. Зал был всегда полон. Если напряжение ослабевало и экран затухал, из зала деревенские остряки выкрикивали: "Крути, Гаврило". Меня это однажды даже удивило, потому что я точно знал, что крутил машину наш Петро. За объяснениями пришлось обращаться к маме.

Там же в Сельсовете я впервые слушал профессионала-бандуриста. Под бандуру он исполнял украинские песни и думы. Сельчане с охотой приходили на концерты, а песню про "Морозенка" однажды он вынужден был исполнить три раза. Там же в Сельсове-

те я впервые в жизни слушал радиопередачу. И не только я один. Привезли как-то на время четырехламповый приемник. Необычайным было оживление среди активистов: подвешивали антенну, рыли яму для заземления, а он (применик), загадочный и непонятный, стоял на столе председателя, поблескивая своими четырьмя стеклянными лампами, которые в ряд были укреплены на верхней панели. Репродуктор выставили за окно. Около здания Сельсовета собралась толпа. Манин произнес короткую речь и, посмотрев на часы, сказал: "Давай!". И радио заговорило. Далекий голос из Москвы сообщал "Последние известия". Необычайная тишина была первой реакцией, а затем постепенно нарастал шум. Люди перестали даже слушать новости, так важно им было обменяться мнениями. Некоторые крестились. Я же ушел в недоумении: как может человек поместиться в таком маленьком ящичке. Разъяснения мамы меня не удовлетворяли. На следующий день я был свидетелем просьбы одного активиста (его почему-то звали "жидиком"), чтобы приемник поставили к нему домой (конечно, временно). Он божился, что даже яму уже вырыл для заземления.

А время было тяжелое - 1928 год. Начало коллективизации, классовая борьба. Появились кулаки и подкулачники. В соседнем селе из обреза застрелили председателя. Участились поджоги "в отместку". Тогда же впервые я услышал новые слова: "выселение" и "Соловки". Беззаботные удальцы пели:

"Соловки, вы, Соловки – дальняя дорога. Сердце ноет, грудь болит – на душе тревога".

Часто среди ночи людей поднимал набат церковного колокола. Нас будили и выводили во двор, где уже были все члены семьи нашей хозяйки. Выли собаки. Сама хозяйка стояла с иконой Спасителя в руках, повернув ее в сторону зарева. А зарево – дальнее или ближнее – было хорошо видно в темные украинские ночи. По направлению взрослые определяли, где горит, в какой деревне. А горело всегда здорово: сухие строения под соломой. А если поднимался ветер, то жар перекидывался с одного строения на другое. Случалось, выгорали целые улицы. Жутко было, боялись дети, боялись женщины. Да и было чего. Мама делилась с хозяйкой, как она боится выезжать в ночное время по вызовам. Легко представить себе ситуацию. Ночь, стук в дверь: "Тут живет фершал? Поедемте, бабе худо стало". На дворе незнакомый угрюмый мужик. Надо ехать...

Много лет прошло с тех пор. Года через полтора мы переехали в Нежин на отцовщину...

В школе, техникуме и в военном училище я изучал период коллективизации. Мне стали известны Постановления ЦК и Совнархоза по этим вопросам и, конечно, статья И.В. Сталина "Головокружение от успехов". Все это я преломлял через свой ничтожный детский опыт Хвастовцов и Монастырища, где мы позже жили некоторое время. А точнее, через те разговоры, которые я слышал от взрослых, о происходящих событиях. Могу с уверенностью сказать, что головокружение, конечно, было, а вот успехов что-то

не наблюдалось. Нельзя же считать успехом большую цифру вступивших в колхоз. Перегибы на местах были страшные. Раскулачивали не только кулаков, эксплуатировавших чужой труд, но и просто зажиточных крестьян. Например, у крестьянина четыре взрослых сына. Он с женой и сыновья с невестками работают от зари до зари. У них хорошие ухоженные лошади, корова или две, есть свиньи и другая живность. Они, конечно, жили лучше, чем другие. По сушеству, это уже было небольшое коллективное хозяйство, где была крепкая трудовая дисциплина, налицо был и результат труда. Перспективу хозяин видел в постепенном отделении сыновей на самостоятельное хозяйствование, как только к тому созреет хозяйство. Я не беру тех случаев, когда жадность была превыше всего, где использовался труд батраков и т.п. Таких все-таки было не так много. В основном же крестьяне – великие труженики.

В Хвастовцах же мама познакомилась со вторым своим будущим мужем, с нашим отчимом и, значит, со вторым папой, как нам объяснили соседи.

Иван Савич Опарко – ровесник мамы, молодой энергичный мужчина – был сотрудником районной организации и по делам службы бывал в Хвастовцах. Официально он числился уполномоченным по мирчуку. Мирчук, по моим представлениям, оставшимся до сего дня, - это доля оплаты, которую получал мельник от крестьянина, обратившегося к нему с просьбой превратить его зерно в муку. Как видно, государство не дремало. Как я осмыслил позже, уполномоченными были сотрудники районной власти, и их было немало. С ними лучше было не спорить. Разъезжали по хуторам и селам Украины и тем вносили лепту в бюджет государства. По-видимому, Иван Саввич выполнял и другие поручения районной власти, поскольку управление районом – дело непростое.

Я уже описывал комнату, в которой мы жили. В один из дней Иван Саввич что-то засиделся. Меня, как обычно, уложили спать в свою кроватку, Галку — на большую кровать, где она спала с мамой. От чего я проснулся среди ночи, не помню: то ли мне что-то приснилось, то ли взрослые вели себя очень шумно. Я проснулся — темно, испугался и побежал искать защиты у мамы. Она успокоила меня, уложила спать, а утром я уже ничего не помнил. Ночевал ли у нас Иван Саввич, что вполне вероятно, я не знаю.

Через некоторое время мама и Иван Саввич поженились, а спустя много лет мама, в час раздумий и откровенности, поделилась со мной своими воспоминаниями: "Как-то твой папа, который знал, что дни его сочтены, сказал: "Скоро я умру, пройдет десять лет, ты выйдешь за другого замуж и забудешь меня". Затем она всплакнула и продолжала: "Прошло ровно десять лет, и я похоронила другого". Действительно, Иван Саввич умер в 1936 году от кровоизлияния в мозг.

О его последних днях есть, что вспомнить и отдать ему должное, как человеку и сыну своих родителей и как отцу, взявшему на воспитание двух чужих ребят.

Иван Саввич редко бывал дома, загруженность работой не позволяла ему уделять много внимания детям. Любил он лошадей и собак. В нашем дворе одновременно жило 3-4 суки. Были и охотничьи, но больше "дворянской" породы, как их называл дед Савелий. Очень весело было нам, детям, когда почти одновременно появлялся приплод. Во дворе насчитывалось 25-30 собак. Нам приятно было возиться со щенками. Они, как правило, были упитанными и очень забавными. Отец, бывало, скомандует: "Даша, налей им в таз молока! Посмотрим, какой у них аппетит". Скрепя сердце, мама наливала в таз молока, а щенки обступали его вокруг и хлебали до тех пор,

Бабушка Людмила Васильевна с внуками

пока таз не оставался пустым. При этом они раздавались в объеме за счет средней части тела до того, что им становилось тесно стоять. Потешались все, а взрослые, показывая нам на щенков, говорили: "Смотрите, дети, как надо кушать!". Однажды из командировки в Киев папа привез беленького пушистого щенка в подарок маме. Мы его назвали Пушок. Он был очень ласковым и ручным. Он садился напротив взрослого или ребенка и так внимательно смотрел в глаза, как будто хотел что-то сказать. Это его качество неоднократно отмечала мама.

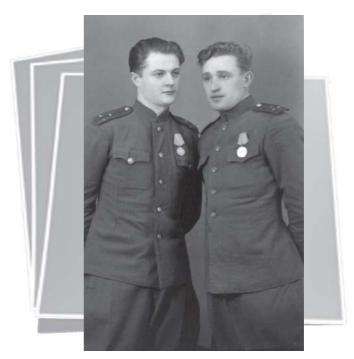
Иван Саввич был внимательным и добрым к посторонним людям. Месяцами у нас жили дальние родственники и вовсе незнакомые люди. Первый случай хорошо запомнился. Привел однажды папа конюха из колхоза "Красная звезда". "Дашечка, покорми его, он бедный, несчастный, жена у него скупая и вообще...". Мама налила "несчастному" тарелку борща с мясом, отрезала кусок хлеба и предложила поесть. Когда он с этим лихо справился и ушел, дед объяснил маме, что это был муж Ольги – дочери деда, т.е. его зять, за свой затрапезный вид прозванный дедом "гиндолой". Что это слово значит, я не знаю и сейчас. Отец Ивана Саввича – Савелий Акимович (о нем рассказ впереди) – много рассказывал о сыне. Запомнилось, однако, не все, а только то, что было связано с его бурной партизанской молодостью.

Однажды дед с сыном ехали куда-то по железной дороге. На одной из станций поезд почему-то долго стоял. В вагоне было жарко, и пассажиры высыпали на перрон освежиться. Вдруг среди прогуливающихся дед узнал тех, кто хотел его повесить. Он сказал об этом сыну. "Хорошо, — сказал сын, — ты, отец, иди в вагон, а я с ними поговорю". Он сказал это таким тоном, что отец воспринял слова как приказание. Отправился в вагон. Через некоторое время послышался пистолетный выстрел. Спустя пять минут в вагон, запыхавшись, вбежал Иван Саввич и быстро лег на полку, а отцу сказал: "Если будут меня искать, закрой меня и скажи, что везешь раненого сына в больницу". Так отец и сказал, когда в вагон явилось три человека, разыскивая того, кто стрелял.

Немного понадобилось времени для того, чтобы уточнить — та ли это компания, которая вешала старика в Дорогинке. Но их было четверо, трудно было рассчитывать одному справиться с четырьмя. Горячий и быстрый на решения Иван Саввич вынул пистолет (наган) и застрелил главного, на которого ему указал отец. Его подельники не сразу поняли, что произошло, а когда поняли, стрелявший уже скрылся среди пассажиров. После ухода преследователей сын две остановки пролежал на полке, а когда приехали к месту назначения, он, как ни в чем не бывало, сошел с поезда и направился по своему делу.

Раскулачивание

Прошло несколько лет после того, как нас всех отец перевез из Нежина в Монастырище. Вовсю проводилась коллективизация. Нас она не коснулась: родители работали, они относились к служащим, дед был старым, а мы — дети. Сколько было деду лет, он точно не знал. По его рассказам, он был сыном крепостного человека Акима, участвовал в турецкой вой-

С фронтовым другом Кривоносом В.Т.

не, о чем он охотно и забавно рассказывал, как они, молодые и смелые, ограбили маркитантов.

Однажды в наш дом явились представители власти и предъявили требование уплатить налог (точную цифру не помню). Знаю, что мама ответила, что если бы у нее и была такая сумма в мешке, который стоял рядом, она не смогла бы ее отдать. "Тогда будем описывать имущество", - сказали пришедшие. - "Ну что ж, описывайте...". Представители прошли по дому, по двору, посмотрели в сарай и описали: лошадь казенную, корову, свинью, а из домашнего – мамину швейную машинку. Дед очень расстроился, мы ревели, а мама быстро оделась и нашла возможность позвонить в районный центр, в Ичню, где, она знала, в это время находился Иван Саввич. Интересно, что вместе с комиссией, которая производила опись, уже были и подводы, на которых собирались увезти описанное имущество. Я видел, как вывели из сарая свинью, как на веревке увели корову. За швейной машинкой обещали приехать... Дед нас успокоил: "Скоро мама вернется и что-то нам скажет". На нас это подействовало. Действительно, мама вскорости вернулась с хорошим настроением, а на следующий день вернули нашу корову и свинью. Причем крестьянин, которого подрядили доставить свинью, попросил у мамы справку о том, что свинья здорова и у мамы нет претензий. А в Ичне произошел примерно такой разговор, когда взбешенный Опарко пришел в Исполком, к председателю: "Что же это получается, когда красный партизан, проливший кровь за Родину, продолжает выполнять задания районных властей, какие-то проходимцы грабят его семью. Прошу навести порядок, иначе я сам его наведу!". "Сядь и успокойся, расскажи по порядку, что произошло". Отец сел и уже спокойным голосом передал все, что он узнал от мамы. Что было дальше, я не знаю. Знаю только то, о чем уже рассказывал.

С отцом произошла еще одна история, о которой следует рассказать. Дело было зимой. Отец заметил,

что какие-то люди начали за ним охотиться. Что было делать? Ездил он всегда один, без кучера и охраны. Состоялся семейный совет. О нем я узнал случайно, от деда. Было выяснено, что в этом неприятном для нас деле не обошлось без сотрудников того отдела, где работал отец. Поэтому решили, что в следующей поездке необходимо сделать некоторую маскировку: надеть на куль соломы бекешу, посадить ее на место отца, а самому сесть на место кучера. Так и сделали. А в субботу отец приехал в хорошем настроении, показав нам свою бекешу с двумя дырочками от пуль из обреза. Более того, рассказал, что очень хорошо сработала группа НКВД, схватив стреляющих.

После переезда в Прилуки отец работал на разных административных должностях. Я помню его заведующим Союзпушниной, помощником начальника допровской колонии. Однажды он был в командировке в Бердянске. К нему туда ездила мама, там она ознакомилась с крупным сахарным заводом.

В последний год своей жизни Иван Саввич перестал контролировать употребление алкоголя. Очевидно, поэтому и заболел. У него очень сильно болела голова. Местные врачи не могли ему помочь, посоветовали ехать в Киев. Мама повезла его в Киев. Там его внимательно осмотрели в железнодорожной поликлинике, вызвали неотложную помощь и отправили в больницу. Мама, не зная, что это за больница, со спокойной совестью уехала домой. А спустя несколько дней решила его навестить. Он же не находил себе места в этой больнице, ходил по палате и все время звал маму: "Даша, Даша, Даша!". Мама по указанному адресу нашла больницу на Куреневке. Это была больница, известная киевлянам как "желтый дом". Проникнуть, особенно в воскресенье, туда было не просто. Везде закрыто на замок. Мама бегала вокруг, заглядывала в окна, надеясь увидеть мужа. Один из больных – мама назвала его "психом" – подвел отца к окну и говорит: "Вон твоя Даша". Отец показался... Мама его выписала и забрала домой. Приехали, у отца попрежнему болела голова. Через несколько дней, ночью, он умер. Когда меня разбудили и сообщили печальную новость, я вначале долго молчал, потом перекрестился, а сам подумал: "Теперь наган будет мой". Я тогда учился в шестом классе, но, как видно, еще не созрел.

Дело в том, что отец всегда любил оружие и имел разрешение на его содержание. Когда же ему стало плохо, он стал бояться, что Николай (старший сын) может взять наган без разрешения, и тогда они с мамой дали мне поручение: отнести наган на чердак и там спрятать в такое место, чтобы никто не мог его обнаружить. Я бывал на чердаке неоднократно и знал все потаенные места. Дело было сделачо

Через несколько дней после похорон маму пригласили в отделение НКВД и спросили об оружии отца. Мама, конечно, сказала, что наган есть, и ей пришлось его сдать. Вспомнилась мне еще одна история с отцовским наганом. Однажды он приехал из командировки с пустой кобурой. Наган у него украли. Где-то он ожидал ночного поезда, вздремнул за столиком в буфете, а проснулся — нет оружия.

Глава 5

Праздник

Погожим летним днем перрон станции Прилуки юго-западной железной дороги был необычайно оживлен. Станция это была небольшая. Жители ближайших кварталов знали, что через нее в течение суток проходит только четыре пассажирских поезда: два туда и два обратно. Один: Москва – Одесса и другой: Прилуки – Гомель. Но поезда эти шли в малоудобное для местных жителей время: в основном, ночью. А необычное оживление на перроне было связано с праздником "День железнодорожника", официально признанном центральной властью и местными партийными органами. Железнодорожники местного узла мудро решили выезжать на праздник в лес на ближайшую станцию Коломийцево, где было все для проведения массовки и полноценного отдыха. К перрону был подан пассажирский состав поезда, который отправлялся только в час ночи и, значит, был свободен и без ущерба для службы мог везти железнодорожников. Перрон был переполнен свободными от смены железнодорожниками и их семьями: особенно много было детей-школьников. В основном это были школьники 57-й железнодорожной школы, которые хорошо знали друг друга. В праздничной одежде, многие с красными пионерскими галстуками, они суетились и были явно возбуждены предстоящей поездкой.

В голове поезда, ближе к выходной стрелке, у багажного отделения, располагался железнодорожный оркестр. Всем было известно, что управлял им человек пожилого возраста, хороший специалист, который охотно брал в оркестр и обучал школьников. Вот и в этот день оркестр наполовину состоял из школьников. На трубах играли Г. Купко, П. Чунь; на тенорах – Л. Горбель, В. Прокопюк, И. Рыжов; на альтах -Г. Мироненко и еще один школьник. Взрослыми были служащие Калембет, Сакун, Дробот, Кривицкий и др. Кривицкий, впрочем, опоздал, поскольку работал в ночную смену и мог бы по закону отдыхать, но как активист, играющий на басу, побежал домой, переоделся и прибыл, как и рассчитывал, к отходу поезда. О железнодорожном духовом оркестре ходила добрая слава. Не случайно, его часто приглашали на веселые и не совсем веселые события. Вот и сегодня оркестр в полном составе отправлялся со специальным поездом в Коломийцево, чтобы по возможности сделать радостным праздником День железнодорожника. А пока, до отъезда, он расположился в голове поезда и играл марши, вальсы и другие вещи, к которым уже привыкли присутствующие на перроне.

Вдруг неожиданно поднялась необыкновенная суета на перроне. Спокойно ожидавшие поезда вдруг, как по команде, начали штурмовать вагоны. Понятно, что никто не хотел отстать, а еще больше все хотели занять хорошее место. Это было похоже на панику, а причиной тому было два звонка станционного колокола, которым решили напугать пассажиров озорники. Тому же способствовал и неожиданный свисток маневрового паровоза, который по своим делам проезжал по одному из соседних путей. Присутствующим было хорошо известно, что один короткий - это сигнал "вперед".

Дежурному по вокзалу, который пытался поймать озорников, но безуспешно, пришлось с помощью мегафона трижды повторять, что тревога была ложной. Ведь и паровоза еще не подали...

Наконец, все успокоились, без спешки заняли места в пассажирских вагонах, прицепили маневровый паровоз ОД 33-89, и поезд медленно отошел от ст. Прилуки. Справа по ходу поезда остался железнодорожный сад, клуб, будка стрелочника, комплекс зданий ПЧ-8 (путевого хозяйства), выходной светофор. Поезд набрал скорость и с характерным стуком выкатился на перегон. Предстояло проехать под Рудовским мостом, по мосту железнодорожному пересечь реку Удай, проехать без остановки единственный разъезд и через 18 км остановиться в тупике ст. Коломийцево. Ребятам этот разъезд запомнился хорошо потому, что тупик его имел балласт, в котором песок был заменен морской галькой. Красивые, аккуратные, обкатанные морскими волнами камешки были очень привлекательны, особенно после дождя. Каждый из ребят, оказавшись на этом разъезде, набирал их полные карманы. Железнодорожный мост через реку имел свои особенности. Его ферма была устроена так, что свисала книзу от железнодорожного полотна. Смельчаки прыгали с этой части моста, которую называли "пузом", в воду. Впрочем, прыжки эти не были безопасны, поскольку в воде торчали столбы (пали) – остатки от некогда существовавшего деревянного моста.

Поездка была не длительной и не тягостной. Скорее — веселой и приятной. Ребята старались занять места подальше от родителей, чтобы почувствовать полную свободу. Переходили из вагона в вагон, острили, смеялись и проявляли другие признаки хорошего настроения. Вагоны в те годы не закрывались, как в настоящее время, и любители могли проехать на ступеньках и даже на буферах.

После приезда все вышли из вагонов и почувствовали разницу между воздухом узловой станции Прилуки и лесным воздухом Коломийцево. Свежий лесной, наполненный запахом зеленых листьев и множеством зеленых растений он, казалось, сам просился вдохнуть его поглубже, и легкие чувствовали его живительный аромат. Разница между пропитанным угольной пылью и мазутом воздухом железнодорожного узла и лесным воздухом, куда привезли горожан, была очень большая. И это сказалось, прежде всего, на поведении детей. Их нельзя было и раньше заподозрить в гиподинамии, но в новой обстановке они проявляли крайнюю степень возбуждения. "Уж не заболели ли наши дети?" — осторожно подала мысль одна пожилая дама.

Первым, организованно и быстро, вышел оркестр и тут же включился в работу. Пока выходили остальные, дивный вальс "Душа полка" поднимал и без того приподнятое настроение. Когда все вышли из вагонов, администратор, в этой роли сегодня выступал парторг депо Кукушкин, пригласил всех на одну из полян, которая ближе всего была к вокзалу. Начался митинг, посвященный Дню железнодорожника. В то время без митинга, да еще по такому поводу, обойтись не могли. Краткую речь произнес тот же Кукушкин. Затем прочитали приказ начальника дороги о поощрении лучших работников узла. Из числа отме-

ченных был машинист маневрового паровоза Малиц (он нас привез в Коломийцево), наш оркестрант Сакун и еще несколько человек. Из числа отличившихся по узлу выступили два человека. Тем временем развернул свою работу буфет. Очень быстро места за столиками и у стойки были заняты. Оркестр прекратил играть, и его участники организованно отправились на отдельную поляну. Чем они там занимались, нетрудно догадаться, поскольку было замечено, что двое из них удалились в сторону буфета еще до окончания выступления.

Был объявлен короткий перерыв, а затем всех пригласили на танцы. Для оркестрантов и короткого перерыва было достаточно. Мне он запомнился еще и потому, что я впервые попробовал водку. Один из старших музыкантов проявил инициативу: "Налейте же и молодым по рюмке, ведь и они дули не меньше нашего". И мы выдули по рюмке или по две. Для начала это было многовато. У меня закружилась голова, и один старик (кажется, И. Дробот) посоветовал мне прогуляться. Хотя я и выпил лихо, не поморщившись, понял, что этот напиток не для меня. "Яке насиння, таке и кориння!" - это был намек на моего отца-отчима. Я сделал вид, что не понял. От крепкого напитка остался неприятный осадок, и в следующий раз я отказался.

Умеренная выпивка и такая же умеренная закуска подняли настроение музыкантов, и капельмейстер дал команду играть танцы. На звуки оркестра со всех сторон начали приходить отдыхающие. Надо полагать, что они тоже подкрепились из домашних запасов. Вначале мы играли марши, затем вальс "Жизнь музыканта", потом - краковяк, тустеп. Душой народных танцев был все тот же Кукушкин. Сколько ему было лет, сказать не могу, но в памяти моей остался очень живой человек, жизнерадостный и веселый. После этих танцев сыграли танго "Черные глаза", затем фокстрот "Сумерки". В провинции эти танцы еще только входили в моду. Танцующих было немного. Наш мудрый капельмейстер дал команду играть чтонибудь "для слуха". Так мы называли музыкальные произведения, слушая которые, можно было отдыхать. Время незаметно приближалось к обеду. Организованного обеда не было. Всем отдыхающим пришлось обратиться к своим запасам. Семьи и пары разбрелись по лесу. Ребята кучками – в основном, друзья по классу или соседи по улице – также разбрелись кто куда. Были среди нас и молодые люди, у которых неуверенным робким шагом приближались нежные чувства. Я был свидетелем того, как мой старший товарищ И. Филозоп и девушка его же возраста Вера Скляренко лежали на траве друг против друга, внимательно смотрели друг другу в глаза и молчали. Смотрели так долго, что мне это уже надоело. Я даже что-то сказал, но они на меня не обратили никакого внимания. Меня это даже обидело, возможно, и потому, что мне Вера тоже немного нравилась. Но серьезно обижаться не было времени. Прозвучал сигнал оркестру "Сбор". Снова мы играли "для слуха", а народ тем временем собирался к поезду. Время было возвращаться в Прилуки. На обратном пути оркестр тоже ехал в отдельном вагоне. Ехали и разговаривали – вспоминали выезды прошлых лет в Ладан (Балицкое), в Канев на могилу Тараса Григорьевича Шевченко. Канев был прославлен "Заповитом" еще задолго до смерти его автора. "Як умру, то поховайте мене на Вкраини, щоб ланы широкополи и Днипро и кручи, було б выдно, було б чуты, як реве ревучий". Вспоминалось оркестрантам, как они, едучи в поезде, к которому была прицеплена грузовая платформа, пытались, стоя на ней, играть. Но игра не получалась потому, что очень трясло. Пока молодой оркестрант Г. Купко не попробовал играть на полусогнутых ногах. Представьте себе — получилось. А когда мы подъезжали к ст. Канев, оркестр в полную силу (на полусогнутых) грянул марш "Колонный" — наши пассажиры поняли, что приехали.

Конечно, мы первым делом взошли на высокий холм к могиле Украинского кобзаря. Поднимаясь по высокой деревянной лестнице, многие подумали: "Как хорошо, что администрация задумала эту поездку". Ведь все знали украинского поэта – гордость нации, наизусть знали и многие его произведения. В каждом доме был любимый сборник произведений Тараса Григорьевича под названием "Кобзарь". О всенародной любви к бывшему крепостному, ставшему великим поэтом и художником, нам еще раз напомнил в памятном слове у могилы поэта учитель средней школы г. Канева. Там же спели хором "Заповит". И спели хорошо, ведь всем известно, что украинцы от рождения имеют хорошие голоса и хороший слух. А мы, младшее поколение, смотрели с завистью вниз, где широко и привольно разливался Днепр. Как только представилась возможность, мы быстро, безо всякой команды, спустились вниз, к воде. Нам повезло: на левый берег отправлялся катер, который и помог нам переправиться. Собственно, купаться можно было и на правом берегу, но спуск к воде нам не понравился: он был достаточно высок и, главное, загрязнен какими-то промышленными отходами. Левый берег же был пологим, имел чистейший песочный пляж. Переправа заняла минут пятнадцать. А там – чистейшая днепровская вода и мелкий белый песочек. Когда идешь по такому песку, он издает звук, похожий на то, каким отвечает крахмал, когда его пересыпают или собирают после просушки. Впрочем, этот звук слышал только тот, кто когда-либо имел дело с крахмалом. А купанье в таких условиях - удовольствие, которое трудно описать, точнее, оно не поддается описанию.

Усталые, проголодавшиеся, мы только к вечеру вернулись домой в Прилуки. Об этой поездке, о чистейшем Днепре и незабываемом купании еще не раз вспоминали в течение многих лет.

И еще мы вспомнили об одной поездке, тоже в "День железнодорожника". В двадцати километрах от Прилук находилась Допровская колония "Балицкое", располагавшаяся в деревне Ладан. Почему так называлась деревня, никто не знал, а вот Балицкое было названо в честь наркома Балицкого. Колония эта подробно описана в романе "Ранок" украинским писателем Мыкитенко в тридцатых годах. В книге подробно описана организация колонии, ее становление и развитие. На конкретных примерах показана жизнь колонистов, их перевоспитание в работе и жизнь, нормальная жизнь в советском обществе. Красивой была природа этого села. Но нам показывали заводы и мастерские, в которых работали колонисты. Мы, маль-

чишки, с удовольствием смотрели, как колонисты делали настольный бильярд, электромоторы, огнетушители и различные столярные изделия. Вообще нам нравились колонисты своей организованностью, сплоченностью и дружбой. Нам особенно нравилось, когда они в праздничные дни приезжали в Прилуки. Все были чистенькие, в одинаковых дорогих костюмах. Удивляли нас только взрослые. Они опасались их воровского прошлого. Нам это было непонятно.

Два примера из опыта моей мамы.

Однажды гостивший у нас мой двоюродный брат вечером на танцах увидел своего нежинского соседа и ровесника Мишу Мимко. Обрадовались встрече. Миша скверно учился, школы не закончил и стал беспризорником. Потом попал в колонию и успешно перевоспитывался. Утром об этой встрече Шура рассказал всем нам. Мы знали Мишу и спросили, почему Шура его не пригласил к нам. "Ни в коем случае, — сказала мама, — неужели вы не понимаете, что он узнает, где мы живем, явится с командой ладенцев, и от нашего сада ничего не останется". Нам это показалось несправедливым — ведь он, возможно, уже исправился, но авторитет и опыт мамы был убедителен.

Второй случай. В одной из поездок в Ладан я познакомился с девочкой-воспитанницей. Мы мило провели свободное от игры в оркестре время и даже обменялись адресами для последующей переписки. Мама была очень удивлена, когда я получил письмо из Ладана, и тут же приняла меры к прекращению "этой связи". Правда, я уже и тогда не отличался любовью к эпистолярному жанру. На этом и прекратилось наше знакомство.

Правда, были случаи, когда выпившие колонисты устраивали драки с прилучанами. Но это было вечером, когда мы уже расходились по домам и этого не вилели.

Заканчивалось обучение в седьмом классе. Пора было подумать о будущем, о помощи маме, ведь жили мы очень скромно, если не сказать — бедно. Мама вынуждена была пускать на квартиру чужих людей. Точнее сказать, сдавала углы, то есть временное жилье для нуждающихся. Так, однажды у нас снимали углы курсанты КТШ (киевской технической школы). С ними мама поговорила, и они посоветовали ей для меня киевский Электро-механический техникум.

Глава 6

Первые книги

Какой мальчишка не мечтает о путешествиях? Среди моих сверстников равнодушных к путешествиям не было. Но одно дело желание, другое - возможности. Так вот, возможностей тоже не было. Только став взрослым, я узнал, что есть категория мальчиков, которые при желании могли бы путешествовать, и даже не одни, а в сопровождении взрослых опекунов, много знающих и многое умеющих. Правда, среди моих друзей таких не было. Мы, родившиеся после окончания одной войны (гражданской), достигли возраста, в котором начали понимать радости жизни, в период интенсивной подготовки ко Второй мировой войне. Можно поэтому с полным основанием сказать, что детство наше прошло между двумя войнами.

Несколько очень серьезных причин ограничивали наши возможности путешествовать. На первом месте - отсутствие у родителей свободных средств. Семьи всех моих друзей жили на зарплату. Считалось, что хорошо зарабатывают паровозные машинисты и всякое начальство. Мои родители не принадлежали ни к тем, ни к другим, хотя мы жили в районе, прилежащем к вокзалу железнодорожной станции. Путешествиям не способствовала и тогдашняя внешняя политика изоляционизма. Слова "турист" и "туризм", конечно, существовали, но их редко употребляли, они не пользовались большой популярностью, особенно, если говорить о туризме зарубежном.

Однажды, в воскресный холодный осенний день, когда дети особенно расшалились, их мать, еще молодая энергичная женщина, после многократных предупреждений напустив на себя строгость, тоном, не допускающим возражений, скомандовала: "Всем одеваться и на прогулку!".

Лично меня прогулка не прельщала по той простой причине, что она ничего хорошего не обещала. Подумайте сами – идти на прогулку с тремя девчонками младшего возраста, одна из которых еще даже не ходила в школу. Что же может быть интересного для школьника четвертого класса? Они же и на воздухе будут играть в свои никогда не надоедающие им куклы. А мама еще скажет: "Ты же, Игорь, старший, смотри, чтобы все было в порядке". А я уже знал, что будет дальше: вначале они будут дружно играть, затем что-то разладится, кто-то кому-то что-то не уступит, начнется спор, кто-то расплачется и побежит к маме жаловаться. Так уже бывало. Поэтому, еще не надев пальто, я уже составил свой план прогулки. Конечно же, я пойду к железнодорожному клубу. Клуб железнодорожников станции Прилуки находится на городской стороне по отношению к железной дороге. Чтобы к нему попасть, нужно было преодолеть расстояние всего метров дести пятьдесят, но при этом пересечь одиннадцать железнодорожных путей, часто заставленных товарными эшелонами. Моста над путями не было. Взрослые чаще обходили соста-

С внучкой

вы, но нередко проползали под вагонами, показывая дурной пример детям. А дети, пользуясь своим ростом, не имея понятия о болях в спине и в силу своей незрелости, как правило, переходили железнодорожные пути под вагонами. Опасно ли это? Безусловно, особенно тогда, когда состав настолько длинный, что не видно, есть ли паровоз или его еще не прицепили. Но не обходить же состав, когда опаздываешь в школу! Железнодорожные пути, таким образом, для жителей большого района города представляли немалую опасность. И примеры были у всех на виду. Старший брал Лени Г. лишился ноги; Вова К. — руки по локоть; взрослая соседка Б. лишилась жизни. Наши мамы из-за этой дороги, казалось, могли быть спокойны только тогда, когда мы все собирались домой.

Прогулка не обещала быть интересной. День был холодным, сырым. Воздух, вероятно из-за того, что плохо продувался, был насыщен запахом угля, мазута и дезинфекции. Не раздумывая о сложностях пути, я быстро преодолел небольшое расстояние и оказался у клуба. Но клуб был закрыт. Это естественно, ибо афиша извещала о начале киносеанса в 18 часов. Стало скучно. От нечего делать побрел к летней сценераковине, построенной рядом с клубом в небольшом садике, громко именуемом железнодорожным парком. В порядке развлечения дважды пробежался по скамьям, врытым перед сценой, и, получив замечание от какого-то случайного прохожего, соскочил с последней скамьи. Бросил камешком в висевший над сценой плакат, не попал и побрел куда глаза глядят, то есть без определенной цели. Неизвестно, сколько времени продолжалась бы эта, с позволения сказать, прогулка, если бы не группа мальчишек, показавшаяся на дорожке со стороны вокзала. Я издали их увидел и узнал. Их было трое. Все из пятого класса нашей железнодорожной школы. Как выяснилось, все они направлялись в библиотеку клуба железнодорожников.

"Пойдем с нами", – сказал Петя.

Я на какую-то секунду задумался, но тут же присоединился к веселой компании, которая живо обсуждала что-то, касающееся почтовых марок. А задумался я не случайно: я уже был записан в библиотеку и взял там свою первую книгу, которая оказалась неинтересной. Я читал ее так медленно, что правильнее было бы сказать — не читал, и поэтому, естественно, просрочил с возвратом. Моя совесть начинающего читателя была нечиста.

Шумной гурьбой мальчишки буквально ввалились в читальный зал, но царящая там обстановка подействовала на нас успокаивающе. Мы притихли и подошли к столику дежурного библиотекаря, расположенному у окна рядом со стеллажами с книгами. Книг было очень много: на полках многочисленных стеллажей, на подоконниках и даже на столе библиотекаря. Мальчики один за другим сдали принесенные книги, выбрали себе новые. Я же стоял, прислонившись к столику библиотекаря, и жадно впитывал все, что было интересным: названия и вид книг, разговор библиотекаря и даже то, как она оформляет запись. Можно было бы, очевидно, подождать своих друзей и не подходя к столику, где-нибудь в сторонке или даже на улице, но ведь интересно... Великий М. Горький как-то заметил, что мир своим развитием обязан

Курсант Военного училища с однокурсникми, 1942 г.

жадному любопытству женщин. Не рискуя вступать в спор относительно роли любопытства женщин, скажу, что мальчишки тоже очень любопытны. Мое любопытство стало причиной дальнейших очень приятных событий.

После того, как были обслужены мальчики, с которыми я пришел, видимо, обратив внимание на мою заинтересованность, библиотекарь обратилась ко мне.

– А ты что стоишь и ничего не просишь? Записать тебя в библиотеку?

Я вспыхнул кумачом, даже стало жарко. Попытка отмолчаться не удалась. Библиотекарь своим взглядом требовала ответа.

- Я уже записан.
- Как фамилия?

Я ответил. Моментально из картотечного ящика был извлечен мой формуляр.

- Улица Парижской коммуны, 10?
- Да, чуть слышным голосом подтвердил я.
- За тобой должок.

Я молчал и, казалось, от щек моих могут загореться книги. С минуту, а может быть и меньше, библиотекарь смотрела на меня, затем перевела взгляд на название книги в формуляре и очень тихо, мягко, без какого-либо осуждения моего читательского поведения, сказала:

– Понятно, не интересно...

Я молчал и стоял не двигаясь. Заключение ее было обоснованно: прошло три месяца с того времени, когда я взял пятидесятистраничную книжицу.

– Ну, вот что, – продолжала библиотекарь, – живешь ты недалеко и временем, по-видимому, располагаешь. Сбегай и принеси книгу, которая за тобой числится. Ты ведь не потерял ее? А я подберу книгу, которая тебе обязательно понравится.

Такой оборот событий меня очень устраивал. Я пулей, даже не простившись с друзьями, отправился за злосчастной книгой. Принес и получил взамен "Таинственный остров" Жюля Верна. Названия первой книги я даже не помню. Зато помню даже персонажей второй: инженер Смит, Пенкроф, Айртон... капитан Немо, а ведь с осени 1934 года прошло без малого 70 лет. А еще я никогда не забуду библиотекаря,

которая не журила, не выговаривала, не пригрозила исключением, а доверила такому, мягко говоря, несерьезному читателю хорошую и дорогостоящую книгу. О книгах сказано немало слов, добрых и благодарных. К ним трудно что-либо добавить. Здесь уместно похвальное слово в адрес библиотекарей, особенно тех, кто по зову сердца, несмотря на весьма скромный оклад, отдает всего себя благородному делу просвещения народа.

Совсем недавно я узнал, что в СССР в 1989 году насчитывалось 134 тысячи библиотек, считая небольшие, с общим книжным фондом в два миллиарда изданий и штатом в 500 тысяч человек. Это ли не достижение!

А относительно "Таинственного острова" могу ответственно заявить, что благодаря этой книге я оказался в безбрежном книжном океане, из которого не хочу выходить. Не только моя, но и многих моих сверстников внутренняя потребность роста удовлетворялась чтением книг. Книжное море многих из нас пленило однажды и на всю жизнь. Мы стали своеобразными земноводными: являясь жителями Земли, мы ни на один день не оставляем книжного моря. Книги дают радость познания мира, в значительной степени обеспечивают материальное существование и делают нескучным наш досуг. С грустью я смотрю на тех, кому книгу заменяет телевизор, магнитофон и плеер.

Сказать, что у нас дома не было книг, нельзя. Книги были, сейчас уже не помню, сколько, но детей у нас было больше. Кроме детских короткоживущих, которые мы зачитывали до расщепления на отдельные страницы и абзацы, запомнились несколько томиков Мамина-Сибиряка. Его произведения нравились нашей маме, и она иногда даже читала нам отрывки вслух. Помню "Детство Темы" Гарина-Михайловского и книгу-агитку "Пять за четыре". Она была посвящена успехам первой пятилетки. Изданная на очень плохой бумаге, но с большим количеством черно-белых иллюстраций, она привлекала мое внимание обилием материала. И, конечно, не отдавая себе полного отчета о значении событий, описываемых в ней, я, тем не менее, многократно ее перелистывал и пытался даже читать, будучи дошкольником.

В отличие от первой библиотечной книги, "Таинственный остров" я читал с удовольствием. Мама, видя мою увлеченность книгой, иногда спрашивала, о чем же там написано, и даже просила почитать отрывки вслух. Происходило это обычно после ужина. На столе стояла керосиновая лампа. Я садился поближе к свету, остальные – где придется. Наступала тишина, и я начинал... Чтение продолжалось недолго, минут тридцать, затем некоторое время обсуждение прочитанного, но не в том традиционном плане, как это принято в учебных заведениях или литературных кружках. Выступление некоторых слушателей могло ограничиться одним словом или краткой репликой. Дед, например, мог сказать: "Вранье это все". Тогда немедленно выступала мама и с понятным подъемом говорила не о произведении, не об его авторе, а о прошлой жизни деда. "Вы, отец, всю свою жизнь прожили в лесу (это соответствовало действительности: лет пятьдесят дед был лесником), нигде не были, ничего, кроме леса, не знаете". Дед не возражал, с ухмы-

лочкой набивал свою трубку табаком и выходил покурить. Кто-то выражал сочувствие героям книги и высказывал предположения о их будущей судьбе. Спустя много лет, став сам отцом, я понял, какими соображениями руководствовалась моя мама, вводя в практику эти вечерние чтения. За "Таинственным островом" следовали "Приключения Тома Сойера и Геккельбери Финна", "Робинзон Крузо", "Следопыт" и многие другие. Не только названия прочитанных книг, но даже только перечисление их авторов заняло бы слишком много места.

Последствия увлечения чтением книг сказались довольно скоро. Приятно было сознавать, что я наравне с лидерами, а они есть в любом школьном коллективе, могу обсуждать содержание прочитанных книг, высказывать свое мнение о судьбе отдельных героев или давать оценку книге в целом. Правда, суждения по большей своей части были примитивными. Но они были на уровне нашего возраста, а иногда и выше. Заключения же о книгах были и того проще: интересная или неинтересная. Иногда же удавалось сказать и что-то новое, чего друзья еще не знали. Както незаметно я рос в собственных глазах и в глазах моих одноклассников. Это сделало меня смелее и активнее. Создавалось мнение, что я многое могу. Отсюда участие в спортивных секциях и различных кружках самодеятельности. Систематическое чтение художественной литературы развивало во мне любознательность. Случались и накладки. Как-то однажды, оказавшись среди старшеклассников, я услышал слово "Куба". "А что это?" – спросил я, ни к кому не обращаясь. Ответа я не получил, вероятно, потому, что ребята были слишком заняты своими проблемами, а тут зазвонил звонок на урок и все разбежались по классам. О Кубе я все же узнал, что так называется остров и страна. Чтобы узнать больше, я обратился к знакомому библиотекарю с просьбой дать мне почитать что-нибудь о Кубе.

- O Kyбe? переспросил библиотекарь. He собираешься ли ты туда?
- Я, может быть, и поехал бы туда с мамой, но мы не знаем, где это находится.
- Ну, этому можно помочь. Только имей в виду, что это будет подальше, чем Коломийцево, улыбаясь, сказал библиотекарь и подошел к полке с толстыми книгами в красивых переплетах.

Одну из них он раскрыл почти на середине, положил на ближайший столик и промолвил:

На, читай о Кубе здесь. Домой мы эти книги не выдаем.

Так я впервые узнал о существовании энциклопедии. Эти книги мне очень понравились. Разумеется, я все прочитал о Кубе. Но отдаленность ее даже в мечтах казалась недостижимой. Мог ли я предполагать, что придет время, и я буду ходить по авенидам и набережным Гаваны, любоваться ее архитектурными шедеврами и памятниками, купаться в прозрачных водах Атлантики, загорать на ослепительных пляжах мирового курорта Варадеро? Библиотекарю, видимо, понравилась моя увлеченность чтением, и он мне сказал:

– Знай, что в энциклопедиях и специальных словарях можно найти объяснение любому слову, но проще пользоваться знаниями учителей в школе.

Я, разумеется, не возражал и, окрыленный, удалился домой.

Спустя два дня один из одноклассников, начинающий филателист, принес в школу почтовую марку Кубы и показывал ее своим единомышленникам. Я случайно подошел к этой группе ребят. Где только не побываешь за время большой перемены? Увидев знакомый силуэт, я мечтательно произнес: "Да, Куба... я там был". Почему я так сказал, ни тогда, ни потом, ни в настоящее время, ни в будущем – объяснить не могу. Все получилось само собой. Впечатление на ребят это произвело очень сильное, видимо, не менее сильное, чем если бы я сказал, что в школе пожар. Все повернулись в мою сторону. Половина ребят, в основном старшеклассников, всем своим видом и словами выражала сомнение. Но часть ребят поверила на все сто процентов. И основания у них были. Дело в том, что в Прилуки я с родителями переехал всего два года назад из г. Нежина. О том, что Нежин находится не на Кубе, а всего лишь в семидесяти километрах той же Черниговской области, знали не все, да и я раньше об этом не распространялся. Недоверие подзадорило, и я начал рассказывать о Кубе все, что знал. А запомнил я немало. Рассказ сопровождался большим количество междометий и восклицаний. В рассказе моем свои скудные знания и малознакомые слова я пытался связать со своей скромной особой, от этого было много нелепостей. Будь мои слушатели повнимательнее или больше бы знали, моя речь прекратилась бы очень скоро. Нельзя же, в самом деле, в XX веке быть одновременно и конкистадором и местным жителем, флибустьером и преданным защитником короны.

Дежурный учитель, чье внимание привлекла группа относительно спокойного собрания мальчиков, подошел, уловил две-три фразы моего упоенного рассказа и спросил: "Где ты прочитал о Кубе?".

Мои слушатели насторожились, я смутился и, не смея сказать неправду учителю, ответил: "В энциклопедии".

Окончание моего ответа утонуло в громком смехе ребят. Не выручил меня и звонок на очередной урок. Я получил прозвище кубинца. В самом этом слове, разумеется, ничего плохого нет, но когда тебя этим дразнят, это неприятно. И вспоминать об этом мне не хочется.

Важно другое. В памяти моей закрепился совет библиотекаря: обо всем непонятном спрашивать, прежде всего, учителя. Но для того, чтобы спрашивать учителя, надо внимательно слушать его рассказ, а иначе можно услышать и такое: "Весь урок вертелся, а теперь спрашивает". А уже приобретенный опыт обучения в школе подсказывал: если слушаешь учителя внимательно, он это заметит и ответит спокойно на любой вопрос, если он даже и не относится к теме занятия. Следовательно, быть прилежным учеником было даже выгодно. И я им стал, хотя и не упускал случая посмешить ребят.

Главным следствием раннего приобщения к чтению, пожалуй, следует считать вполне самостоятельный выбор будущей профессии. Словосочетание "профессиональная ориентация" в те годы не было модным, но она, естественно, существовала. Старшее поколение во все времена заботилось о своей смене.

Я с братом Александром после окончания Великой Отечественной войны

Свидетельством тому может служить, кроме институтов и техникумов, существование ведомственных средних школ, ФЗУ, а позже ремесленные и железнодорожные училища. К железнодорожным специальностям призывали и построенные в крупных городах детские железные дороги.

Но мы – подростки из пристанционных районов о железнодорожных профессиях знали не понаслышже. Все они – от начальника станции и начальника депо до стрелочника, "который всегда виноват", были у нас на виду. Целыми днями, предоставленные сами себе, мы шатались по территории станции или играли на тормозных площадках вагонов, стоящих в тупике, в машинистов и кондукторов, в дежурных по станции и путейцев. Не пользовались у нас успехом должности кочегаров, смазчиков и посыльных. Первые две потому, что они всегда были в очень грязной замасленной одежде. А посыльные, вероятно, потому, что стояли они на самой низшей ступени железнодорожной иерархии. Обычно на эту должность принимали молодых людей из деревни, если тем было у кого жить. Особой подготовки их работа не требовала. В течение двух-трех дней посыльный изучал адреса членов провозных бригад, кондукторов и при необходимости вызывал их в любое время суток. Должности посыльных были в депо и в так называемом "Резерве проводников". Деревенские парни не сразу привыкали к новым условиям, подчас выделялись какой-то заторможенностью, неловкостью, угловатостью, что нередко делало их объектом местных острословов. Вот пример. У новичка спрашивают:

- Кем ты работаешь?
- Я-то?
- Ты, конечно, я же к тебе обращаюсь.
- Я-то...

И пока он подбирает слова для ответа, вместо него отвечает кто-то из остряков:

Он начальник дипа, куды пошлють – туды и тэлипа.

В украинском произношении это звучит довольно смешно.

Присутствующие при этом смеются, а парень смущается и умолкает. Понятно, что никто из нас, даже в играх, не хотел быть посыльным.

Во время учебы в 5-м, 6-м и 7-м классах мне представилась возможность ознакомиться еще с рядом рабочих профессий. А случилось это так. Все мы, мальчишки, нуждались в деньгах на кино, театр, цирк и, естественно, на сладости. Родители большинству из нас "выдавали" только на завтрак в школе. Была возможность немного экономить, но это же не то. А во время каникул пересыхал и этот скудный источник. А вот заработать было непросто. Иногда профсоюзному комитету рисовали плакаты, но ведь это не часто. Комуто из наших удалось узнать, что нас могут принять на временную работу, в обход закона о труде, на кирпичный завод. Работа несложная: брать кирпич (сырец) со стеллажей, где он подвергался предварительной сушке, складывать на вагонетку, перевозить в другой сарай и складывать в большие кучи (гамы), в которых он будет ждать своего обжига. Временный характер работы и оплата нас вполне устраивала: 1 руб. 75 коп. за тысячу уложенных кирпичей. Нельзя сказать, что эта работа была легкой. По три-четыре кирпича могли одновременно переносить только самые крепкие ребята. Нас выручала подвижность, отсутствие какихлибо болезней органов движения и желание иметь собственные деньги. И по два кирпича (а они ведь тяжелее обожженных) успевали за смену перенести две-две с половиной тысячи кирпичей. Работа на кирпичном заводе позволила ознакомиться с работой землекопов в карьере, где брали глину; рабочих, обслуживающих транспортеры; машинистов формовочных машин и людей, связанных с обжигом кирпича.

После шестого класса мне повезло устроиться на овощную базу сколачивать тару — ящики для помидоров и капусты. За ящик для помидоров платили 10 коп., за ящик для капусты — 15 коп. На этой базе я познакомился с работой сезонных рабочих, сортировщиков овощей, кладовщиков, сопровождающих вагоны овощей при их перевозке по железной дороге. Ни одна из этих профессий не привлекала, хотя и заработать можно было неплохо.

Иное дело — электротехника. Даже на профессию электромонтера мы, мальчишки, смотрели с большим уважением. Так я узнал, где можно учиться на электротехника. Уже в начале седьмого класса принял решение стать электротехником, но маме сказал об этом только в конце учебного года. Мама одобрила выбор. К этому времени я остался старшим и единственным мужчиной в доме. Отчим скоропостижно скончался от кровоизлияния в мозг. Умер вскоре и его отец, наш мудрый, но не знавший грамоты дедушка Савелий Акимович. Разумеется, я мог продолжить учебу в восьмом-десятом классе, но путь к хорошей специальности через техникум казался прямее и короче.

С душевным трепетом, один, без мамы, я отправился в большой незнакомый город сдавать вступительные экзамены. (Продолжение следует)

в заповеднике

ПОСЛЕДНЯЯ КОЛОНКА

В Союзе я диссидентом не был. (Пьянство не считается.)

Я всего лишь писал идейно чуждые рассказы. И мне пришлось уехать.

Диссидентом я стал в Америке. Я убедился, что Америка — не фи-лиал земного рая. И это — мое главное открытие на Западе...

Как умел, выступал я против монополии «Нового русского слова». Потому что монополия навязывает читателям ложные ценности.

Как умел, восставал против национального самолюбования. Потому что химера еврейской исключительности для меня сродни антисемитизму.

Как умел, противоречил благоговейным и туповатым адептам великого Солженицына. Потому что нет для меня авторитетов вне критики...

ne while of VAR MAN PORCH & AUSлю Америку, благодарен Америке, но

лю Америку, благодарен Америке, но родина моя далеко. И меня смущает кипучий антикоммунизм, завладевший умами недавних партийных товарищей. Где же вы раньше-то были, не знакощие страха публицисты? Где вы танян свои обличительные концепции? В тюрьму или Синявский и Гинзбург. А где были вы? Критиковать Аидропова из Бруклина легко. Вы покритикуйте Андрея Седых! Он вам покажег, где раки зимуют...
Потому что тоталитаризм — это вы. Тоталитаризм — это цензура, отсутствие гласности, монополизация рынка, щпиономания, коисервативный язык, замалчивание истиного дара. Тоталитаризм — это директива, резолюция, окрик. Тоталитаризм — это приниженность.

реты, шестерки, опричники, неисчислимые Моргулисы, чья бездарность с лихвой урав-

новешивается послушанием.
И эта шваль для меня — пострашнее лю-бого Андропова. Ибо ее вредоносная орди-нарность несокрушима под маской <u>безгра-</u> бого Андропова. Ибо ее нарность несокрушима ничного антикоммунизма.

Серые начинают и выигрывают не только дома. Серые выигрывают повсюду. Вот уже сколько лет я наблю-

Я пытался участвовать демократической газеты. Мой неудачным, преждевременным.

«Новый американец» был преждевременной, ранней, обреченной попыткой. Надеюсь, придут другие люди, более умные, честные, сильные и талантливые. И я без удовольствия, но с любовью передаю им мой горький

Я всегда говорил то, что Ведь единственной целью моей эмиграции была свобода. А тот, кто любит свободу, рано или поздно будет

(Из послесловия к книге

«Марш одиноких»)

Довлатов! При упоминании этого имени в воображении появляется огромный небритый мужик с внешностью брутального кавказца и восприятием мира классического питерского интеллигента. Редкий контраст. Принято считать, что наша интеллигенция (питерская в особенности) постоянно находится в оппозиции ко всему, включая саму себя. Все ей не так и не этак. Как здесь не вспомнить слова еще одного писателя земли русской, сказанные как раз об интеллигенции: «Я не верю в русскую интеллигенцию: лицемерную, фальшивую, истеричную, невоспитанную, ленивую. Не верю даже тогда, когда она страдает и жалуется, ибо ее притеснители происходят из ее же недр». Фраза эта сказана Чехо-

Довлатов безусловно интеллигент. Но интеллигент странный: он не истерит, не лицемерит, ни на что не жалуется. До противного невозмутим и ироничен. Уже этих качеств вполне достаточно, чтобы вышвырнуть писателя из разряда «больших» и записать если не во второсортные, то уж точно во второстепенные, как это случилось ранее с любимыми в народе Зощенко, Аверченко, Ильфом и Петровым.

Впрочем, сказать, что Довлатов не страдает – значит сказать неправду. Другое дело, что страдания этого человека-горы совсем не укладываются в традиции русской литературы. Он, безусловно, видит несовершенство мира, человеческой природы, политической системы, но предпочитает не рвать волосы на голове и вопить, обвиняя весь мир в своих тяготах, а спокойно, с истинно восточной мудростью, принимать жизнь такой, какая она есть. Спасительное противоядие же Довлатов находит в юморе, иронии и самоиронии. Абсурда хватит на все. Но странное дело: литература великих русских страдальцев напрочь лишена этих важных свойств человеческой природы. Великие учителя и морализаторы от литературы, работая крупными мазками, попросту игнорируют смех, юмор, иронию, как что-то легковесное, незначительное, не стоящее внима-

Велика русская литература, с этим никто спорить не собирается. Глубины и широты у нее невиданные и неслыханные. Да вот только здоровья маловато. По крайней мере – душевного. Сам Довлатов здоров, адекватен и спокоен. На редкость здоров и спокоен. Он понимает, что жизнь не переделать, по крайней мере – чужую, и предпочитает улыбаться над своей.

Со своими героями Довлатов обращается по-питерски вежливо и деликатно. Подчеркнуто деликатно. И более того: он любит всех этих алкашей, взбрендивших пушкинисток, разных Митрофановых и даже гэбэшников. Странный микс и, кажется, едва ли возможный. Но у Довлатова возможно все. Он целенаправленно отбирает этих странных маленьких людей с признаками легкого помешательства, взбалтывает их в одной банке и разливает читателям необычайно вкусный и тонизирующий коктейль, поднимающий настроение. Чем абсурднее жизнь, тем ярче сцены и образы. Злобы и ненависти у автора нет.

Лев Лурье в одной из последних своих книг говорит о том, что отличительными чертами жителя Петербурга являются снобизм и склонность к созерцанию жизни. К Довлатову это полностью применимо: «Конечно, это снобизм, но говорить я мог только о литературе. Даже разговоры о женщинах мне всегда казались невыносимо скучными». И еще: «В идеале я хотел бы провести жизнь с удочкой у воды и желательно, чтобы обойтись без трофея». Не правда ли, ощутимо влияние «самого умышленного и отвлеченного города в мире»?

Довлатов духовно связан с другим известным земляком со схожей судьбой - Иосифом Бродским: «Он не боролся с режимом. Он его не замечал. И даже нетвердо знал о его существовании». Да и судьбы этих двух людей во многом похожи: оба долго искали себя на родине и не нашли, оба эмигрировали и приобрели известность на Западе, после смерти оба были признаны гениями. Поэт, кстати, очень любил писательский дар младшего коллеги. По его уверению, довлатовские произведения были столь увлекательны, что, садясь на стул с новой книгой, он не мог оторваться, не дочитав ее до конца. Довлатов действительно пишет увлекательно, просто и ясно. Его стиль лаконичен, фразы выверены и натянуты как струны. Все работает, нет ничего лишнего.

И все же Довлатова трудно назвать гармоничным человеком и писателем. Трудно потому, что он сам до конца не может себя понять. Как правильно жить, на что опереться. Думается, что единственную твердую опору он нащупывает в слове и литературе.

Довлатовский герой – люмпен-интеллигент - явление по сути новое. Представляет он собой удивительный синтез человека высокой культуры, аморального поведения и редкого обаяния, которое при всем желании не удается пропить. Он не умничает, не читает мораль и упорно наступает на грабли. Причем делает это принципиально. Но в чем секрет неугасающей народной любви к этому маргиналу-недотепе? Неужели он заключен только в тех анекдотических историях-байках, которые преследуют довлатовского героя почти все повествование. Думается, нет: все сложнее. За кажущейся простотой изложения стоит большая вдумчивая работа, кропотливый труд. Словно по электронным весам, с точностью до граммов, автор ненавязчиво отмеряет читателю пропорции слова, смеха, абсурда, слез.

Пришел к пам ыпил лишиего. Кур-па пепел на брюки. Арьев Курил. Мама сказала:

— Анарей, у тебя на ширинке пепел.

Арьев не растерялся:

— Где пепел. там и ал-

пенел, там и ал-

С. Довлатов, «Записные влижин»

2 дек. (1988)

. . . У меня есть ощущение, и даже уверенность, что в СССР скоро начнут печатать эмигрантов, и даже начали уже (Соколов, Войнович, Коржавин, не говоря о покойниках), и до рядовых авторов дело дойдет. Если нет, то нет и проблем. Я ждел 25 лет, готов ждать еще столько же и завещать это ожидание своим теперь уже многочисленным детям. Но если да, то возникают (уже возникли, напри-«Радуге») в таллинской проблемы. Повсюду валяются мои давние рукописи, устаревшие, не стоящие внимания и пр. Самое дикое, если чтото из этого хлама просочится в печать, это много хуже всяческого непризнания. Koроче, я обращаюсь к тебе как к самому близкому из литературных знакомых и к тому же — человеку «причастно-му», с огромной просьбой: содействовать защите прав, а именно - допускать к печати либо что-то из моих книжек, либо то, что получено от меня лично, выправлено ч подготовлено мной мимьэ. Сделай это, насколько контроль в твоих силах,

Я понимаю, что могу выгляеть смешным, опасаясь пи-

земышляет. Но мой страх перед возможностью такого дела столь велик, SOTOR R OTH быть смешным.

Разумеется, я хочу быть изденным дома, разумеется, никаких особых амбиций у меня в связи с этим нет, то, о чем я тебя прошу, по-

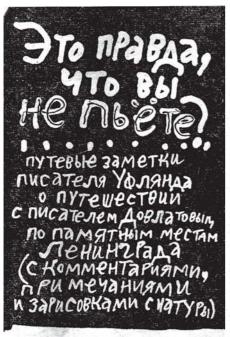
С. Довлатов

13 Man (1989) меня вышло очередное сочинение по-виглийски «Наши», рецензии пока хорошие. Посылаю тебе две копии - во-первых, из хвастовства, а во-вторых (я как-то отвлекся и ушел в сторону) как материал для твоей обо мне заметки, коя меня заранее радует, поскольку личико мое опухшее попало на обложку самого авторитетного на Западе лит. органа - «Бук ревью». Не смотри, что рядом Таня Толстая, она в друкатегории представительница великой державы, а ничтожный кроме того, она женщина, а к женщинам и к неграм здесь особо нежное отношение, и к тому же ее все принимают за вдову Льва Толстого, а меня в лучшем случае могут принять лишь за моего брата Борю. Тем не менее,

Что делается с сов. литературой? У нас тут прогремел некий М. Веллер из Таллина, бывший ленинградец. Я купил его книгу, начал читать и на первых трех страницах обнаружил: «Он пах духами» (вместо «пахнул»), «продляет» (вместо «продлевает»), «Трубка, коя в лавке стоит 30 рублей, и так далее» (вместо «коня», а еще лучше — «которая»), «снизошел со своего Олимпа» (вместо до»). Что это значит? Куда ты смотришь ...

Ваш С. Довлатов

— Это правда, что вы не пьете? — спросил Сережа Довлатов. — Ваша жена рассказывала моей тете, что вы бросили пьянствовать и стали отчаянным домоседом.

— Практически не пью, — сказал я. — У меня в кармане около шестидесяти рублей отпускных и тридцать получки. По рублю мы скинулись с электриком и водопроводчиком. Они будут во время моего отпуска делать в нашем учреждении разные грубые работы, которые обычно делаю я по должности разнорабочего. И как видите, вместо того, чтобы пить дальше, иду покупать линолеум и водоэмульсионную краску для кухни.

— Это пригодится вам, когда вы будете размечать и резать линолеум, — вынул из кармана небольшую мерную рулетку Сережа и погрустнел. — Очевидно, беспробудное пьянство выходит из моды. А я как обычно отстаю от веяний.

— Да, — подтвердил я, — в литературе возникла целая плеяда практически не пьющих гениев: Бродский, Найман, Бобышев, Кушнер, Гордин, Охапкин...

 — А Рейн, как вы считаете: практически не пьющий или все-таки пьющий?

— Практически пьющий не прекращает пить, пока не кончается все спиртное, — подумав, определил я. — Женя Рейн, если иногда чувствует, что

не в силах допить то, что осталось, изливает водку в пульверизатор и начинает опрыскивать дам. А потом и мужчин. Можно считать, что он гений, практически пьющий.

Беседуя так, мы внезапно обнаружили, что уже вошли в пивную, взяли по кружке пива, стоим у столика и отпили не меньше чем по половине.

 Давно я не пил пива, — сказал я в наше оправдание.

И я давно, — сказал Сережа. —
 Со вчерашнего дня.

— Таким выдающимся творческим личностям не подобает пить такой заурядный напиток, как пиво! — воскликнул некто, вставляя между нашими початыми кружками свою пустую.

Он достал из оттопыренного кармана бутылку портвейна, открыл зубами плеснул в мое и Сережино пиво сколько поместилось, а остаток вылил в свою кружку.

 Бррр, — произнес Сережа Довлатов и покорно начал пить смесь.

Некто стремглав осушил свою кружку и выставил ладонь. Я автоматически положил в нее три рубля, и некто тут же растворился в табачном дыме.

— Это ваш знакомый? — спросиз Сережа.

— Кажется, нет, — порылся в памяти я.

— Значит, мой, — виновато сказал Сережа

Через несколько минут знакомый вновь возник между нами и, что-то говоря о неизбежности конфликта творческой личности с тоталитарным государством, разлил в три кружки политов водки.

 Давно я не пил водки, — сказаг Сережа.

— И я давно, — сказал я. — С сегодняшнего утра.

Выпив, я увидел девушек и обрадо вался.

— Девушки, идемте с нами!

— А вы куда? — спросили девушки.

 Мы идем покупать линолеум, твердо сказал Сережа Довлатов.

Девушки отказались.

После этого Сережины знакомые стали нам попадаться почти на каждом шагу. Поднимая очередной стакан

портвейна или водки, Сережа смотрел на часы и говорил:

 Бродский на нашем месте уже второе стихотворение за день дописывал бы.

— Зато Горбовский, — говория я, уже давно бы бил об батарею пузырьки из-под политуры. А мы еще даже ни одного стакана не уронили.

Вдруг мы увидели нашего общего знакомого. Композитор Яша ловил тачку.

— Яков, не беспокойтесь, я помню вашу музыку тверже, чем клятву юного пионера! — воскликнул Сережа. — Разбудите меня среди ночи, и я вам воспроизведу вашу бесподобную мелодию.

— И я помню вашу музыку, — сказал я, — только иногда путаю, какую мелодию я зарыбил от вас, а какую от композитора Вити. Я принесу вам слова на следующей неделе.

— А я на этой, — сказал Сережа. — И даже раньше, если вы сейчас дадита мне в долг пятьдесят рублей, которые я отдам, как только получу гонорар за слова к предыдущей песне.

— Я не могу вам отказать, — одной рукой продолжил лозить тачку, а другой слегка порылся в кармане композитор Яша, — но у меня нет наличных.

— А мы можем поехать с вами и подождать возле сберкассы, — махнул рукой, останавливая такси, Сережа.

— Снимать с книжки — плохая примета, — уселся в машину композитор Яша и, уезжая, сделал нам рукой салют. — Ваш предыдущий текст слов моя певица уже записала. И ваш тоже. Завтра худсовет.

— Какую предыдущую песню вы подтекстовали Яше? — спросил я.

 «Девушки, прошу вас про любовь не говорить», — сказал Сережа.

— А я: «Девушки, прошу вас про любовь мне рассказать». Вот на такой мотив: ля-ля-ля-ля-ля... — пропел я.

 И я на этот же самый, —сказал Сережа. — Нежели у него хватит нагло-

сти представить на худсовет два протизоположных текста на одну и ту же музыку?

- Две музыки на одни и те же стихи я по радио слыхивал. - сказал я. — Но чтобы на одну музыку пели разные стихи, до такого авангарда советское радио еще не дозрело. Бухгалтерия не оплатит.

- Не оплатит, - мрачно согласился Сережа. — Он может продать только одну песню. И автором текста слов будет либо Уфлянд, либо Довлатов.

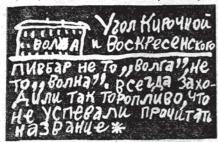
— Мы отомстим композитору за скупость и хитрость, - сказал я.-И отомстим жестоко. Мы пропьем сегодня все оставшиеся у нас деньги...

— Эта была бы, конечно, очень жестокая месть, — прервал меня Сережа. - И я заранее предвиушаю всю ее сладость. Но у меня есть некоторое возражения...

— Никаких возражений, — перебил я. — Пропьем все. А завтра с утра сядем писать. И не для Яши, а для Вечности с большой буквы. Вы - про-

зу, а я — стихи.

 Нет, — сказал Сережа Довлатов, - мы сегодня встретили слишком много моих знакомых. Я подсчитал, что мы истратили больше половины вашей получки и отпускных. Эти деньги я вам верну с первого же гонорара. И сегодня мы больше не будем пить. Мы сейчас же пойдем по домам и начнем писать для Вечности, чтобы отомстить композитору Яше. Вы — стихи. Я прозу. Но перед этим мы купим линолеум и водоэмульсионную краску. Девушки! - обратился он к двум подругам, которые, попросив у меня по сигарете, ждали, когда я зажгу спичку. -

Девушки, где здесь ближайший магазин строительных материалов?

Девушки пожали плечами.

— Пойдемте с нами, — сказал я. — Куда? — выпустили по клубу дыма девушки.

— Покупать линолеум, — сказал Сережа.

Невдалеке вздрагивая зажглась нео-

* Пивбар «Прибой», ул. Саятыкова-Щедря-жа, 26. — Прим. ред.

новая надпись «Ресторан Вечерний». - Неужели вечер? — не поверил

Около ресторана топталась небольшая очередь. Голова швейцара, зажатая дверью, торчала на улицу, а тело упиралось руками в дверь изнутри, чтобы не дать проникнуть нежелательному клиенту.

— Строительные магазины сегодня уже закрыты, — сказали девушки. — Пойдемте лучше в ресторан.

- Только в том случае, если вы будете танцевать для нас на столе между рюмками голыми, — угрожающе сказал Сережа.

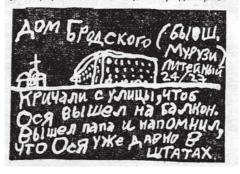
Но девушки не испугались, а вцепившись в Сережу, поволокли его прямо

в голову очереди.

Я решил дать швейцару рубль и, вытащив купюру, помахал ею перед полузадохнувшейся головой в фуражке. Швейцар ослабил тиски, сжимавшие его шею, взял купюру и, дав нам четверым протиснуться внутрь, тотчас задвинул засов.

– Композитор Яша сумел меня за-— сказал я, впервые с утра закусывая выпитое, — только потому, что меня отставили от халтуры на телевидении. От анонимного авторства детской передачи «Малышкина сказка». Иногда получал чуть не сорок рублей за сценарий. Один детский писатель позавидовал. Спросил у главного ре-дактора, знает ли он, кому доверяет

передачу для дошкольников. Мало того, что автор не член Союза советских писателей. Но он еще тот самый Уфлянд, который под руководством Бродского вместе с Галушко, Горбовским, Гординым, Довлатовым и другими организовал сионистский шабаш в Ленинградском Доме писателя имени Владимира Владимировича Маяковского.

- А меня отставили от халтуры в газете. Кто-то спросил редактора, как вы можете доверять Довлатову. Ведь это тот самый Довлатов, который под руководством Бродского вместе с Галушко, Горбов-ским, Гординым, Поповым, Уфлендом и другими организовал сионистский шабаш в Ленинградском Доме писате-ля имени В. В. Маяковского. Я никогда не был так зол. Я сказал редактору: сам ты Уфленді Уфлянд это Уфлянді И не Лев, а Владимир!

К нашему столу подбежал швейцар, кипя от возмуще-

— Что ты мне дал? — закричал он на меня.

 Ничего, — сказал я на всякий случай, вспомнив завет сокамерников все отрицать.

— Мой друг, - заслонил меня необъятной фигурой Сережа, — честнейший человек на свете. Он не мог дать вам меньше рубля. Бумажной купюры меньше рубля не быва-

Честнейший человек! еще более возмутился швейцар, — а я какой? За кого он меня принимает? Это что, повашему, рубль?

Он с треском выложил на двадцатипятирублевую бумажку. Я честно признался, что при синем свете рекламы мог перепутать, и в конце концов вымолил прощение.

Другого рубля у меня не было. Швейцар выдал мна сдачу своими рублями, и у нас опять оказалась куча денег. Ему было налито подряд несколько стаканов. Девушки начали, чокаясь, промахиваться и выплескивать водку то в нас, то в нашу закуску.

— Танцевать на столе, видимо, сегодня придется нам самим, — сказал Сережа.

 — Можно одетым, — спросил я, — или обязательно надо раздеться?

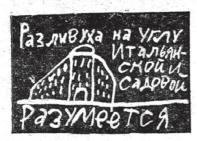
Сережа ответил афоризмом:
— Мужчина раздевается последним.

Еще помню, что, прощаясь, щвейцар целовался и брал с

нас слово приходить завтра пораньше.

Водоэмульсионную краску я все-таки вскоре купил. Брызгая облезлой советской кистью на пол, я внутрение радовался, что не успел настевошел лить линолеум, когда Прежде Сережа Довлатов. всего он преподнес мне невиданную мной доселе аккуратную плоскую кисть английского производства. Потом выложил деньги и сказал, что теперь совесть его спокойна. Но будет еще спокойнее, если мы сейчас же пойдем и купим линолеум.

— Как же может быть спокойна наша совесть, — сказал я, заметив по пути неоновую надпись ресторана «Вечерний», — если мы поклялись нашему швейцару, что придем на следующий день пораньше, а сами обманули человека.

— И девушек наших мы тогда из ресторана увести забыли, — вспомнил Сережа. — Может быть, до сих пор там живут.

Как только швейцар разглядел над очередью голову Сережи, он распахнул двери и взмахом руки расчистил нам проход среди нежелательных клиентов.

Прошел еще какой-то промежуток жизни, и я вынул однажды из ящика извещение о денежном переводе. Получив деньги на почте, я прочитал на четвертушке для письменного сообщения двустишие:

«Я не коршун и не волк по частям верну свой долг». Довлатов.

И еще не однажды получал деньги с таким же двустишием из разных мест. Потому что еще не однажды мы собирались выпить в последний раз, а с утра начать писать для вечности. И Сережа каждый раз неотвратимо возмещал свою долю пропитого.

Последняя из четвертушек сохранилась. На ней написано торжествующет «Я не коршун и не волк, возвоащаю старый долг!» Сохранилась она, наверное, потому, что лежала вместе с такими стихами: •

«Чем ни закусывай, блевать все равно будешь винегретом».

Шекспир и я.

ПОСЛАНИЕ УФЛЯНДУ

Приехал в город Таллин, Не Тито и не Сталин Поэт Володя Уфлянд (Ленинград). Он загорать мог в Хосте, Но вот приехал в гости К Далметову, который очень рад. Той ночью мы с ним в паре Нажрались в Мюнди-баре, Мы выпили там джина литров пять, Наутро пили пиво, Вели себя игриво, И в результате напились опять. На следующее утро Мы рассудили мудро, Что больше пить нельзя, что это - фэ,

что это — фэ, Но все же (что за блядство!) Пошли опохмеляться. И в результате снова подшофе, Мой стих однообразен, А мир разнообразен, Он в нас самих. И это сущий ад. Мы живы (это важно). И мы живем отважно. Будь счастлив. Я дружу с тобой.

Сережа ДОКЛАДОВ, импреСИОНИСТ, экспреСИОНИСТ, поэт эпохи ВОЗРАЖЕНИЯ

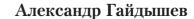
Сам Довлатов признается, что пишет он про лишних людей, правда тут же, как бы невзначай, добавляет: «В сущности, все люди болееменее лишние». Вот те раз: от кого-кого, но от этого внешне веселого, обаятельного и невозмутимого человека, слышать подобное до крайности странно! Становится даже не по себе. Он, оказывается, тоже из «этих». Наконец-то повеяло родным, глубинным, страдальческим. Недаром, одним из редких философов, которым зачитывался Довлатов, а ранее и Лев Николаевич с Федором Михайловичем, был Шопенгауэр. И тут все становится на свои места. Ведь это именно франкфуртский желчный старец сказал некогда: «Лучшая судьба – никогда не родиться». Но как жить с этим, если ты все же не удостоился «лучшей судьбы»? Не в этом ли корень довлатовского театра абсурда? Думается, что ответ напрашивается сам собой. Теперь все становится на места. Отсюда и вычеркивание себя из жизни, и алкоголь, и глумление над собой. Но в отличие от Шопенгауэра Довлатов совсем не желчен. Он скрывает от читателя главную правду своей жизни и мужественно улыбается. А что еще остается делать?

У Феллини есть фильм под названием «Ночи Кабирии». В этом фильме показывается беспросветная жизнь ночной римской бабочки – Кабирии. Грязи, обманутых надежд, предательства в ее жизни хватает. Вот к кому в полной мере можно адресовать завет Шопенгауэра. И вдобавок ко всему «любимый» Кабирии грабит ее и едва не убивает. Неужели стоит после всего этого цепляться за такую жизнь? Но в том-то все и дело, что сама жизнь шире и глубже любой философии. Не умещается она в шопенгауэровские умозрительные схемы. И Кабирия, случайно оказавшаяся в потоке веселящейся, праздной молодежи, подхваченная общим настроением и участием случайных прохожих, вновь обретает веру в себя, в людей, в жизнь. На лице ее расцветает улыбка.

Так, думается, и с Довлатовым. В душе его даже в самые трудные жизненные моменты не исчезала улыбка. Никогда он не переставал любить маленьких лишних людей, населяющих земной заповедник.

35)

СОВРЕМЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК

u sumepamypa

К8-летию клуба «Синий тираф»

Современная литература больна и потеряна, как болен и потерян современный человек. Поневоле вспоминаются слова Сартра: «Мир прекрасно обощелся бы без литературы; еще лучше он обощелся бы без человека». Слова безжалостные и, согласимся, увы, актуальные. Нужна ли литература человечеству, которое не нуждается само в себе, человечеству, отринувшему религию, традицию, культуру и семимильными шагами шествующему в цифровой рай? Ответ очевиден...

Конечно, литература и книга не умрут в одночасье, всегда будут люди, бережно относящиеся к художественному слову, литературному наследию, традиции. Однако зафиксируем и согласимся с некоторыми вещами: печатное живое слово уступает место цифровому, художественная литература проигрывает утилитарному коммерческому чтиву, толстые литературные журналы, некогда правящие бал и «заказывающие музыку», доживают последние дни. Бумажная книга из атрибута духовности все больше превращается в архаизм и анахронизм, пропахший пылью и некстати занимающий дорогие квадратные метры в городских многоэтажках.

Интернет создал альтернативную литературную жизнь: писать можно теперь всем и обо всем, цензуры нет, как нет и экспертного профессионального сообщества. Сеть примет и переварит все. «Виртуальное качество» сетевой литературы определяется «лайками» и «подписчиками», что само по себе забавно и грустно. А вдобавок ко всему, гуру от цифрового рая хвастаются новыми передовыми свершениями: современные алгоритмы уже способны создавать произведения, не уступающие в мастеровитости Толстому, Чехову, Бунину... Аж дух сводит от «творческих прорывов» цивилизации. Судя по всему, Прилепины, Яхины и Сорокины для гениальных алгоритмов этих – лишь задачки из начальной школы. Да и зачем вообще пыхтеть нынешнему творческому люду, если «Великий Лев» и компания готовы выдавать по взмаху дирижерской палочки шедевры мировой классики. То ли еще будет? Какое «удобное» и сумасшедшее будущее нас ожидает, где одновременно творят великие литературные алгоритмы, работающие под Шекспира, Толстого, Довлатова, Пушкина! Закон рынка превыше всего, спрос определяет предложение. Нам же, неразумным, при этом объясняют, что за таким творчеством будущее. И в самом деле, эти новоявленные «творцы» не запьют, не загуляют, не окажутся на каторге и не испытают «арзамасского ужаса». Все стабильно. Не будут, в конце концов, нелепо гибнуть на дуэлях, как всякие Пушкины и Лермонтовы. И при этом, готовы работать без сна и выходных. Плюсы, что называется, очевидны. Да и на гонорарах сэкономить можно.

Вслед за героем любимого советскими зрителями фильма, вторя ему на современный лад, подытожим: «Через двадцать лет будет один сплошной интернет»! Ну разве не очевидно, что «железный конь идет на смену крестьянской лошадке»! Эволюция, прогресс, цивилизация! Только вот незадача, в роли вчерашних лошадок в результате окажется сегодняшнее человечество. Впрочем, в большинстве своем еще не осознавшее сути грядущей рокировки.

Вспомним Илью Ильича и его деятельного друга с немецкими корнями:

 Где же тут человек? Где его целость? Куда он скрылся, как разменялся на всякую мелочь? Что-нибудь да должно же занимать свет и общество, – сказал Штольц.

Комментарии, что называется, излишни...

Как же произошла подмена, как человек разумный скатился в постчеловека, в жалкое, обмельчавшее подобие себя вчерашнего, в симулякр, растративший свое великое наследство и ставший в очередь в «химчистку» на оцифровку изношенной души? Когда произошел этот разворот, почему?

Увы, вывод напрашивается сам собой. Человек, отринувший идею бога, констатирующий его смерть и верящий в научно-доказанное обезьянье родство, вряд ли мог прийти к иному финалу.

Без идеи бога, отказавшись от глубинного, сакрального измерения в себе, самонадеянно водружая себя в центре мироздания, человек отсек путь восхождения к духовному Олимпу, а значит — открыл движение вниз, к зверю.

«Тут дьявол с богом борется, а поле битвы — сердца людей». Это говорит Дмитрий Карамазов. На одном полюсе — Алеша, на втором — Иван. Если допустить, что Алеша отступает и принимает сторону среднего брата, что остается? По Достоевскому — диалог с чертом и сумасшествие. Ничего не напоминает? То-то...

Очевидно, что девальвация человека идет по всем фронтам. Нигилизм, как стая термитов, подъедает и превращает в труху все, к чему прикасается. Культура постмодерна — ознаменование надвигающегося духовного конца человечества. Поэтому не стоит удивляться, когда на место разложенных до основания культуры, религии, традиции новые апостолы прочат датаизм и всеобщую оцифровку человечества. Иммунитета у этого человечества практически не осталось. Цифровая воронка, постоянно расширяясь, втягивает в свою орбиту все больше и больше человеческого материала.

И все же каждый пишет свой жизненный сценарий самостоятельно. Свобода выбора (пусть и далеко не абсолютная) у современного человека все же есть. Важно найти лишь точку опоры, устоять, доверяясь разуму и совести, лучшим традициям своего народа и семьи.

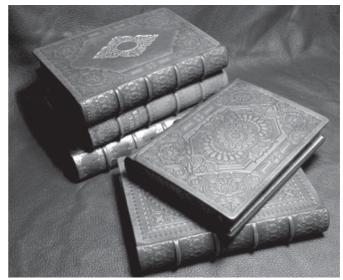
Автору статьи представляется, что литература — хороший фундамент, позволяющий современному человеку оставаться в лоне мировой культуры, философских исканий, преемственности традиций. На протяжении двух с лишним тысяч лет писатели, философы, драматурги и поэты, кропотливо работая с материалом, бережно возводили общечеловеческий храм духовной культуры, триумф человеческой творческой деятельности. Согласимся, что наследие это грандиозно, всеобъемлюще и актуально. Актуально потому, что в сути своей человек не изменился, его как и раньше волнуют вечные вопросы, как раньше он наступает на те же грабли и раздираем он теми же страстями и сомнениями.

Восемь лет назад несколько энтузиастов-чудаков решили организовать в Петербурге литературно-философский клуб. Назвали клуб «Синий жираф». Так получилось, что членами клуба стали представители самых разных профессий, научных степеней, возрастов. Всех этих людей, которые вряд ли когда-нибудь и где-нибудь могли пересечься в обычной жизни,

объединяет любовь к литературе, живой книге, чтению, литературным традициям. Вместе одноклубники проштудировали не одну сотню книг, входящих в золотой фонд мирового литературного наследия. И вполне естественно, что основным фундаментом клуба явилась русская классическая литература, исследуя которую, клуб пытается постигнуть загадку русской истории, ее народа и культуры. В литературной гостиной почти на всех встречах кипят интеллектуальные баталии, в ходе которых участники ищут и доводят до других свою правду и отношение к предмету обсуждения. Участники литературных встреч, как правило, люди яркие, живые и неравнодушные. Их часто диаметрально противоположные позиции высекают в ходе дискуссий огонь подлинно духовной жизни, и огонь этот воспламеняет и заражает сердца и умы всех собравшихся. Как участник почти всех встреч клуба, признаюсь, что подобного интеллектуально-духовного вихря где-либо еще мне видеть и слышать не доводилось. Участники свободны в своем живом слове, и вдвойне отрадно, что члены профессиональных научных сообществ, побывавшие в «Синем жирафе» на дискуссиях, с удивлением и интересом обнаруживают и признают наличие в клубе особой завораживающей и неповторимой интеллектуальной атмосферы и энергии, свойственной исключительно «Синему жирафу».

Трудно живется современному российскому обществу. Неурядиц хватает, и вряд ли они когда-либо будут преодолены. Предкризисное состояние становится нормой, отсутствие позитивного образа будущего страны способно вызвать уныние у большинства населения, извечные «русские болезни» зашкаливают. Как не достает нам всем твердой духовной почвы под ногами, того, чем мы можем по-настоящему гордиться, что не подвластно времени, ветреной моде, капризам рыночной экономики и проходящих политиков! Настоящие, подлинные скрепы нужны нашей стране для оздоровления. И они есть. Это литературное наследие наших великих предков. И пусть Россия уже не является литературоцентричной страной, каковой была в XIX и XX веках, но в наших силах верить, возрождать и бережно поддерживать очаги

Делать то, что минувшие восемь лет и делал клуб «Синий жираф».

Bodo Schäfer

ara Azoyka gener

Детская история для взрослых? — удивленно спросят некоторые читатели. Ответ на этот вопрос будет утвердительным. Почему бы и нет, если финансовый гений Бодо Шефер может с помощью детской сказки сделать путь к богатству простым и доступным!

Взрослый читатель очень быстро заметит, что советы и рассуждения автора вполне пригодны и для него, что «большим» здесь есть чему поучиться.

Маленькая Кира и ее друзья – герои нашей истории – узнают, как следует обращаться сденьгами, как можно их приумножить и как избавиться от долгов. Они видят, какие убеждения необходимы для того, чтобы улучшить свою финансовую ситуацию, чтобы обеспеченная жизнь не оставалась недосягаемой мечтой. Автор легко и понятно описывает путь к благосостоянию, так что его уроки можно усвоить в кратчайшее время.

И прежде всего: эта книга доказывает, что занятие финансовыми вопросами может доставить настоящее удовольствие!

Бельій лабрадор

Уже целую вечность хотелось мне держать собаку. Но хозяин дома, где мы снимали квартиру, держать собак не разрешал. Папа пытался с ним поговорить, но ничего не добился. Всегда ведь находятся люди, с которыми невозможно договориться, и как раз таким человеком был наш хозяин. Он утверждал, что другие жильцы дома будут недовольны. Конечно, это был вздор. Я знала одну семью на втором этаже и другую семью на третьем, которые охотно завели бы собаку. Просто хозяин сам не любил собак. Папа однажды сказал: «Он и себя-то самого не любит, а потому не желает счастья другим.»

Папины слова заставили меня внимательнее присмотреться к хозяину. Он и на самом деле казался всем на свете недовольным. А после того, как еще и мама заговорила с ним о собаке, он даже прислал нам заказное письмо, в котором угрожал выселением.

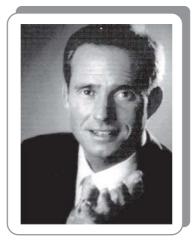
Я до сих пор убеждена, что никто не имеет права запрещать другому человеку завести собаку. И что лучше купить собственный дом — хотя бы потому, что там можно держать животных.

Через некоторое время мы действительно купили дом с садом. У меня появилась своя собственная комната, и я чувствовала себя на седьмом небе.

Но родители не выглядели особенно счастливыми. Покупка и переезд обошлись куда дороже, чем было запланировано. И я знала из родительских разговоров, что денег нам не хватает. Поэтому я решила несколько недель помалкивать о своих желаниях, самым заветным из которых было завести собаку.

Однажды утром мама взволнованно разбудила меня:

— Кира, вставай скорее, там перед домом спит раненая собака. Я вскочила с кровати и бросилась на улицу. И правда, в уголке между домом и гаражом лежал белый пес. Он крепко, но беспокойно спал.

Бодо Шефер (родился 10 сентября 1960 года в Кельне) — немецкий писатель и оратор. Он считается финансовым тренером и автором нескольких книг с международным влиянием о создании богатства, успехе и позиционировании. Некоторые стали бестселлерами и были переведены более чем на двадцать языков. Поклонники творчества Бодо Шефера живут в Германии, Японии, России, Южной Корее. История его жизни удивительна и недостоверна, а его слова проникают даже в умы и сердца скептиков. В 26 лет он стал банкротом и задолжал 75 тыс.немецких марок. Но он не опустил руки. Уже через 4 года заработал первый миллион и стал учить этому других. На родине предпринимателя нарекли "финансовым Моцартом".*

На спине, под лопаткой, у него была кровоточащая рана сантиметров в шесть длиной. Похоже, он получил ее в схватке с другой собакой, притащился сюда и, совсем обессилев, заснул. Сердце у меня дрогнуло. «Какой же гад искусал такую красивую собаку?» — подумала я. Тут пес проснулся, посмотрел на меня, широко раскрыв глаза, и сделал несколько шагов в мою сторону. Но он чересчур дрожал и был слишком слаб. Его лапы разъехались на скользких камнях, и он неловко плюхнулся на живот. Я полюбила его с первой минуты.

Мы осторожно уложили собаку в машину и отвезли ее к ветеринару. Ей зашили рану и сделали нужные уколы. Пес снова заснул. Врач объяснил нам, что его действительно покусали, но рана быстро заживет. И еще он рассказал, что эта собака — лабрадор, что собаки этой породы необычайно добры и умны и очень любят детей. Благодаря своему характеру лабрадоры становятся лучшими поводырями для слепых. Слушая врача, я не переставала гладить пса. Какая же у него мягкая шерсть! И какой он милый!

По дороге домой он так и не проснулся. Мы постелили в кухне одеяльце и бережно уложили пса. Я не отрываясь смотрела на него и думала о том, поправится ли он.

Мои тревоги оказались напрасными. Белый пес выздоравливал очень быстро. Но тут появилась другая серьезная проблема: мы не знали, откуда он пришел и кому принадлежит. Могли ли мы просто оставить его у себя? Внезапно меня охватил страх. Что, если родители не захотят оставить собаку? Ведь нам и без того не хватало денег.

Конечно, мы должны искать хозяина собаки. Однако втайне я надеялась, что найти его не удастся. Папа дал объявление о находке и обзвонил приюты для животных. Но там никто не слышал о белом лабрадоре. С каждым днем, что он проводил у нас, мои родители все больше любили его. Он стал членом нашей семьи.

Тем временем лабрадор совершенно выздоровел. Однажды я играла с ним все утро, пока не устала, а затем отправилась завтракать. Речь за столом снова шла о деньгах, поэтому слушать мне совсем не хотелось. Во-первых, я ничего в этом не понимала, во-вторых, разговаривая об этом, никто не выглядел счастливым. Улучив момент, я вмешалась в беседу с гораздо более важным вопросом. Я сказала:

А как, собственно, зовут нашу собаку?

Тут и остальные спохватились, что клички пса мы не знаем. По-моему, это было очень плохо. Кличка собаке необходима. Я пристально смотрела на белый клубок, который крепко спал на своем одеяле в трех метрах от меня. Однако никакой подходящей клички мне в голову не приходило. Я размышляла:

Тем временем родители вернулись к разговору о деньгах. Вдруг папа громко вздохнул:

- Мани, мани, мани: все крутится вокруг денег!
- Лабрадор мгновенно проснулся и подошел к папе
- Мани! крикнула я. Он отзывается на кличку Мани!
 - Собака сразу подбежала ко мне.

— Он должен зваться Мани, он сам выбрал себе эту кличку, — продолжала я.

Маме это не очень понравилось:

— «Мопеу» по-английски значит деньги. Нельзя же всерьез так назвать собаку.

А папа, наоборот, нашел это очень забавным:

— Это вовсе не плохо. Мы кричим: «Деньги!» — и Деньги подбегают к нам. На этом кончатся все наши проблемы.

Конечно, тогда папа и представить себе не мог, как это было близко к правде... Вот так и получилось, что лабрадор получил кличку Мани.

Прошло полтора месяца, а мы все еще не знали, откуда Мани пришел. Да я и не хотела этого знать. Ведь если мы найдем хозяина, то, возможно, Мани придется вернуть. А мне так хотелось, чтобы Мани навсегда остался с нами. И папа с мамой тоже успели привыкнуть к нему.

Итак, Мани жил с нами. Но в моей душе поселился страх: я боялась, что его прежний владелец однажды появится у наших дверей и отнимет у меня Мани: Само собой разумеется, я и Мани стали лучшими друзьями.

Мани уже полгода жил у нас, когда это произошло. Он был невероятно милым, терпеливым и сообразительным псом. У него были самые умные глаза из всех, что я видела. Иногда мне даже казалось, что он понимает человеческую речь.

Все лабрадоры любят плавать. Но мне кажется, никто из них не проводил столько времени в воде, как Мани. Он не пропускал ни одного ручья, ни одного озера. Мне хотелось посмотреть, как ему понравится настоящее море, с волнами и широким песчаным пляжем. Но мои родители говорили, что сейчас об этом и думать нечего, потому что дела у папы идут неважно.

По воскресеньям мы нередко гуляли по берегу большой реки, протекавшей через наш город. Река хоть немножко походила на море. Под мостом она выглядела особенно бурной и опасной.

Я не знаю, что случилось с Мани в то воскресенье. Все утро он бегал один. А когда мы отправились на прогулку, он внезапно умчался прочь. Мы в отчаянии звали и искали его и вдруг увидели, что пса уносит течением. До сих пор я не знаю, как он оказался в воде — ведь знал же, что в этом месте нельзя заходить в реку. Течение было слишком сильным, и Мани несло прямо к мосту. Там между двумя опорами была натянута сеть, и в нее-то угодил наш Мани. Волны перекатывались через его голову. Псу не хватало воздуха. Все дольше и дольше его голова оставалась под волой

Нужно было спасать Мани. Я просто не могла смотреть, как он тонет. Забыв обо всех предосторожностях, я прыгнула в воду. Времени на раздумья у меня не было. Нужно было спешить на помощь собаке. Все произошло очень быстро. Я с головой оказалась под водой, наглоталась ее и здорово испугалась. Вокруг была грязная холодная вода, и я уже не знала, где верх и где низ. А потом вокруг стало совсем темно. Что было дальше, я не помню.

Родители потом рассказывали, что меня несло течением в ту же сеть, где застрял Мани. К счастью, поблизости оказалась лодка водной полиции. Я, на-

верное, успела обхватить Мани руками перед тем, как потеряла сознание. Во всяком случае, экипаж лодки почти одновременно вытащил нас обоих из волы.

Меня привели в чувство, и в больнице мне пришлось провести лишь несколько часов. Правда, еще несколько дней я оставалась очень слабой и должна была лежать в постели.

Мани пришел в себя намного быстрее и не отходил от моей постели. Он часами сидел перед кроватью и смотрел на меня. И по его глазам было видно, что он все понял.

Многие люди и не знают, каким благодарным может быть собачий взгляд. И Мани часами с любовью и благодарностью смотрел на меня. Конечно, тогда я еще не имела никакого представления, что ждет нас впереди...

Мне исполнилось двенадцать лет. В нашей жизни ничего не изменилось. К морю мы все еще не ездили. Мои родители по-прежнему страдали от «спада производства», как они это называли. Под этим они подразумевали, что в наших денежных проблемах виновата хозяйственная ситуация в целом.

Без ответа был оставлен мой вопрос, почему это у родителей моей подруги Моники дела всегда шли лучше, чем у нас, хотя общая экономическая ситуация нашей страны, конечно, касалась и их. У папы частенько бывали месяцы, когда дела почти не шли. Настроение у нас дома нередко бывало подавленным. Мама время от времени говорила, что лучше нам было бы не покупать дом. Я считала такие разговоры напрасной тратой времени, ведь изменить прошлое все равно нельзя. Кроме того, если бы не дом, Мани не смог бы остаться у нас, а значит, хорошо, что мы его все-таки купили.

Однажды произошло событие, испугавшее меня. Я намеревалась заказать по телефону новейший компакт-диск моей любимой группы. Только что по телевизору показали рекламу с номером телефона.

Я уселась у аппарата и начала уже набирать номер. Вдруг я услышала голос:

— Кира, ты должна сперва подумать, можешь ли ты позволить себе купить этот диск!

Я испуганно осмотрела комнату. Двери были закрыты, и в помещении я была одна. То есть, людей, кроме меня, в комнате не было.

Только Мани, как обычно, был здесь. Может, этот голос мне просто послышался... Через некоторое время, успокоившись, я вновь сняла трубку и стала набирать номер. Внезапно тот же голос произнес:

 Кира, если ты купишь этот диск, то израсходуешь почти все свои карманные деньги за этот месяц.

Мани стоял передо мной, слегка наклонив голову. Голос, кажется, исходил от него. Но этого же не могло быть! Меня одновременно бросило в жар и в холод. «Собаки ведь не могут разговаривать. Даже такие умные собаки, как Мани», — думала я.

— Когда-то, очень давно, все собаки умели немного разговаривать — правда, совсем не так, как вы, люди. Но постепенно они потеряли эту способность. — Мани смотрел мне прямо в глаза. — Однако я все еще могу говорить.

Я как-то видела по телевизору верблюда, умевшего разговаривать. «Но это было всего лишь кино, — размышляла я. — А сейчас мы не в кино. Все по-настоящему». Тут меня осенило: «Наверное, я сплю». Я быстро ущипнула себя за руку. Ой, как больно! Значит, это не сон.

Все это время Мани смотрел на меня. Потом снова зазвучал его голос:

— Ну, можем мы теперь поговорить спокойно, или ты собираешься и дальше щипать себя и удивляться?

Я не могу этого объяснить, но мне вдруг показалось, что слушать разговаривающего Мани — это нормально и совершенно правильно. Это было так, как будто мы уже долгие годы могли говорить друг с другом. Только одно казалось мне странным: его морда при разговоре оставалась неподвижной.

— Мы, собаки, умели общаться гораздо совершеннее, чем люди. Если мы хотели что-то сообщить, то посылали свою мысль прямо в мозг другой собаки, — заметил Мани. — Поэтому я знаю, о чем ты думаешь.

Теперь я по-настоящему испугалась.

— Ты хочешь сказать, что прочитал все мои мысли? — спросила я, поспешно вспоминая, о чем дума-

Но Мани прервал мои мысли:

— Конечно, я знаю, о чем ты думаешь. Если два живых существа по-настоящему близки, то они могут читать почти все мысли друг друга. И поэтому я знаю, что ты очень расстраиваешься из-за того, что у твоих родителей трудности с деньгами. И еще я вижу, что ты начинаешь повторять их ошибки. Еще в детстве определяется, сможет ли человек правильно обращаться со своими деньгами. Вообще-то я не должен с тобой разговаривать. Если об этой моей особенности узнают ученые, то они запрут меня в клетку и начнут ставить на мне разные опыты. Поэтому я до сих пор никому не рассказывал о моей способности. Но ты спасла мою жизнь, рискуя своей, и для тебя я делаю исключение. Однако это должно оставаться нашей тайной. Никто ничего не должен знать.

Мне хотелось задать Мани множество вопросов: откуда он пришел, как выглядел его прежний владелец, кто его ранил... Но он прервал меня:

— То, что мы можем говорить друг с другом, это большая удача.Потом ты лучше поймешь это. А теперь мы не должны терять времени на вопросы. Я не хочу сильно рисковать и потому предлагаю поговорить только на одну тему: о деньгах.

«Но ведь есть некоторые темы, которые интересуют меня куда больше», — думала я. Да и мама часто говорила, что деньги — не самое важное в жизни.

— Я тоже думаю, что деньги не самое важное в жизни. Но деньги становятся невероятно важными, если их все время не хватает. Вспомни, как мы оба тонули в реке. Мы должны были выбраться из воды. Все остальное было неважно. И точно так же обстоит теперь дело с твоими родителями. Их финансовая ситуация так плоха, что они постоянно говорят об этом. Они сейчас как будто тонут в реке. Я хочу помочь тебе, чтобы ты поступала иначе и никогда не попадала в такое положение. Если хочешь, я покажу тебе, как деньги могут стать в твоей жизни силой, приносящей радость.

Я еще никогда всерьез не думала об этом. Конечно, мне хотелось, чтобы у моих родителей было больше денег. Но я слегка сомневалась, что собака может быть хорошим советчиком в таком вопросе.

— Ты сама увидишь, — прервал меня Мани и улыбнулся, кажется, чуть-чуть надменно. — Но гораздо важнее другое: я смогу помочь, только если ты этого по-настоящему хочешь. Поэтому я прошу тебя хорошенько об этом подумать. И еще одно. Вы, люди, легко заблуждаетесь. Поэтому я предлагаю, чтобы ты время от времени кое-что записывала. Пожалуйста, запиши до завтра десять причин, по которым ты хочешь стать богатой. А завтра в четыре часа мы пойдем гулять в лес.

Мне казалось, что я еще слишком маленькая, чтобы заниматься таким серьезным вопросом, как деньги. Кроме того, я видела по своим родителям, что деньги — штука действительно неприятная. Мани, конечно, прочитал мою мысль и тут же на нее ответил:

— Дела у твоих родителей так плохи, потому что они не научились обращаться с деньгами еще тогда, когда были в твоем возрасте. Один китайский мудрец сказал: «Делай великое, пока оно еще мало, потому что все великое начинается с малого». У денег есть свои секреты и законы, которые я хочу тебе объяснить. Но это получится, только если ты сама захочешь. Поэтому ты должна найти десять причин. А до тех пор мы больше не будем разговаривать.

Остаток дня я провела в размышлениях. Конечно, мне было о чем подумать. В конце концов я решила никому не рассказывать о своем открытии.

Я вовсе не хотела, чтобы Мани стал жертвой бесчисленных экспериментов ученых. Я уже видела, как его запирают в клетке и подсоединяют к нему множество шлангов. Нет, этого не должно случиться. Значит, я никому не имею права рассказывать о том, что Мани умеет «разговаривать». И еще я решила поменьше раздумывать о Мани и о его чуде. Я чувствовала, что эти мысли ни к чему не приведут.

Я вовсе не была убеждена, что должна уже теперь задумываться о деньгах. Но тут я вспомнила изречение мудрого китайца: «Делай великое, пока оно еще мало, потому что все великое начинается с малого». Что бы это значило?

Вдруг мне пришла в голову одна мысль: наверное, так было с Генри, соседским терьером. Генри попал к своим нынешним хозяевам, когда ему было уже пять лет. И он совсем их не слушался. Соседи всегда говорили, что теперь очень трудно что-нибудь изменить. И что собаку намного легче воспитывать, пока она еще молода.

Наверное, мои родители были как Генри во всем, что касается денег. Похоже, Мани знал, о чем говорил. Значит, я должна найти десять причин, почему хочу стать богатой. Это оказалось нелегким делом. Ведь для большинства моих желаний нужно не так уж много денег. Через три часа мой список был готов:

- 1. Дорожный велосипед с переключателем на 18 скоростей.
- 2. Я могла бы покупать столько компакт-дисков, сколько хочу.

- 3. Я смогла бы купить те красивые кроссовки, которые мне уже давно хочется приобрести.
- 4. Можно было бы дольше разговаривать по телефону с моей лучшей подругой, которая живет в двухстах километрах от нас.
- 5. Я смогла бы принять летом участие в школьной программе обмена и поехать в США. Кстати, это помогло бы мне лучше овладеть английским.
- 6. Я могла бы дарить деньги моим родителям, чтобы они не были всегда такими грустными. И можно было бы помочь им расплатиться с долгами.
- 7. Пригласить мою семью на праздничный обед в итальянский ресторан.
- 8. Я могла бы помогать бедным детям, которым живется хуже, чем мне.
 - 9. Черные фирменные джинсы.
 - 10. Компьютер, лучше всего ноутбук.

Когда список был готов, я почувствовала, что быть богатой очень неплохо. Богатые, конечно, могут запросто купить себе все эти вещи и заниматься многими интересными делами. Кроме того, заканчивая список, я подумала о моей подруге Дженни и решила спросить у Мани, можно ли будет рассказать ей то, что я узнаю о деньгах. Я с нетерпением ждала четырех часов. Ведь тогда я узнаю, как стать богатой...

Копилки метты и альбом метты

Мне с трудом удалось сосредоточиться на приготовлении домашних заданий. Когда пробило четыре, я побежала в сад. Белый Лабрадор уже ждал.

Я поскорее надела на него ошейник с поводком, и мы отправились в лес. Пока мы не добрались до нашего укрытия, я не решалась заговорить. Укрытие это представляло собой небольшую полянку среди зарослей ежевики. Чтобы попасть на нее, нужно было проползти по узкому длинному проходу между кустами. Там я устроила наше убежище — очень уютное. Никто, кроме меня и Мани, не знал этого места. Здесь мы были в безопасности.

Я была очень взволнована. Не потерял ли Мани еще свою способность разговаривать? Ведь ничего нельзя знать заранее. Мне хотелось так много у него спросить, но я помнила, что Мани решил говорить только о деньгах. Итак, я ждала. Мани посмотрел на меня:

- Ну, как, ты уже поняла, что быть богатой хорошо?
- Разумеется, поторопилась ответить я и вытащила из кармана мой список
- Прочитай вслух, попросил Мани, и я назвала ему мои десять причин.
- N какие же из них ты считаешь самыми важными? спросил он.
 - Они все важные, возразила я.
- Да, конечно, согласился Мани. И все-таки посмотри еще раз на свой список и отметь крестиком три самых важных причины. Я внимательно перечитала список еще раз. Очень не просто было решить, какие причины для меня важнее других. Но в конце концов я справилась с этим и отметила следующие:
- 1. Будущим летом поехать в США по программе обмена.

- 2. Купить компьютер лучше всего портативный.
- 3. Помочь родителям расплатиться с долгами.
- Очень разумные причины. Очень разумный выбор, Мани был в восторге. Я хочу поздравить тебя. Я почувствовала гордость. Но смысл этого упражнения все еще был мне не до конца понятен. Мани, как всегда, прочитал мою мысль и немедленно ответил:
- Большинство людей не знают точно, чего они хотят. Они знают лишь, что хотят большего. Представь себе жизнь в виде большой фирмы, торгующей по каталогу. Если ты напишешь в такую фирму, что хочешь большего, она не пришлет тебе ничего. И если ты попросишь, чтобы тебе выслали что-нибудь «симпатичное», ты тоже ничего не получишь. Вот так и с нашими желаниями. Мы должны точно знать, чего хотим.

Я засомневалась:

- Получается, если я знаю, чего хочу, то могу все это получить? Мани серьезно посмотрел на меня:
 - Да. И первый, самый важный шаг ты уже сделала.
 - Записав свои желания? спросила я.
- Точно, ответил Мани. Теперь ты должна каждый день заглядывать в свой список. Ты будешь все снова и снова вспоминать о своих желаниях. И ты начнешь находить способы для их осуществления.
 - Да неужели это может помочь!? воскликнула я.
- Ну, если так на это смотреть, то и не поможет, серьезно сказал Мани. Но ты можешь сделать три вещи, которые помогут тебе изменить свою точку зрения. Во-первых, возьми пустой альбом для фотографий и преврати его в альбом желаний. Найди фотографии или картинки тех вещей, которые тебе хочется приобрести, и наклей их в альбом. Ведь мы и думаем картинами.
 - Думаем картинами?
- Это значит, что мы думаем не буквами. Когда ты думаешь о Калифорнии, ты ведь видишь при этом не слово КАЛИФОРНИЯ, а определенные картины.

Да, тут Мани был прав. Конечно, перед моим внутренним взором тут же появились картины Диснейленда, Голливуда, Сан-Франциско...

Где же я найду такие картинки?

Мани странно посмотрел на меня и забавно наморщил лоб, как будто хотел надо мной посмеяться.

- Ну ладно, заторопилась я с объяснениями. Фотографию компьютера я найду в журнале, а снимки Америки в организации, которая занимается обменом школьников. И все равно это непонятно.
- Иногда мы и не должны так уж точно понимать, как и почему что-то получается. Важно, что это получается. Можешь ты мне, например, объяснить, как функционирует электричество? спросил лабрадор.

Такого вопроса я не ожидала. Почему Мани спросил именно об электричестве? О силе тяжести я могла бы кое-что сказать. Это мы в школе уже изучали. Но электричество?

— Вот видишь, — продолжил лабрадор. — Но ты можешь нажать на выключатель, и свет включается, хотя ты и не в состоянии объяснить, как это получается. Мы, собаки, не очень-то любим разговаривать на научные темы. Нам достаточно знать, что это действует. Так что заведи себе фотоальбом и начинай наклеивать в него картинки.

- Мне же было просто любопытно, проворчала я. Мани ответил мгновенно:
- Ну и хорошо. Но это не должно помешать тебе делать то, что надо. Очень многие люди все медлят и медлят только потому, что они не все до конца понимают. Куда разумнее просто приступить к делу.

— Согласна. Я попытаюсь.

Мани остановил меня:

— Надо делать, а не пытаться. Кто хочет попытаться, тот готов к неудаче. И в конце концов ничего у него не получается. Пытаться — это просто заранее оправдывать свои неудачи, заранее извинять их. Не существует никаких попыток. Или ты делаешь чтото, или не делаешь.

Я на минуту задумалась. Кое-кто, хорошо мне знакомый, всегда говорит: «Я попытаюсь сделать то-то и то-то:» Да-да, эти слова часто использует папа. Он всегда говорит, что сегодня попробует найти нового заказчика. И чаще всего у него ничего не получается. Похоже, Мани прав. Может быть, это и в самом деле связано со словом «пытаться». Поэтому я решила попробовать не использовать слова «пытаться».

Вдруг Мани тихонько зарычал. Проклятье, конечно, я же снова использовала это слово. Нет, я не буду пробовать, я просто не буду больше так говорить. Мани все время наблюдал за мной:

Это нелегко, правда?

Я вспомнила, что лабрадор говорил о трех вещах, которые я могла бы сделать для того, чтобы больше верить в исполнение моих желаний. Первая из них—альбом мечты. А две других?

Объяснение последовало тут же:

- Второе, что ты можешь сделать, это каждый день по несколько раз рассматривать фотографии в альбоме мечты, представлять себе, что ты уже в США, что у тебя уже есть свой компьютер, и как гордится твой папа тем, что рассчитался с долгами.
- Но это же значит мечтать, удивилась я. А мама всегда говорит, что я не должна мечтать днем. Мани был терпелив:
- Это называется визуализацией. Все люди, которые чего-то достигли в жизни, сначала мечтали об этом. Они снова и снова представляли себе, как все будет, когда они достигнут своей цели. Конечно, только мечтать мало. Наверное, это и хочет сказать твоя мама. Все это казалось мне очень странным. И все было совсем не так, как я себе представляла.
- Это и называется учиться, тут же последовал ответ, — знакомиться с новыми мыслями и новыми идеями. Если продолжать думать так же, как думал раньше, то и результаты будут такими же, как раньше. Но поскольку многое из того, что я тебе расскажу, для тебя ново, я хочу кое-что предложить: пока ты чего-то не сделала, не принимай решения, хорошо это или плохо. А без визуализации еще никто не достиг своей цели. Развивается то, на чем мы сосредоточиваемся. Большинство людей сосредоточивается на том, чего они не хотят, вместо того, чтобы представить себе, чего они хотят. Я вспомнила о моей тетушке Христель. Ей всегда казалось, что на нее сваливается слишком много всего и что ее нервы этого не выдержат. Каждая мелочь становилась для нее проблемой. И еще я подумала о папе. Он сосредоточивался на тяжелой ситуации, в которой

мы находились, — и казалось, ситуация от этого только ухудшалась.

- Третье, что ты могла бы сделать, это завести копилки мечты, продолжал Мани.
 - Копилки мечты? я была разочарована.

Мани засмеялся:

— Ну да! Ведь без денег ты не сможешь отправиться в Калифорнию. А одна из лучших возможностей собрать деньги — просто взять баночку и превратить ее в копилку. На баночке ты записываешь свою мечту. Но для каждой мечты нужна отдельная копилка. Как только ты ее приготовила, начинай класть в нее деньги, которые сумела сэкономить.

Мне тут же пришло в голову множество недостатков такого спо-соба:

— Но тогда мне придется завести множество копилок, и даже если бы я смогла класть в каждую по евро, достаточную сумму я смогу собрать не раньше, чем мне исполнится двадцать лет. Кроме того, так у меня не останется денег для исполнения других желаний:

Мани спокойно смотрел на меня:

- Ты заметила, что всегда сначала думаешь о том, почему ничего не получится?
- Может быть, иногда, проворчала я. Но мне кажется, что было бы лучше, если бы мы вместе подумали, как мне получать побольше карманных денег. Если бы у меня, например, было вдвое больше, чем сейчас, я была бы очень довольна.

Голос Мани стал очень серьезным:

— Ты мне сейчас не поверишь, Кира, но если бы у тебя было в десять раз больше карманных денег, чем сейчас, твои проблемы бы только увеличились. Ведь наши затраты растут вместе с ростом наших доходов.

Это, однако, показалось мне сильно преувеличенным. Если бы у меня было в десять раз больше денег, я жила бы как в раю.

Но Мани не отступал:

- Посмотри на своих родителей. У них не в десять, а в сто с лишним раз больше денег, чем у тебя. И все-таки им не хватает. Важно не количество денег, а то, что мы с ними делаем. Сначала научись обходиться деньгами, которые у тебя есть сейчас. Только тогда ты будешь готова к тому, чтобы получать больше. Но подробнее я объясню тебе это через несколько дней. А теперь давай вернемся к копилкам. Что, если просто начать?
- Но при таком количестве копилок я запутаюсь, возразила я.
- Именно поэтому я просил тебя выбрать из списка самые важные цели, пояснил Мани.

Я еще раз посмотрела на мой список. Правильно: самыми важными были поездка в США, компьютер и помощь родителям. Для первых двух желаний можно завести копилки мечты. Третье — помочь родителям избавиться от долгов — казалось почти безнадежным.

- Именно так, сказал Мани, прочитав мои мысли. О долгах твоих родителей мы поговорим через несколько дней. Это куда легче, чем ты, вероятно, думаешь. Значит, тебе нужны только две копилки мечты. С этим ты должна справиться.
- Ладно, я попыта... нет, я хочу сказать, я сделаю это, пообещала я.

- Тогда начинай немедленно, потребовал Мани. Я была поражена:
- Ты хочешь сказать, прямо сейчас?

Мани только кивнул в ответ. Поэтому я закрыла глаза и представила для начала, как я смогу делать на компьютере домашние задания. Они будут выглядеть намного красивее, и мне будет куда легче исправлять ошибки. В результате я буду получать и более высокие отметки. Кроме того, у меня появятся замечательные компьютерные игры... Потом я представила, как бы я провела три недели в Сан-Франциско. Я бы жила в очень симпатичной семье, подружилась бы со славной девочкой, и мы замечательно проводили бы время. С ней мы понимали бы друг друга, как ни с кем до сих пор. И я могла бы столько узнать, ведь очень многое там иначе...

Попутно мне представилось, как папа отвозил бы меня в аэропорт — очень довольный, потому что у него нет больше долгов. О, как он этим гордится! И прекрасно, потому что теперь настроение у него заметно улучшилось. Он даже насвистывает песенку. Впрочем, лучше бы папа этого не делал, потому что он ужасно фальшивит. Но мне даже это нравится, раз у него хорошее настроение.

Через некоторое время я снова открыла глаза.

- Ну как? тут же поинтересовался Мани.
- Здорово! сообщила я. Мне очень понравилось. Но я так и не понимаю, чем это может помочь.
- Вспомни об электричестве, сказал Мани. Ты и не должна этого понимать. Ты должна только знать, что это действует. И, честно говоря, я тоже не могу этого объяснить. Одна мудрая чайка однажды сказала: «Перед тем, как улетать, ты должен себе представить, что уже достиг цели путешествия». Ты должна вообразить, что у тебя уже есть то, чего хочешь. Тогда несильное желание превратится в потребность. И со временем желание поехать в Сан-Франциско будет становиться все сильнее. Чем чаще ты станешь визуализировать, тем сильнее будет твое желание. Тогда ты начнешь искать способы его исполнения. И знаешь, Кира, возможностей для этого достаточно. Но ты увидишь их только тогда, когда у тебя появится настоятельная потребность. А потребность появится, если ты будешь визуализировать.
- Вероятно, ты прав, задумчиво ответила я. Я никогда всерьез не занималась тем, чтобы поехать в Сан-Франциско. Лишь однажды я осторожно заговорила об этом с мамой. И она сразу же ответила, что об этом и думать нечего. И с тех пор я не думала об этом всерьез. А теперь мне вдруг захотелось большего. Мани удовлетворенно проворчал:
 - Это вообще-то стоит парочки хороших галет.

Я спохватилась, что с тех пор, как Мани взялся меня учить, я перестала обращаться с ним как с собакой. Это следует немедленно исправить. Я поспешно протянула ему галеты, которые он с удовольствием проглотил.

Неожиданно появилось столько таинственного, и мне хотелось его так о многом спросить. Но Мани ведь предупреждал, что будет говорить только о деньгах, поэтому свои вопросы я оставила при себе. Но один из них мучил меня так, что ответ был мне просто необходим. И я решилась:

— Мани, а откуда ты все это знаешь?

Мани развеселился:

- Да просто собаки очень умны.
- Ax, да, ответила я. A как же насчет боксеров и пуделей?
- Я одно время жил у очень богатого человека, засмеялся Мани. Но сейчас я не хочу об этом говорить. Когда-нибудь ты все узнаешь. Всему свое время. А теперь пора возвращаться домой, уже довольно поздно.

Мани был прав, подошло время ужина. Мы побежали домой. Но голода я почти не чувствовала, да и мысли мои были далеко. Мама озабоченно смотрела на меня:

– Кира, что-то случилось?

Я только вздохнула в ответ. Ведь я не имела права ни о чем рассказывать. И при этом мне надо было о многом подумать.

Наконец ужин закончился, я смогла отправиться в свою комнату и тут же взялась за дело. Нужен был альбом для фотографий. Я нашла старый поэтический альбом — он вполне сгодится. Теперь нужно было наклеить в него фотографии компьютера и виды Калифорнии. Удивительно, я не могла найти ни одной фотографии, ни одного рекламного проспекта, ничего. Ну конечно, ведь даже я сама не принимала свои мечты всерьез. Что ж, проспекты я раздобуду завтра же. А сейчас можно заняться копилками.

Я разыскала коробку из-под конфет, проделала в ее крышке продолговатое отверстие, какие бывают в свинье-копилке, и вывела фломастером большими буквами «КОМПЬЮТЕР». Потом я плотно заклеила коробку скотчем. А как только найдется особенно красивая фотография компьютера, я приклею на коробку и ее. Если снимок будет достаточно большим, им можно заклеить всю крышку. И тогда коробка будет выглядеть совсем как портативный компьютер— с прорезью для монеток. Идея мне понравилась. Затем я взяла старый ящичек из-под папиных сигар и написала на нем «САН-ФРАНЦИСКО».

Ну вот, копилки у меня есть. Но что я могу в них положить? Мне дают всего десять евро в месяц. На них можно купить разве что один компакт-диск. Я задумалась. Если положить в каждую копилку, например, по два с половиной евро, денег на компакт у меня не останется. Решение далось нелегко. Но в конце концов я рассудила так: или я через некоторое время смогу купить сразу несколько дисков, или же я достигну своих более значительных целей. Пожалуй, лучше, если я буду покупать диски только раз в два или три месяца. Тогда я смогу экономить половину моих карманных денег. Эта мысль нравилась мне все больше. В итоге я положила в каждую копилку по два с половиной евро.

Я гордо смотрела на копилки. Внезапно они показались мне огромными. Нет-нет, все непременно получится. Я чувствовала себя просто замечательно.

Я легла в постель, но была слишком взволнована, чтобы уснуть.

Я сегодня многому научилась. И какой увлекательной стала вдруг моя жизнь! И уж точно, ни у кого нет такой замечательной собаки.

В ту ночь мне приснились Мани, Америка и компьютер.

Дэрил – мальчик, который много zapadamыbaem

Кира, вставать пора! — раздался мамин голос.

Я бы проспала, если бы мама меня не разбудила. Мне кажется, иногда людям хочется поспать подольше специально для того, чтобы досмотреть свои сны.

Я потянулась в кровати. Мама раздвинула занавески и впустила в комнату утро. Она осуждающе смотрела на беспорядок в моей комнате. Ее взгляд упал на мои копилки мечты. Одну за другой мама взяла их в руки и нахмурилась, прочитав надписи «КОМПЬЮТЕР» и «САН-ФРАНЦИСКО».

- Что это за бредовая идея? спросила она. Меня бросило в жар.
- Ты же знаешь, что я бы хотела поехать в США по программе обмена. Кроме того, я подумала, что на компьютере смогу лучше делать домашние задания. Но для всего этого мне нужно экономить.

Мама ошеломленно смотрела на меня. Она все еще держала по копилке в каждой руке. Теперь она потрясла копилки. Монеты, лежавшие в них, загремели.

Внутри и в самом деле деньги, — удивилась мама. — Сколько же там?

Разговор мне совсем не нравился.

- По два с половиной евро, пробормотала я.
- Так-так, два с половиной евро на компьютер и два с половиной евро на поездку в Америку. В таком случае это продлится недолго, мама усмехнулась. Если на поездку нужно две с половиной тысячи евро, то... она начала считать в уме, что получалось у нее не очень быстро, то ты сможешь полететь туда через пятьдесят лет! справившись со счетом, захохотала она.

Ненавижу, когда мама смеется надо мной. Я показалась себе такой глупой, что даже подступили слезы. Но чтобы мама увидела меня плачущей? Я сдерживалась изо всех сил, но все равно заплакала, отчего только еще сильнее рассердилась.

Мама вышла из комнаты и позвала отца:

- Георг, наша дочь, оказывается, финансовый гений, и она скоро полетит в Сан-Франциско! Ха-ха-ха! Я потеряла самообладание, высунулась в коридор и крикнула:
- И полечу, вот увидите. Причем, точно на будущий год, в летние каникулы. И даже открытки вам не напишу! А вы можете оставаться со своими долгами. Я, во всяком случае, помогать вам не стану!

Я захлопнула свою дверь, бросилась на кровать и горько заплакала. Я злилась на себя саму. Лучше было промолчать. Охотнее всего я бы растоптала свои копилки. Смешно! Конечно, из этого ничего не получится. После школы я собиралась первым делом сказать Мани, как глупа вся эта затея. В Америку, когда я стану уже бабушкой.

Замечательно!

В школе тоже выдался не лучший день. Я никак не могла сосредоточиться. Хорошо еще, что в тот день не было контрольной. Мне бы ни за что не справиться. Я даже не разговаривала с Моникой, хотя мы дружим и сидим за одной партой. Я сидела неподвижно,

На перемене я быстрыми шагами вышла во двор. Мне хотелось остаться одной. Но Моника побежала следом и догнала меня. Она казалась обиженной.

- Что с тобой случилось? Ты больна или что-то потеряла, или проблемы с родителями? Не волнуйся, все уладится. Или объявился хозяин Мани?
- Ничего подобного, прервала я Монику, иначе она бы целую вечность продолжала задавать вопросы.

Она вообще очень много разговаривает. Слишком много. И она не умеет хранить секреты. Поэтому Ясон, наш староста, всегда говорит, что тот, кто чтото сообщает Монике, мог бы с таким же успехом напечатать это в газете.

Но Моника продолжала расспрашивать. Как и все болтуны, она была любопытна. Я поняла, что она не оставит меня в покое, и принялась размышлять, что бы можно было ей сказать, не подвергая опасности Мани. И решила в конце концов рассказать ей про мои копилки мечты и про то, что мама меня высмеяла. Свой рассказ я закончила следующими словами:

— Теперь мне обязательно нужно много денег, причем поскорее.

Моника непонимающе смотрела на меня:

- Ну, так попроси у бабушки с дедушкой, они обязательно дадут тебе денег. Я бы так и сделала.
- Моника, моим бабушке с дедушкой самим-то едва хватает на жизнь, ответила я.

Родители Моники были богаты, а о моей семье этого никак нельзя было сказать.

- Тогда обратись к своим тетушкам и дядюшкам, предложила она.
- Ты действуешь мне на нервы, заявила я. Наша семья совсем не богата. У меня почти нет шансов получить деньги.
- Я допускаю, что тебе не у кого попросить денег. Но одно я знаю точно: ты слишком быстро готова сдаться. Ты и не пытаешься ничего сделать. И вообще ты всегда сначала думаешь о том, почему ничего не получится. Ничего поэтому и не получается.

Нечто похожее говорил мне и Мани. Наверное, в этом есть частица правды.

Да, Монику во многом можно было обвинить, но она и на самом деле никогда не сдавалась. Она не была особенно талантливой ученицей, но всегда ей удавалось как-то справляться с контрольными. А ведь она, действительно, была не самой умной.

Перемена закончилась, и мы вернулись в класс. Я про себя решила не быть такой враждебной.

Наконец уроки остались позади. Я побежала домой, торопливо проглотила обед, взяла Мани на поводок и помчалась с ним в лес. Я едва дождалась, чтобы мы добрались до нашего укрытия. И тут из меня полидось:

— С твоими идеями у меня только одни неприятности. Мама нашла копилки и посмеялась надо мной. Она подсчитала, что мне пона- добится пятьдесят лет, чтобы собрать деньги на поездку в Америку.

Но тогда я буду уже бабушкой.

Мани слушал молча, опустив голову. Он казался грустным. Наконец, он тихо спросил:

- Ты действительно хочешь в Америку? И компьютер ты тоже хочешь?
- Конечно, решительно ответила я. Удивляясь самой себе, я поняла, что благодаря визуализации, копилкам и наполовину готовому альбому мечты я теперь хочу этого по-настоящему.
- Хорошо, внимательно посмотрел на меня Мани. Это и есть самое главное. Речь не о том, знаешь ли ты уже, как это получить. Куда важнее, что ты этого действительно хочешь. Иначе ты сдашься при первых же трудностях.

Да, это так. Случай с мамой только придал мне настойчивости. Я хотела добиться своего.

- Я никогда и не говорил, что это будет легко, продолжал Мани.
- Конечно. Но уж от мамы-то я этого никак не ожидала, — простонала я.
- То, что причиняет нам боль, всегда приходит с самой неожиданной стороны, объяснил пес. А теперь нам следует подумать, как собрать нужную сумму прежде, чем ты станешь бабушкой.
- Это безнадежно, возразила я. Я уже говорила об этом с Моникой. У меня нет богатых родственников, у которых я могла бы попросить денег. Я просто в отчаянии.

Мани сердито поскреб лапой по земле:

— Не думай о том, чего сделать нельзя. Ты можешь работать, чтобы зарабатывать деньги.

Я ужасно злилась на себя. Я ведь хотела отучиться видеть во всем в первую очередь негативную сторону. Но как я, двенадцатилетняя девчонка, смогу зарабатывать? Впрочем, одна идея у меня была.

— Я бы могла, наверное, регулярно стричь нашу лужайку. За это я бы получала несколько евро.

Мани был не в восторге:

- Но ведь ты тоже живешь в этом доме и тоже пользуешься садом. Само собой разумеется, что ты должна помогать. И требовать за это у родителей денег ты не можешь. Кстати, твои родители очень много делают для тебя и не требуют за это платы.
- Ну, и как же мне в таком случае зарабатывать?
 поинтересовалась я.
- Нет ничего легче, ответил Мани. Позже я расскажу тебе увлекательную историю об одном мальчике его зовут Дэрил. К семнадцати годам он успел уже заработать не один миллион, хотя вообще-то он совершенно обыкновенный мальчик. Но сначала я хочу сказать тебе что-то очень важное. Зарабатываешь ты деньги или нет, зависит в первую очередь не от того, есть ли у тебя хорошие идеи. И не от того, насколько ты хороша. Это зависит от того, насколько ты уверена в себе.
- Насколько я уверена в себе? передразнила я Мани. Но какая тут связь с умением зарабатывать?

Мани с достоинством поднялся, подчеркнув этим, что речь идет об очень важных вещах:

— От твоей уверенности в себе зависит, считаешь ли ты себя на что-то способной. Веришь ли ты в себя. Если ты в себя не веришь, то ничего и не начнешь. А если не начинать, то ничего и не произойдет.

Я не была уверена, что правильно его поняла. Но тут мне пришло в голову одно воспоминание. Недав-

45)

но я забыла подготовиться к контрольной работе. Наутро в школе одноклассники рассказывали мне о предстоящей работе. Я знала, что умею быстро усва-ивать новое.

Поэтому я сбежала с двух первых уроков по искусству, устроилась на скамеечке во дворе школы и занялась подготовкой к контрольной. В результате я написала ее на «удовлетворительно». Если бы я не была уверена в себе, то даже и не пыталась бы в тот день что-то выучить.

— Прекрасно, — обрадовался Мани. — Именно это и есть уверенность в себе.

Я опять успела забыть, что он умеет читать мои мысли.

- Не думаю, задумчиво произнесла я, что я так уж сильно уверена в себе.
- Верно, подтвердил Мани. Но это легко поправимо. Хочешь узнать, как?
 - Конечно!
- Я объясню. Возьми чистую тетрадь или дневник и назови ее «журналом успеха». И записывай в эту тетрадь все, что тебе хорошо удалось. Лучше всего, если ты будешь каждый день делать в твоем журнале успеха не менее пяти записей. Кстати, это могут быть и совсем маленькие дела. Поначалу тебе будет нелегко. Ты будешь спрашивать себя, можно ли то или это считать действительно успехом. В таком случае нужно всегда принимать решение «за». Лучше, чтобы у тебя был излишек уверенности в себе, чем страдать от ее недостатка.

Мани на мгновение задумался, а потом продолжил:

— И лучше всего начать немедленно. А мы встретимся позже, после ужина. И тогда я расскажу тебе историю про Дэрила. Я предпочла бы услышать историю про Дэрила сейчас же. Но я все больше доверяла Мани. Похоже, он хорошо знал, что делает. Поэтому я согласилась, и мы отправились обратно.

Дома я сразу же пошла в свою комнату, взяла старую школьную тетрадку по химии и вырвала из нее немногие исписанные страницы. Потом я наклеила на обложку аккуратную надпись: «Журнал успеха».

Раскрыв тетрадь, я поставила на первой странице сегодняшнее число и собралась было уже писать. Но что же мне вчера удалось хорошо сделать? Я уставилась в пустую страницу. Очень долго мне ничего не приходило в голову. Кроме того, быть может, что я подготовила свои копилки мечты. Но, с другой стороны, я вовсе не была уверена, что из этих копилок будет какой-то толк. Стоит ли в таком случае писать об этом?

Потом я вспомнила, что говорил Мани: «Сначала ты часто будешь сомневаться, записывать что-то или нет. В таком случае всегда принимай решение «за».

Поэтому я просто начала писать:

- 1. Смастерила две копилки мечты. Я сделала это, хотя и не совсем уверена, поможет ли это. Но если бы я этого не сделала, то уж точно бы не помогло.
- 2. В каждую копилку положила по два с половиной евро.
 - 3. Начала альбом мечты.
 - 4. Сегодня начала делать записи в журнале успеха.
 - 5. Решила зарабатывать много денег.
 - 6. Решила не славаться.

7. Больше узнать о деньгах и о том, как их зарабатывать.

Просмотрев еще раз свои записи, я вдруг почувствовала ужасную гордость. Немного есть детей, которые делают что-нибудь подобное, это точно. Я даже показалась самой себе чуть-чуть жутковатой. Впрочем, наверное, все необычные люди кажутся немного сумасшедшими.

Тем временем пора было браться за уроки, потом мы ужинали, апосле этого мы с Мани отправились, наконец, в лес. Стояло лето, и до темноты было еще далеко. Маме не понравилось, что я вечером ухожу в лес, но ведь мне нужно было без помех поговорить с Мани.

Первым делом я гордо сообщила ему, что и в самом деле нашла для журнала успеха целых пять дел, которые мне удались. Мани был доволен.

Я же не могла дождаться, когда Мани начнет свой рассказ про Дэрила.

Он не стал долго держать меня в напряжении и приступил к повествованию:

— Дэрил однажды сам рассказал свою историю, а я при этом присутствовал. Началось с того, что однажды, когда ему было восемь лет, он захотел пойти в кино. Поскольку денег у него не было, перед ним встал вопрос: попросить денег у родителей или заработать их самому? И он решил заработать. Он приготовил лимонад и встал на перекрестке, чтобы продавать его прохожим. К сожалению, стоял холодный зимний день, и лимонад никто не покупал — за исключением двух человек: его матери и его отца.

Вскоре у мальчика появилась возможность поговорить с неким весьма преуспевающим бизнесменом. Когда Дэрил рассказал о своей неудаче, бизнесмен дал ему два очень важных совета:

— В первую очередь думай о том, как решить проблемы других людей. Тогда ты сможешь зарабатывать много денег. И, во-вторых, всегда сосредоточивайся на том, что ты знаешь, можешь и что у тебя есть.

Это были очень важные советы. Ведь есть столько вещей, которые маленький восьмилетний мальчик еще не может делать. И вот он шел по улице и размышлял о том, какие проблемы могут быть у людей и что он мог бы сделать, чтобы решить эти проблемы.

Это было совсем не просто. Ничего подходящего не приходило ему в голову. Но однажды его отец невольно натолкнул Дэрила на правильную мысль. За завтраком он попросил сына принести ему газету. А надо сказать, что в Америке почтальоны кладут газеты в ящик, укрепленный на заборе перед домом. И если кто-то хочет завтракать в уютном купальном халате и при этом читать газету, он должен сначала выйти из теплого дома на холод и достать свою газету из ящика.

Иногда надо пройти всего двадцать-тридцать метров, но под дождем или на ветру и это достаточно неприятно.

Пока Дэрил нес отцу газету, у него появилась идея. В тот же день он предложил своим соседям, что всего за один доллар в месяц будет каждое утро вынимать газеты из ящика и подсовывать их под дверь дома. Очень многие согласились. Вскоре у Дэрила было уже более семидесяти клиентов. Когда прошел месяц и он собрал свой первый заработок, мальчик ощутил себя на седьмом небе.

Он был счастлив, но не вполне удовлетворен, и принялся искать другие возможности заработка. Теперь он вошел во вкус, и долго искать ему не пришлось. Он предложил своим клиентам ставить мешки с мусором перед дверями. Дэрил каждое утро относил их к мусорным бакам — еще по доллару в месяц. Он заботился о домашних животных, поливал комнатные растения, присматривал за домом, если хозяева уезжали. Но никогда он не договаривался, чтобы ему платили за проработанное время, а только за проделанную работу. Так ему удавалось заработать гораздо больше.

В девять лет он научился обращаться с отцовским компьютером, писать «рекламу». И еще он начал записывать все приходившие ему в голову мысли о том, как дети могут зарабатывать деньги. А поскольку у него появлялись все новые и новые идеи, вскоре у Дэрила собралась солидная коллекция. Мама помогала ему вести учет, чтобы он знал, когда, с кого и сколько денег следует получить.

Дэрил привлек к делу и других детей в качестве помощников. За это они получали половину того, что платили самому Дэрилу. Вскоре у него в кармане было достаточно денег.

На мальчика обратил внимание один издатель и уговорил его написать книгу под названием «250 советов, как дети могут зарабатывать». Книга получила большой успех. Так Дэрил в двенадцать лет стал автором бестселлера.

Его заметили на телевидении и стали приглашать на многочисленные детские шоу. Оказалось, что на экране мальчик выглядит очень естественно и нравится зрителям. В пятнадцать лет он стал ведущим собственного шоу. Теперь он и в самом деле невероятно много зарабатывал благодаря телевизионным гонорарам и рекламе.

К семнадцати годам у Дэрила было уже несколько миллионов долларов.

Свой рассказ Мани закончил вопросом:

— Как ты думаешь, Кира, что и какой момент имели решающее значение в его истории?

Я еще находилась под впечатлением рассказанного и хотела ответить, что решающим был успех Дэрила на телевидении. Но без своей книги он не попал бы на телевидение. А без своего умения зарабатывать деньги он не написал бы книги...

Мани прервал мои мысли:

- Правильно, все началось с того, что Дэрил сконцентрировался на том, что он может, знает и что у него есть. И этого оказалось вполне достаточно, чтобы он, ребенок, начал зарабатывать значительно больше, чем многие взрослые. Взрослые нередко всю жизнь концентрируются главным образом на том, чего они не могут, не знают и чего у них нет.
- Значит, это снова вопрос веры в себя, догадалась я. Но получится ли так здесь? В Америке детям, конечно, все дается намного легче.

Мани громко залаял. Я испугалась, ведь он почти никогда не лает. Может, нам угрожает опасность? Но ничего необычного видно не было. И тут я вспомнила, что я только что сказала. Я чуть не откусила себе язык. Ведь я опять сделала как раз то, чего не должна была делать: сосредоточилась на том, чего не могла и чего у меня не было. Я-то ведь живу не в Америке. Но и здесь наверняка найдутся возможности.

Мани довольно проворчал:

— Отлично! Теперь мы оба заработали по галете. Я живо полезла в карман и дала псу галету, которую он с аппетитом съел.

А я внезапно приободрилась. Обязательно найдется способ, которым можно заработать. Я потрепала Мани по шее. Он казался очень довольным и даже замурлыкал по-кошачьи. Через несколько минут мы отправились домой.

Как моему кугену удается много zapadamыbamь

Этот разговор с Мани поверг меня в задумчивость. Я лежала в кровати и размышляла. Обязательно нужно найти способ зарабатывать деньги. Но как это устроить и с чего начинать? То, чего сумел добиться Дэрил, было чудесно. Но он, наверное, был исключением. Кроме того, в Америке все это куда проще, чем у нас. И он из тех мальчиков, которым родители очень многое позволяют. И наверное, я все-таки еще слишком маленькая...

Но тут мне снова вспомнилось, что говорил Мани об уверенности в себе. Если бы я больше верила в свои силы, мне было бы легче. Я чуть не попала в ту же западню, что и вчера. Поэтому я решила побыстрее снова взяться за журнал успеха. Две записи, которые можно сделать, пришли мне в голову сразу:

- 1. Я умею хорошо хранить секреты.
- 2. Я не сдалась после того, как мама меня высмеяла.

Я подумала несколько минут и вскоре вспомнила еще о некоторых своих успехах.

Записывая их, я продолжала думать о Дэриле и о том, знаю ли я кого-либо, похожего на него. Замечательно было бы поговорить с таким человеком.

Тут я вспомнила о моем двоюродном брате Марселе. Он старше меня на десять месяцев. Мы видимся всего один-два раза в год, но, насколько я знаю, у него всегда есть деньги. Правда, он очень противный, и с ним невозможно нормально играть. Но, надеюсь, он сможет мне сейчас помочь. Я тут же позвонила ему, хотя было уже довольно поздно. Мне повезло, он еще

Как только Марсель взял трубку, я выложила ему мою просьбу:

- Алло, Марсель, это Кира. Мне нужно поговорить с тобой, это очень важно. Я хочу на будущий год поехать в Сан-Франциско по программе обмена, а для этого нужно много денег. Мама с папой помочь мне не могут. Значит, нужно заработать самой.
- Нет ничего легче, засмеялся Марсель. Ну, ты меня и удивила. Я-то всегда думал, что ты дурочка, которая интересуется только куклами, и поэтому никогда не разговаривал с тобой всерьез. А ты задаешь такой здравый вопрос.

Больше всего мне хотелось положить трубку. Какая наглость! И это его заносчивое лягушачье лицо! С трудом мне удалось овладеть собой:

— Ты не очень-то вежлив. Но, может, ты все-таки поделишься со мной, как тебе удается зарабатывать деньги?

— Я думал, ты сразу положишь трубку и начнешь реветь, — провоцирующе ответил он. — Но ты, видимо, не такая нюня, как думал. Знаешь, зарабатывать деньги и в самом деле несложно.

Если бы он знал, как я старалась не заплакать! Но я не подала виду и спросила:

Несложно?

Марсель задорно прыснул:

- Заработать можно повсюду. Нужно лишь хорошенько посмотреть вокруг себя. — Он говорил точно так, как должен был, по-моему, говорить и Дэрил. Но я все еще сомневалась:
- Ну, Марсель, как ты думаешь, сколько из моих друзей хотело бы заработать? Но они ничего не могут найти.
- Значит, они плохо ищут. Или слишком много играют в куклы, возразил Марсель. Я начала сердиться. Если он еще раз напомнит мне о куклах... Но Марсель продолжал:
- Кира, ты когда-нибудь пробовала по-настоящему искать работу? Я имею в виду, пробовала ли ты весь день не думать ни о чем другом, кроме того, как можно было бы заработать?

Должна признаться, что я и одного часа не посвятила этим раздумьям. Честно говоря, я всегда очень быстро решала, что не смогу найти возможностей заработка. Пришлось ответить на его вопрос отрицательно.

- Вот видишь, продолжал Марсель. Потому ты ничего и не нашла. Кто не ищет, тот может найти только по счастливой случайности. И я скажу тебе, чем я зарабатываю: у меня своя собственная фирма.
- Но ведь тебе, как и мне, только двенадцать лет,удивленно воскликнула я.
- И все-таки у меня своя фирма. Я разношу булочки, и у меня уже четырнадцать клиентов.
- Тоже мне фирма, мне стало смешно. Ты вроде мальчишки разносчика газет. Только вместо газет ты разносишь булочки.
- Кукольные мозги, проворчал Марсель. Это совсем не так, как ты думаешь. Я разношу булочки только по воскресеньям. Тогда они стоят больше, чем в рабочие дни, и у большинства людей нет никакого желания отправляться с утра в булочную. Поэтому я предложил доставлять их заказы на дом. Наш пекарь очень симпатичный человек, и он подал мне хорошую идею. Он продает мне булочки по той же цене, что они стоят в рабочие дни. Поэтому на каждой булочке я зарабатываю примерно десять центов. Кроме того, за каждый заказ клиенты платят мне примерно семьдесят пять центов дорожных расходов. Я работаю в воскресенье не дольше, чем два-три часа, и зарабатываю в месяц более семидесяти евро.
- Семьдесят евро! Невероятно! в восторге воскликнула я.
- $\check{\Pi}$ это еще не все, горячился Марсель. Три раза в неделю после обеда я работаю в доме престарелых.
 - Где-где? я была совсем озадачена.
- В доме престарелых. Я хожу для стариков за покупками или гуляю с ними. Иногда мы просто беседуем или играем. За это я получаю от руководства пять евро в час. Получается еще от тридцати пяти до сорока пяти евро в неделю, то есть примерно сто пятьдесят евро в месяц.

— Это же получается больше двухсот евро в месяц. Здорово! — восхитилась я.

Потом добавила, подумав:

- Но у нас поблизости нет дома престарелых:
- И тебя не зовут Марсель, и ты всего лишь девчонка, поддразнил он меня. Ты должна поменьше думать о том, чего сделать все равно не можешь, и искать те возможности, которые есть.

Ну вот, опять. Нельзя забывать об истории Дэрила. Он концентрировался на том, что он знает, что может и что у него есть. А я сосредоточилась на доме престарелых, которого поблизости нет. Это было неразумно. И Мани все время говорил мне то же самое.

Марсель прервал мои мысли:

— Тебе следует подумать, что бы ты хотела делать. И о том, как этим можно заработать. Именно так я и придумал дело с булочками. Я очень люблю ездить на велосипеде. А теперь я этим и зарабатываю. Это удивительное чувство, просто замечательное. Кстати, я каждый день обзваниваю несколько человек и спрашиваю, не хотят ли они, чтобы и им привозили булочки на дом. Моя цель — чтобы у меня было пятьдесят клиентов. Тогда я стану зарабатывать более двухсот пятидесяти евро в месяц.

Да, это впечатляло. А какие возможности были у меня?

- Боюсь, я не смогу придумать ничего, что могла бы делать, вздохнула я.
- А чем ты любишь заниматься? спросил Марсель.
- Я люблю плавать и играть в кук...то есть, с кудлатыми собаками, поспешно сказала я.
- Вот и прекрасно, горячо воскликнул Марсель.И как же можно этим зарабатывать?
- Зарабатывать на собаках? наверное, это прозвучало довольно глупо.
- Кукольные мозги! крикнул Марсель. Ты ведь должна каждый день водить гулять твою собаку
- Я не должна, я просто делаю это с удовольствием, возразила я. И не называй меня кукольными
- По заслугам, заявил Марсель. Ведь ты могла бы одновременно водить гулять и другую собаку. И получать за это плату.

Мне это очень понравилось:

— Гениально. Ты умница, хотя у тебя и лягушачье лицо, — я поблагодарила его и повесила трубку. Теперь надо все хорошенько спланировать.

Я знала почти всех собак по соседству, и собаки меня тоже знали. И большинство их них мне очень нравилось. А зарабатывать деньгуляя с ними...

Множество мыслей проносилось в моей голове. Еще совсем недавно я считала, что все мои родственники бедны. Но с тех пор, как я сконцентрировалась на деньгах, мое мнение переменилось. Поэтому я и вспомнила о Марселе. Да,этот трюк с концентрацией производит сильное впечатление. И кто знает, куда это меня приведет. Я снова и снова думала о Дэриле. Заснула я очень поздно.

На следующий день в школе я продолжала обдумывать свои планы. По соседству с нами жил Наполеон, помесь овчарки, ротвейлера и еще чего-то. Его хозяин смахивал на волка. Но в последнее время с

Наполеоном гуляла жена хозяина и, по всей видимости, это не доставляло ей никакого удовольствия. Собака ее не очень слушалась, и стоило на минутку отвлечься, как пес убегал прочь. Может, дело в том, что женщина просто не умела правильно обращаться с собаками. А ее муж:, хозяин Наполеона, перенес недавно инсульт и теперь не мог много ходить.

Я решила поговорить с «волком» и его женой, хотя не знала даже, как их зовут.

Поэтому по дороге домой я сделала крюк и подошла к дому, где жил Наполеон. Но у ворот решимость покинула меня. Что я скажу? Какую плату могу я потребовать? Да и смогу ли я вообще заговорить о деньгах? Наверное, я бы просто убежала, если бы не Наполеон, дремавший в саду. Он узнал меня, подбежал к воротам и, по своей привычке, громко завыл.

Хозяин подошел к окну посмотреть, кто пришел, и спросил, что мне нужно. Это был удобный случай. Теперь или никогда. Я собрала все свое мужество и выпалила:

— Я бы очень хотела поехать в США по программе обмена и нуждаюсь для этого в деньгах. Я хочу их заработать. Я видела вашу жену. Мне кажется, она не очень охотно гуляет с Наполеоном. И я подумала, что могла бы каждый день выводить его. Как вы к этому относитесь?

Я никак не могла поднять глаза. Лицо мое горело. Он приветливо пригласил меня войти в дом:

- Я нахожу твою идею замечательной. Заходи, и мы обо всем спокойно поговорим.

Его жена впустила меня, и мы устроились на кухне. Сначала я не решалась даже посмотреть на «волка», так свирепо он выглядел. Поэтому меня обрадовало, что разговор начала его жена:

- Ты знаешь, для меня действительно слишком сложно каждый день по три раза гулять с Наполеоном. А если поблизости оказывается другая собака, то я просто не могу его удержать. А ты сможешь?
- Наполеон не уйдет от Мани, ответила я. А Мани будет с нами. Мы могли бы вместе проверить это.
- Я видел, как ты умеешь обращаться с собаками, вмешался в разговор старый хозяин. Думаю, никто не сможет делать это лучше тебя. Он повернулся к жене. Элла, мы можем быть абсолютно спокойны. У девочки природный талант в обращении с собаками. Думаю, она с ними чуть ли не разговаривает.

Я постаралась спрятать улыбку. Если бы он знал... Пока старик говорил с женой, я украдкой наблюдала за ним. Вблизи он оказался вовсе не страшным. Может, немножко таинственным. Как будто у него была полная приключений жизнь. Но при этом он выглядел очень добродушным. И очень мудрым.

Он повернулся ко мне:

- Мы хотим сначала представиться. Нас зовут Элла и Вальдемар Ханенкамп.
- А меня зовут Кира, Кира Клаусмюллер, представилась я в ответ.
- Очень приятно, барышня, господин Ханенкамп с достоинством кивнул. — Я хочу сделать тебе предложение: каждый день после обеда ты будешь гулять с Наполеоном и чистить его щеткой. Кроме того, ты научишь его быть послушнее, — он помолчал. — Сколько ты хочешь за свои услуги?

Я опять покраснела. Об этом я еще не думала. Старики выжидательно смотрели на меня. Что им ответить?

- Я, право, не знаю, тихонько сказала я.
- Тогда предложение сделаю я, сказал старик.
- Как ты отнесешься к одному евро в день?

Я принялась считать в уме. Вышло тридцать евро в месяц — в три раза больше, чем мои карманные деньги. Да это же целое состояние! Но хозяева неверно поняли мое молчание. Они решили, что я разочарована. Поэтому они сделали новое предложение:

- И еще ты будешь получать по десять евро за каждый трюк, которому научишь Наполеона.

На этот раз я поторопилась с ответом:

— Я считаю ваше предложение замечательным и очень рада ему. Вы оба очень милые.

Старики довольно переглянулись:

- Ну что ж, тогда ты можешь начинать прямо сегодня, с надеждой сказала хозяйка.
- Разумеется, ответила я и попрощалась. Ведь мама, наверное, давно уже ждала меня к обеду.

Как в тумане, бежала я домой. Как легко, оказывается, найти заработок, ликующе повторяла я про себя. Я сияла, как новенькая монетка, и радостно напевала вслух.

Оказавшись дома, я первым делом ласково обняла Мани и прошептала ему на ухо, что теперь начну зарабатывать деньги. Он торжественно протянул мне лапу. Видно было, что он очень рад.

Сразу после обеда я позвонила Марселю и рассказала ему о своей первой работе.

- Вот видишь, Кира, все-таки получилось, только и сказал он. Я была немножко разочарована, потому что ожидала похвалы. Но потом я обратила внимание, что он впервые назвал меня не «кукольным мозгами», а по имени. Это был добрый знак.
- Но я хочу напомнить тебе два важных правила. Во-первых, ты не должна ограничиваться только одной-единственной работой. Она может закончиться куда скорее, чем ты думаешь. Поэтому займись поисками дополнительной работы.

Это показалось мне преувеличенным, но я решила все-таки последовать совету кузена.

— Во-вторых, — продолжал Марсель, — у тебя обязательно появятся проблемы. Проблемы, на которые ты сейчас не рассчитываешь. Тогда и выяснится, нюня ты с кукольными мозгами или человек, достойный того, чтобы зарабатывать деньги. Ведь если все идет хорошо, зарабатывать может каждый. Но когда появляются трудности, тогда все становится ясно.

Я не представляла пока, что делать со вторым советом, но тем не менее вежливо поблагодарила и отправилась вместе с Мани за Наполеоном. Как я и думала, Наполеон оказался очень симпатичным псом. Он ужасно обрадовался, что может поиграть с Мани. Обе собаки азартно, до изнеможения гоняли мячик, который я принесла с собой.

Правда, когда поблизости оказывались другие собаки, я не могла удержать Наполеона. Поэтому я решила в ближайшие дни научить его садиться и ложиться по команде. А потом я научу его послушно ложиться, если рядом оказываются чужие собаки.

Вернувшись наконец домой, я обнаружила, что у нас гостья — моя тетя Эрна. Хотя она и жила всего в трид-

цати пяти километрах от нас, мы давно ее не видели. Она не приезжала с тех пор, как у нас появился Мани.

Когда мы здоровались, тетин взгляд упал на белого лабрадора. Мама объяснила, что собака сама пришла к нам и что мы так и не смогли найти ее владельца. Тетя Эрна, наморщив лоб, очень внимательно осмотрела Мани. Похоже, что-то было не так.

- Сколько времени собака живет у вас? спросила она, не сводя глаз с Мани.
 - Около девяти месяцев, ответила мама.
- Думаю, у меня есть для вас важная новость, очень серьезно сказала тетя Эрна. Я почти уверена, что знаю, чья это собака.
 - Это моя собака, поспешила заявить я.
- Нет, она принадлежит человеку, который живет недалеко от нас, настаивала тетя.

Я почувствовала страх.

- Но теперь он наш, раз он так долго живет у нас,
 упрямо крикнула я.
- Не кричи на тетю Эрну, мама строго посмотрела на меня. Что это за манеры?

У меня зашумело в голове, а в животе появилось какое-то неприятное чувство — паническое чувство собственного бессилия. Как будто издалека услышала я папин голос:

— Ну что ж, завтра мы поедем с Мани к этому человеку и все решим.

Я не хотела больше ничего знать и выбежала из комнаты. Мани последовал за мной. Оказавшись у себя, я заперла дверь и бросилась на кровать. Я плохо соображала, но одно знала совершенно точно:ни за что не соглашусь я отдать Мани. После всего, что с нами случилось, мы принадлежали друг другу. Уж лучше я убегу с ним из дому.

Мани положил голову мне на колени и смотрел мне в глаза. Ему не нужно было ничего говорить. Я все читала в его глазах. Он от меня не уйдет.

Прежний хозяин Мани

На следующий день мне не хотелось идти в школу. Я боялась, что, вернувшись домой, больше не застану Мани. Но папа пообещал, что возьмет меня с собой, когда поедет к соседу тети Эрны.

Моника уже успела привыкнуть, что я стала неразговорчивой. Но на третьем уроке я не смогла больше молчать о своих проблемах. Я сообщила ей, какую плохую новость привезла моя тетушка. Моника мне сочувствовала.

— Если тебе придется прятать Мани, то он может побыть у нас, — предложила она.

Я почувствовала огромное облегчение. И уверенность, что все кончится хорошо.

Но по дороге к тете Эрне мне было не по себе. Вместе с ней мы отправились к ее соседям и вскоре увидели большущую виллу, стоявшую посреди великолепного парка. Швейцар открыл ворота, и мы медленно подъехали к дому.

- Кто бы здесь ни жил, денег у него куры не клюют, удивился папа. А тетя Эрна пояснила:
- Господин Гольдштерн заработал огромное состояние на биржевой игре. Правда, я слышала, что он не так давно попал в аварию. Не знаю, вышел ли он уже из больницы.

Я сидела, обняв Мани, и желала только одного: чтобы господин Гольдштерн со всей своей виллой растворился в воздухе.

Дверь нам открыла предупрежденная швейцаром горничная в форменном платье. Выйдя из машины, тетя Эрна объяснила причину нашего приезда. И вскоре мы уже стояли перед господином Гольдштерном. Он был маленького роста, с очень симпатичным лицом. Я была готова заранее возненавидеть его. Но, к моему собственному удивлению, почувствовала к нему расположение. И он оказался очень умным. Он тут же понял, что я привязана к Мани больше других.

— Как же ты назвала нашего любимца? — приветливо спросил он меня.

Я была не в силах ответить, осознав вдруг, что раньше у Мани была другая кличка.

- Мани, ответил за меня папа.
- Хорошая кличка. Даже очень хорошая, обрадовался господин Гольдштерн. Она мне нравится больше, чем его старая. Давайте так его и будем называть.
- Я с восхищением смотрела на этого человека. Его слова пришлись мне по душе. Я тоже считала, что кличку Мани следует оставить.

Господин Гольдштерн привел нас в гостиную. Он рассказал, что ехал куда-то вместе с Мани и в нескольких километрах от дома попал в аварию, был тяжело ранен и потерял сознание. В себя он пришел уже в больнице. С тех пор он своей собаки не видел. Он пролежал в больнице несколько месяцев, а поиски, которые проводились по его поручению, не дали никаких результатов.

— Мани, наверное, попытался вернуться домой. При этом на него напала другая собака, и он, раненый, пришел к нам в сад, — я рассказала все, что знала о Мани. И о том, как он чуть не утонул.

Промолчала я только об одном — о том, что Мани умеет разговаривать. Хотя у меня и было чувство, что господину Гольдштерну можно доверять, но осторожность никогда не повредит...

Господин Гольдштерн встал с кресла и подошел комне. Только теперь я заметила, что ходить ему было очень трудно. Наверное, это было следствием той аварии. Он взял меня за руки и благодарно посмотрел на меня:

— Я так рад, что ты нашла нашего любимца. И я знаю, что ему с тобой хорошо. У меня будто камень свалился с души.

Я покраснела:

- Я очень, очень люблю Мани, смущенно пробормотала я.
- Я это почувствовал и очень этому обрадовался, сказал он. Мне предстоит еще долгое лечение. Скоро я должен вновь на месяц лечь в больницу. И я был бы очень рад, если бы ты и дальше заботилась о Б... то есть, я хочу сказать, о Мани. Само собой разумеется, я оплачу все расходы.

Мое сердце забилось от радости. Мани может остаться со мной! Потом мне стало жаль этого человека.

- Вам, конечно, ужасно не хватало Мани, правда?спросила я.
- Разумеется, вздохнул господин Гольдштерн.
 Поэтому я хочу попросить тебя об одолжении.

Не сможешь ли ты раз в неделю приходить вместе с Мани ко мне в больницу? Мой шофер будет привозить вас и отвозить обратно домой.

- С удовольствием, быстро ответила я. Мне действительно хотелось сделать ему одолжение. Кроме того, он мне все больше нравился.
- Согласны ли вы, повернулся господин Гольдштерн к папе, чтобы собака осталась у вас и чтобы Кира вместе с Мани раз в неделю навещала меня? Конечно, я возмещу вам все расходы. Я имею в виду и те затраты, которые вы уже понесли, и те, что еще предстоят.

Папа пытался возразить, что в этом нет необходимости, но господин Гольдштерн энергично настоял на своем. Я отметила про себя, как быстро он завоевал авторитет. Приятно было думать о том, что раз в неделю я смогу его навещать. Он был так не похож на всех, кого я знала. Внезапно мы заметили, что господин Гольдштерн выглядит очень усталым. Наверное, разговор потребовал от него большего напряжения, чем нам вначале казалось.

Тетя Эрна предложила нам отправляться домой. Господин Гольдштерн выслушал эти слова с благодарностью. Мани ненадолго осторожно положил голову ему на колени. Пес чувствовал, что господин Гольдштерн был очень слаб. Хозяин позвонил. Горничная появилась мгновенно. Мы распрощались, и она проводила нас до дверей.

Мы высадили тетю Эрну у дверей ее квартиры и отправились домой. Пока папа рассказывал маме обо всем, что произошло, мы с Мани отправились в лес. Мне нужно было о многом его спросить. Наконец мы добрались до нашего убежища. Я раздвинула ветви перед входом, и мы проползли по узкому проходу под кустами на полянку.

Когда мы оказались там, я услыхала голос Мани:

- Я рад, что вы с господином Гольдштерном понравились друг другу. Он замечательный человек, и я от него многому научился.

Я удивилась, так как никогда не думала, что Мани тоже когда-то приходилось учиться. Ну, ясно. Он же не родился сразу таким умным.

- А почему ты никогда не рассказывал мне о господине Гольдштерне? спросила я.
- Мы же решили говорить только о деньгах, возразил Мани.
- Но ты же, наверное, скучал по нему? ревниво спросила я.
- Во время аварии я подумал, что мой хозяин умер, объяснил Мани. Все было в крови, и он лежал абсолютно неподвижно. Да и я был совершенно оглушен. Я забрался в кусты и потерял сознание. Должно быть, я долго спал. А когда проснулся, ни машины, ни хозяина уже не было. Я не надеялся его еще когда-нибудь увидеть.

Теперь мне кое-что стало понятно.

А Мани продолжал:

— Ну, а теперь мы опять будем говорить о деньгах и ни о чем другом. Если ты хочешь узнать еще чтонибудь, спросишь у моего хозяина, когда мы в следующий раз навестим его.

Мне было на сей раз вовсе не до денег. Ведь произошло столько интересного. И мне хотелось воспользоваться удобным случаем и спросить Мани, как получилось, что он, в отличие от других собак, сохранил дар речи.

Но Мани очень решительно заявил:

- Мы хотим позаботиться о том, чтобы у твоих родителей было не так много финансовых проблем. Но сначала давай повторим то, о чем мы уже говорили раньше. Как идут дела с твоим альбомом мечты?
 - Я покраснела:
- Я начала готовить его. Но не хватает подходящих фотографий компьютера и Сан-Франциско. И для копилок мечты тоже. Я собиралась найти эти фотографии, но совсем забыла об этом. Мани критически посмотрел на меня и неумолимо продолжал:
- А ты визуализировала? И что с твоим журналом успеха? Ты вчера что-нибудь записала?
- Вчера у меня были совсем другие заботы, пробормотала я. Я так боялась тебя потерять. И не могла думать ни о чем другом.
- Это понятно, ответил Мани. Но именно эту ошибку делают

многие люди, которым не хватает денег. У них всегда оказывается такое множество срочных дел, что никак не находится времени заняться делами важными

- Я этого не понимаю. Что может быть важнее, чем вопрос, останешься ли ты со мной?
- Я же сказал, что понимаю тебя, ответил Мани. Но что ты делала до того, как приехала твоя тетя? Какую отговорку найдешь ты теперь?
- Я была так счастлива, что могу заработать столько денег, гуляя с Наполеоном, сказала я.

Мани серьезно смотрел на меня:

— По этому поводу я хочу сказать тебе три важные вещи. Во-первых, ты должна делать то, что намеревалась, даже тогда, когда у тебя проблемы. Ведь когда все в порядке, делать это может каждый. Но когда появляются настоящие проблемы, все становится ясно. Лишь немногим хватает последовательности, чтобы осуществить задуманное. А люди, заработавшие особенно большие деньги, оказывались способными работать лучше всего тогда, когда у них было больше всего проблем.

Я задумалась. Это я уже однажды слышала. Кто же это говорил?

Ах да, Марсель. С его загадочным вторым советом: «Если все идет хорошо, зарабатывать может каждый. Но когда становится трудно, тогда все становится ясно». Я поняла, что еще очень многому должна научиться.

Мани кивнул:

— Проблемы будут всегда. Но, несмотря на это, ты должна каждый день делать то, что важно для твоего будущего. Тебе потребуется всего десять минут. Но эти десять минут могут очень многое изменить. Большинство людей остается такими, как есть, потому что они не находят этих десяти минут. Они хотят, чтобы изменились обстоятельства. Но при этом не замечают, что сначала они сами должны измениться, — Мани помолчал. — Эти десять минут и нужны для того, чтобы изменить самого себя. Лучше всего, если ты торжественно и свято пообещаешь самой себе с сегодняшнего дня регулярно писать в журнале успеха и визуализировать. Причем, независимо от того, что происходит. Каждый день.

Я подняла в клятве правую руку. С этой минуты я буду каждый день писать в журнале успеха и визуализировать. Обязуюсь.

— Во-вторых, — продолжал Мани, — эти важные вещи ты должна делать и тогда, когда все идет прекрасно.

Я удивленно смотрела на него. Что он хотел этим сказать?

— Когда ты получила работу с Наполеоном, ты была так празднично настроена, что и не вспомнила ни о журнале, ни о копилке, ни об альбоме. Видишь ли, есть тысячи вещей, которые могут отвлечь человека. Поэтому ты должна назначить себе точное время дня, когда будешь заниматься этим.

Я задумалась. Это было не так-то просто. По вечерам я, пожалуй, уже слишком усталая. Днем всегда находится что-нибудь другое.

Значит, остается только утро. Но тогда мне придется раньше вставать...

— Не забывай, это всего десять минут, — Мани опять прочитал мои мысли.

Я согласилась, хотя знала, что это будет непросто. Я решила с завтрашнего дня вставать на десять минут раньше, быстро умываться, чтобы проснуться понастоящему, и садиться за журнал успеха.

— И еще кое-что, — немилосердно продолжал Мани. — Знаешь,

почему ты так и не нашла фотографий? — и сам же ответил: — Потому что ты не придерживалась правила трех суток.

- Правило трех суток? переспросила я.
- Это просто. Если ты решила что-то сделать, то делать это нужно в течение семидесяти двух часов. Иначе ты, скорее всего, никогда этого не сделаешь.

Я раздумывала. Правда ли это? Я за свою жизнь много раз хотела что-то сделать, да так и не сделала. С другой стороны, я многое сделала. Возможно, Мани и прав. А поскольку он, собственно говоря, всегда прав, я решила последовать его совету. Все, что решила, я буду делать в течение трех суток.

Долги: что мои родители делагот неправильно

Я вдруг подумала о Наполеоне. Проклятье, я совсем забыла о нем.

Я предложила Мани отправиться поскорее к дому супругов Ханенкамп и вывести Наполеона гулять. А о папиных долгах мы решили поговорить после ужина. Это, без сомнений, будет очень увлекательно. Все-таки одним из трех самых сильных моих желаний было помочь родителям избавиться от долгов. А Мани говорил, что это совсем не сложно. «Да, здорово было бы, если бы я смогла помочь маме и папе», — думала я, довольно усмехаясь. Мани шел рядом. Господин Ханенкамп уже ждал у окна. Наполеон, едва увидев меня, начал радостно повизгивать. Поприветствовав хозяев, я с обеими собаками отправилась в лес. Едва мы успели войти в него, как Наполеон, будто ужаленный, бросился прочь. Он увидел кролика и погнался за ним.

Я посвистела, призывая его обратно. Но Наполеон в пылу охоты не слышал никого и ничего. Он ви-

дел только кролика. Мне не оставалось ничего другого, как ждать. Я пообещала себе первым делом научить Наполеона слушаться команды.

Минут через десять он наконец вернулся. Половину дня мы посвятили занятиям. Я хвалила Наполеона за каждый успех и награждала его лакомствами. Мани выполнял каждую мою команду вместе с Наполеоном, подавал ему пример. Это очень помогало. Через несколько часов Наполеон уже хорошо усвоил команду «сидеть».

Я отвела его домой и гордо рассказала господам Ханенкамп, чему успела научиться их собака. Госпожа Ханенкамп никак не могла этому поверить. Радостно взволнованная, она всплескивала руками:

— Я уж думала, он вообще неисправим. Но он действительно выполняет команду «сидеть». Фантастика!

Господин Ханенкамп тоже довольно улыбался. Он был рад, что оказался прав в своих оценках. Ведь это он предложил, чтобы я занялась обучением Наполеона. Он торжественно вынул из кармана кошелек, достал из него десятиевровую купюру и передал ее мне.

Когда деньги оказались в моих руках, я почувствовала неловкость:

«Так много денег за такую небольшую работу. Да еще за работу, которая доставляет мне столько удовольствия», — думала я.

Господин Ханенкамп смотрел на меня разочарованно:

- Я-то думал, ты обрадуешься деньгам. А ты совсем не выглядишь довольной.
- Все получилось как-то слишком легко, смущенно ответила я.

Господин Ханенкамп громко расхохотался. В этот момент он выглядел по-настоящему устрашающе. Его лицо исказила гримаса. Но скоро он успокоился, начал улыбаться и тут же стал опять симпатичным старичком.

— Большинство людей думает, что работа непременно должна быть чем-то тяжелым и неприятным, — объяснил он. — Но добиться успеха человек может лишь тогда, когда делает то, что любит по-настоящему.

По моему выражению лица он заключил, что я его не совсем понимаю, и остановился выжидающе.

- Мама всегда говорит: «Сначала работа, а потом игра». А вы сейчас сказали совсем другое.
- Неужели ты никого не знаешь, кто зарабатывал бы деньги именно тем, что он делает с наибольшим удовольствием?

Я тут же вспомнила Марселя. Он любит кататься на велосипеде и развозит на нем свои булочки. Я рассказала о нем господину Ханенкампу. Старик согласно кивнул:

— Это хороший пример. Мне кажется, мальчик далеко пойдет. Я расскажу тебе как-нибудь о своей жизни. Я всегда делал то, что мненравилось. И именно этим я всегда зарабатывал деньги.

Я с любопытством смотрела на старика. Его лицо чем-то неуловимым напоминало книгу приключений. Наверное, он на самом деле много повидал и вел увлекательную жизнь.

Однако настало время прощаться. Мама уже ждала меня к столу.

На ужин было одно из моих любимых блюд — запеканка из лапши, а на сладкое — шоколадный пудинг. Но, несмотря на это, в мыслях я была далеко. И не удивительно, если вспомнить, сколько всего произошло за последнее время. Во всяком случае, в одном я была уверена: кто интересуется деньгами, тот ведет интересную жизнь и знакомится с интересными людьми.

Я быстро справилась с домашними заданиями, и мы с Мани отправились в лес, в наше убежище. Я сгорала от нетерпения, так мне хотелось поскорее узнать, как можно помочь моим родителям.

Правда, тут была одна трудность. Я почти ничего не знала о финансовом положении нашей семьи. Во всяком случае, ничего определенного. Я знала лишь, что денег нам не хватает. И родители часто говорят о том, что выплаты по кредиту слишком велики, что платить в срок почти невозможно. Все, что знала, я рассказала Мани.

— Мой прежний хозяин, господин Гольдштерн, — владелец фирмы, которая консультирует людей, как им лучше обращаться со своими деньгами, — многозначительно начал Мани. — Правда, господин Гольдштерн лично консультирует только очень богатых клиентов, но многие сотрудники его фирмы работают и с теми, у кого трудности с деньгами. Мне разрешалось заходить в любой кабинет на фирме, и я многое слышал. Люди, у которых есть долги, должны, в сущности, выполнять лишь четыре важных правила. И понять их очень просто. — Он перевел дыхание и продолжал: — Вот эти четыре правила.

Первое: тот, у кого есть долги, должен порвать свою кредитную карточку.

- Почему? удивленно спросила я.
- Потому что большинство людей, расплачивающихся с помощью кредитной карточки, тратит куда больше денег, чем тратили бы, если бы платили наличными.

Я решила про себя, что запишу эти правила, чтобы ничего не забыть.

А Мани продолжал:

- Второе правило звучит немножко странно для взрослых: они должны как можно меньше платить по кредитам. Такие платежи называются выплатами, или взносами. Чем выше взносы, тем меньше денег остается им на жизнь.
- Но почему мои родители должны платить такие высокие взносы? удивленно спросила я.

Да, Мани опять попал прямо в точку. Мама с папой всегда жаловались, что должны так много платить по кредиту.

— Это потому, что они надеялись сэкономить на процентах, — объяснил Мани. — Предположим, ты получила кредит в десять тысяч евро. Значит, ты должна уплатить в год шестьсот евро процентов. Кроме того, ты должна каждый год возвращать определенную часть от десяти тысяч. Это и есть взносы, или выплаты по кредиту. Взносы в один процент означают, что ты возвращаешь в год один процент от десяти тысяч евро, то есть, сто евро. Значит, ты должна уплатить шестьсот евро процентов плюс сто евро взносов. Всего семьсот евро. Как только ты вернула весь кредит, ты не должна больше выплачивать и проценты.

«Тогда понятно, что каждому хочется поскорее вернуть кредит, подумала я. — Иначе может получиться, что процентов придется уплатить больше, чем составляет сам кредит».

- На первый взгляд так и есть, согласился Мани. Кто договаривается, что будет возвращать в год один процент от суммы кредита, тому придется за все время заплатить в три раза больше денег по процентам, чем он взял в долг. Но чтобы быстрее вернуть кредит, нужно платить более высокие взносы. И многие люди договариваются с банком о таких высоких взносах, какие они только в состоянии заплатить. В результате они начинают испытывать недостаток денег в повседневной жизни. А многие недооценивают дороговизну жизни. И если потом приходится купить новый автомобиль или что-то в хозяйстве ломается и требует замены, им приходится брать новый кредит, чтобы заплатить за это.
- Ты хочешь сказать, что они выплачивают старый кредит за счет нового? изумилась я.
- Именно так, ответил Мани, и я увидела, как он рад тому, что я быстро все поняла.
- И что же теперь делать моим родителям? спросила я. Меня они вряд ли послушают.
- Может, тебе удастся уговорить их побеседовать с господином Гольдштерном. Он мог бы им помочь.
- A может, я смогу им помочь больше зарабатывать, задорно заявила я.
- Конечно, ты можешь это сделать. Но сначала они должны научиться обходиться теми деньгами, что у них есть теперь. Иначе большие деньги приведут лишь к большим проблемам. Ведь расходы обычно растут вместе с ростом доходов, если не научиться экономно тратить деньги. Но об этом мы еще поговорим.

Мани объяснил все очень понятно. И я записала в моем блокнотике:

- 1. Порвать кредитную карточку.
- 2. Договориться о самых низких взносах по кредиту, какие только возможны. Спросить господина Гольдштерна, поможет ли он моим родителям.

Мани терпеливо подождал, когда я закончу писать, и перешел к следующему пункту:

- Третье правило касается потребительских долгов. Это долги, которые не связаны с покупкой дома. Если деньги нужны на то, чтобы купить новый автомобиль, телевизор, мебель или просто на жизнь, это потребительские долги. В этом случае должнику следует соблюдать правило «пятьдесят на пятьдесят». Половину тех денег, что не нужны на повседневные расходы, нужно откладывать. Другую половину отдавать на выплату долгов.
- А бабушка всегда говорит, что долги нужно возвращать как можно скорее, вспомнила я. Значит, на это должны направляться все деньги, которые не нужны на жизнь.
- И чего ты достигнешь, вернув все долги? спросил Мани.
- Мама с папой всегда говорят, что тогда у них камень с плеч упадет, попробовала я объяснить.
- Они думают именно так, согласился Мани. Но на самом деле, выплатив долги, они останутся на нуле. А нуль это ничто. А ничто не может быть целью стремлений.

- A что же может быть целью? удивилась я.
- Поездка в Америку или компьютер это цель, терпеливо объяснил Мани. Или, например, сэкономить определенную сумму денег, которые не будут потрачены, это тоже цель.
- Но зачем же экономить деньги, если их потом не тратить? — я была совсем озадачена.
- Я объясню тебе это через несколько дней, утешил меня лабрадор. А сейчас вернемся к долгам. Итак, твои родители должны начать экономить. Незачем ждать того момента, когда они рассчитаются с долгами. Начинать можно немедленно. Только тогда они смогут осуществлять свои желания, не прибегая для этого к новым кредитам. И получат от этого куда больше удовольствия, потому что их совесть будет спокойна.
- Ты хочешь сказать, что им тоже следует завести копилку мечты?
- Это неплохая мысль, кивнул Мани. Кстати, все потребительские долги глупые долги. Гораздо разумнее тратить только те деньги, которые удалось отложить.

Мани очень хорошо все объяснил, и я записала:

- 3. Пятьдесят процентов денег экономить, а другие пятьдесят процентов использовать для погашения потребительских долгов. Лучше всего вообще не делать потребительских долгов.
- И последнее правило, глаза Мани весело блестели. Тому, у кого есть долги, следовало бы приклеить на свой кошелек бумажку с надписью: «ЭТО И В САМОМ ДЕЛЕ НУЖНО КУПИТЬ?» Тогда человек хотя бы возле кассы вспомнит, что не должен много тратить.
- Это касается всех, у кого нет такой собаки, как ты, рассмеялась я.

Мани завилял хвостом и лизнул меня в лицо. Я в ответ звонко шлепнула его. Потом я записала последний пункт:

4. ЭТО И В САМОМ ДЕЛЕ НУЖНО КУПИТЬ?

Ну что ж, я многое узнала о долгах. Но это было легко по сравнению с задачей научить всему и моих родителей. Хорошо, что Мани подал мне идею попросить господина Гольдштерна, чтобы он побеседовал с моими мамой и папой. Однако я еще недостаточно хорошо с ним знакома, чтобы обращаться с такой просьбой. Придется немного подождать.

Но одно я решила твердо: сама я никогда не буду делать таких долгов. Я буду сначала откладывать деньги, чтобы потом что-либо на них купить. Мне вовсе не хочется попадать в такое положение, в каком оказались мои родители.

У господина Тольдитерна

В следующие дни все шло как по маслу. Я вновь смогла как следует сконцентрироваться на школьных делах и продолжала тренировки с Наполеоном. К концу первой недели я получила от господина Ханенкампа семь евро — семь дней по одному евро в день. Кроме того, я получила тридцать евро за три команды, которым обучила Наполеона. Он умел теперь по приказу садиться, ложиться и давать лапу.

Я с гордостью пересчитала свои деньги — тридцать семь евро. Это была большая сумма. Но я больше не испытывала угрызений совести или досады. Ведь для господ Ханенкамп жизнь с Наполеоном стала намного легче.

Они были так мною довольны, что даже спросили, не соглашусь ли я гулять с их собакой и по утрам. За это мне предложили еще п одному евро в день. Я спросила родителей, и они разрешили.

Мани сказал, что у него есть замечательная идея, как мне использовать эти деньги. Поэтому, пока он не рассказал о своей идее, я бережно спрятала деньги между школьных тетрадок.

Но кое-что было еще увлекательнее, чем большие заработки. Сегодня шофер господина Гольдштерна должен приехать за мной и Мани. Я с нетерпением ждала возможности ближе познакомиться с богатым человеком.

Звонок прозвучал ровно в четверть четвертого, как и договаривались. Меня удивило, что шофером оказалась пожилая дама, приветливо мне улыбавшаяся, Мы сели в ожидавший нас «Роллс-Ройс». Я сказала, что всегда думала, будто шоферами могут быть только мужчины. Она засмеялась:

— Господин Гольдштерн необыкновенный человек, и он делает необыкновенные вещи. Ему все равно, как поступают все. Он делает то, что считает правильным.

Мне стало любопытно. Женщина-шофер как будто почувствовала это и продолжила:

- Он случайно услышал, как я говорила своей подруге, что у меня нет работы. И хотя он видел меня впервые, он все же спросил, могу ли я водить машину. Я, конечно, могла. Тогда он сказал: «Хорошо. Если хотите, то можете начать работать моим шофером. Я как раз ищу человека на эту должность». И это все, что он сказал. Мне даже не пришлось делать пробную поездку. Он умеет оценить человека с первого взгляда. При этом он слушается только своей интуиции. На меня рассказанное произвело большое впечатление.
- И вы не боитесь водить такую большую машину? спросила я.
- Видишь ли, ответила женщина-шофер, господин Гольдштерн научил меня, как укрепить уверенность в себе. Все, кто с ним работает, ведут журнал успеха.
- Я тоже, задорно сказала я. Теперь пришла очередь шофера удивляться. Я гордо поглаживала Мани. А он быстро лизнул меня в лицо. От этого его следует отучить, решила я.

Наконец мы подъехали к санаторию. Вообще-то мне не нравятся больницы. Но эта больше походила на курортную гостиницу. Вот что значит, когда у тебя есть много денег! Женщина-шофер отвела нас в палату господина Гольдштерна. Он сидел в кресле и находился, похоже, в прекрасном настроении. Мани, виляя хвостом, тут же прыгнул к нему и первым делом лизнул своего бывшего хозяина в лицо.

- Со мной он тоже так делает, сказала я.
 Я уже решила, что надо его от этого отучить.
- Я рад, что ты пришла, приветствовал меня господин Гольдштерн.
- И я тоже очень рада, искренне сказала я. Хотя и не могла бы сказать, чему именно радуюсь. Впрочем, я, конечно, надеялась узнать, каким же образом сохранился у Мани дар речи.

Через некоторое время он вновь обратился ко мне. Его интересовало все, что было как-то связано с Мани. Я рассказала, чем мы его кормим и как часто я вывожу его гулять. И о том, что мы гуляем вместе с Наполеоном, и что Мани помогает дрессировать его.

Господин Гольдштерн удовлетворенно кивнул:

- Я еще при первой встрече подумал, что ты, наверное, хорошо умеешь обращаться с животными. Ты можешь этим гордиться.
- Я даже собираюсь записать это завтра в мой журнал успеха, — вырвалось у меня.

Господин Гольдштерн очень удивился.

— Ты ведешь журнал успеха? Как же ты пришла к такой идее? — спросил он.

Я покраснела. Ну, что мне ему отвечать? Я ведь не могу рассказать, что Мани обладает даром речи и что это он многому меня научил.

Господин Гольдштерн почувствовал, что мне не по себе, и вопросительное выражение сразу исчезло с его пипа

- Мы вовсе не обязаны об этом говорить, заверил он меня.
- Нет-нет, поговорить об этом мне бы очень хотелось, заторопилась я. При этом я решила быть честной: Только я не могу вам сказать, кто подал мне эту идею.

К моему удивлению, господин Гольдштерн ни о чем не стал спрашивать:

У меня тоже есть свои секреты. Поэтому я хорошо понимаю, что они могут быть и у других.

Такой ответ мне очень понравился. Значит, этот взрослый и богатый человек принимал меня всерьез.

Господин Гольдштерн задумчиво смотрел на меня:

— Я все спрашиваю себя, чем ты отличаешься от большинства детей. Может, ты сама сумеешь определить?

Я задумалась на мгновение. До того, как у нас появился Мани, я мало что смогла бы сказать на эту тему. Я была совершенно «нормальным» ребенком, как все. Но теперь многое изменилось. Поэтому ответила я так:

— Я думаю не о том, о чем думают другие дети. Я хочу много зарабатывать, потому что мечтаю поехать в Калифорнию и купить себе компьютер, — и я рассказала господину Гольдштерну о моем списке из десяти желаний, о копилках мечты и альбоме мечты, о том, сколько я заработала за первую неделю с Наполеоном. Рассказала я и о денежных проблемах в нашей семье, и о Марселе.

Господин Гольдштерн слушал очень внимательно. Он вообще умел слушать. Когда я закончила, он поздравил меня:

- Кира, меня очень обрадовало все, что ты рассказала. И я уверен, что ты достигнешь своих целей. Только никому не позволяй сбить себя с дороги.
- Моя мама меня уже высмеяла, перебила я его и рассказала о том, как мама нашла мои копилки мечты и что из этого получилось.
- Над тобой многие будут смеяться. Но куда больше людей станут уважать тебя, успокоил меня гос-

подин Гольдштерн. — Кроме того, я не верю, чтобы твоя мама всерьез хотела тебя обидеть. Ей, наверное, все это показалось просто сумасшедшей и невыполнимой затеей. Но часто именно сумасшедших целей достигнуть оказывается легче, чем нормальных, маленьких целей. Если ты ставишь перед собой большие цели, понятно, что приходится приложить много усилий.

Мани во время нашего разговора убежал в парк и носился там по кустам.

- Мы совсем еще не говорили об одном важном вопросе, продолжал господин Гольдштерн. Ты уже довольно давно заботишься о Мани. Я охотно верну тебе все деньги, которые пришлось на него потратить.
- За его еду платила не я, а мои родители. Кроме того, я люблю Мани, возразила я.
- Я предлагаю вот что, не смутившись, продолжал господин Гольдштерн. Я выпишу чек для твоих родителей. Кроме того, ты однажды должна приехать ко мне вместе с ними. Может, я смогу поговорить с ними об их финансовой ситуации.

Я почувствовала огромное облегчение. Ведь я уже и сама прикидывала и так, и этак, как бы устроить консультацию у него для моих родителей, но до сих пор ничего путного придумать не смогла.

А господин Гольдштерн продолжал говорить:

— Конечно, ты тоже должна кое-что получить... Сейчас я подсчитаю. Ты очень долго, почти целый год, заботилась о Мани. Как ты отнесешься к тому, что я заплачу тебе по пять евро за каждый день?

Я почувствовала себя неловко.

- Я делала это, потому что сразу же полюбила Мани, а вовсе не для того, чтобы заработать на нем, рассерженно возразила я. Господин Гольдштерн рассмеялся. Но в его смехе не было ничего обидного для меня. Потом он объяснил:
- Знаешь, Кира, так думают очень многие люди, и я тоже когдато так думал. Но назови мне причину, почему ты не можешь зарабатывать деньги,делая то, что доставляет тебе удовольствие?

Нечто похожее я слышала уже много раз. Об этом говорили и Марсель, и господин Ханенкамп. И всетаки я не могла избавиться от чувства вины.

— Я хочу тебе что-то сказать, — вновь заговорил господин Гольдштерн. — Именно потому, что ты любишь нашего Мани, я хочу заплатить тебе по пять евро в день. Я знаю, что ему было хорошо у тебя и дальше будет не хуже. Ведь как раз настоящее чувство делает твою «работу» такой ценной.

Я еще не была полностью убеждена, но не смогла противостоять соблазну прикинуть, сколько же это получится — целый год по пять евро в день...

У меня дурацкая привычка качать головой и жмурить глаза, когда я считаю. Господин Гольдштерн рассмеялся, и я почувствовала себя застигнутой врасплох. Но потом он снова заговорил серьезно:

- Да,это большие деньги. Но у меня одно условие: половину этих денег ты должна не тратить, а отложить.
- Я отложу все деньги, пообещала я. Ведь я хочу в Сан-Франциско. Причем уже следующим летом.
- Нет, я имею в виду не это, возразил он. Деньги, предназначенные на поездку, ты ведь потратишь.

(55)

Это хорошо, для того ты их и собираешь. Но кроме того, тебе следует откладывать деньги, чтобы стать состоятельной. Ты должна откладывать часть денег, чтобы никогда больше их не тратить.

- Для чего же тогда нужны деньги, если их нельзя тратить?
- Чтобы ты могла жить за их счет, объяснил господин Гольдштерн. Я хочу рассказать тебе об этом сказку.

Я устроилась поудобнее. Кто же не любит слушать сказки? Тем временем вернулся Мани и тоже устроился рядом с нами. Он выглядел очень довольным. Видимо, ему нравилась тема нашей беседы.

— Жил-был когда-то крестьянин. Каждое утро он ходил в курятник, чтобы взять на завтрак яйцо, которое снесла его курица. Но однажды он нашел в гнезде не обычное яйцо, а золотое. Сначала он не мог в это поверить. Возможно, кто-то решил над ним зло подшутить. Но ювелир, которому он принес показать яйцо, подтвердил, что оно из чистого золота. Крестьянин выгодно продал яйцо и устроил большой праздник.

На следующее утро он пошел в курятник раньше, чем обычно. В гнезде опять лежало золотое яйцо. Так продолжалось несколько дней. Но крестьянин был жадным и хотел побыстрее разбогатеть. Он злился на свою курицу, потому что «глупая птица» не могла объяснить ему, как она умудряется нести золотые яйца. Ему казалось, что тогда он мог бы и сам нести золотые яйца. Тогда у него было бы каждый день по два яйца. И однажды крестьянин так сильно разозлился, что вбежал в курятник и зарезал свою курицу. Некому

стало нести золотые яйца. Мораль этой сказки такова: нельзя резать курицу, несущую золотые яйца.

Господин Гольдштерн замолк и откинулся на спинку кресла. Мне очень понравилась его сказка.

— Какой глупый крестьянин! — воскликнула я. — Теперь он больше не получит золотых яиц.

Господину Гольдштерну явно понравилась моя реакция. Мани тоже завилял хвостом.

- Значит, ты не стала бы себя так вести? спросил меня господин Гольдштерн.
 - Конечно, нет. Я же не дура.
- Тогда я объясню тебе, что значит эта история. Курица это твои деньги. Если ты их правильно поместишь, то будешь получать проценты. Проценты это золотые яйца.

Я сомневалась, что все поняла правильно. А господин Гольдштерн продолжал:

- Большинство людей вовсе не владеют такой «курицей» от рождения. То есть, у них не так много денег, чтобы можно было жить на проценты от них...
- Значит, чтобы жить на проценты, нужно очень, очень много денег, заметила я.
- Вообще-то для этого нужно куда меньше, чем ты, наверное, думаешь, сказал господин Гольдштерн. Если бы у тебя было всего двадцать пять тысяч евро и ты получала бы от них двенадцать процентов годовых, это составило бы три тысячи евро в год.
- Ух ты! крикнула я. Да ведь это двести пятьдесят евро в месяц! И мои двадцать пять тысяч евро вовсе и не нужно было бы трогать.
- Вот именно. Двадцать пять тысяч это твоя «курица», а ты ведь не хотела бы ее зарезать.

Мне все это очень понравилось. Мешало только одно: если я сейчас начну откладывать деньги, чтобы завести свою «курицу», я еще очень долго не смогу поехать в Калифорнию.

— Такое решение ты должна принять сама, — кивнул господин Гольдштерн. — Ты можешь в любой момент потерять терпение и потратить свои деньги. Можно полететь в Калифорнию, как только наберется полторы тысячи евро. Но это значит, что ты зарезала свою «курицу» еще цыпленком. А можно решить иначе: часть денег экономить. Тогда через некоторое время соберется достаточная сумма, чтобы на проценты от нее каждый год летать в Америку.

Это меня убедило. Но все равно мне очень хотелось будущим летом поехать в Калифорнию. И чтобы у меня была такая «курица» тоже хотелось. Я вздохнула:

- Так трудно выбрать между «курицей» и остальными моими желаниями!
- Но ты не должна отказываться ни от «курицы», ни от желаний. Можно добиться и того, и другого, засмеялся господин Гольдштерн. Предположим, ты зарабатываешь десять евро. Эти деньги можно разделить. Самую большую часть ты кладешь в банк. Еще часть отправляется в твои копилки мечты. Остальное можно тратить.

Да, это был выход. Я сразу начала придумывать, как лучше разделить эти десять евро. Задача оказалась непростой.

- А как разделить эти деньги лучше всего? спросила я господина Гольдштерна.
- Это зависит от того, каковы твои цели, сразу ответил он. Если ты будешь кормить свою «курицу» только десятью процентами, это уже избавит тебя от бедности. Но если ты хочешь, чтобы у тебя когданибудь было действительно много денег, откладывать следует больше. Я, например, откладываю для своей «курицы» пятьдесят процентов от всех моих доходов.

Я решила взять пример с господина Гольдштерна. Мне нравилось, как он жил. И у него, кажется, всегда хорошее настроение — несмотря даже на то, что временами его мучают сильные боли. Итак, я решила половиной всех моих денег кормить «курицу», сорок процентов откладывать в копилки мечты, а десять процентов тратить.

Господин Гольдштерн с гордостью смотрел на меня. Да мне и самой понравилось такое решение. Но один вопрос не давал мне покоя:

- Если всего десяти процентов достаточно, чтобы стать состоятельным, почему у такого количества людей есть денежные проблемы?
- Потому что они никогда не думали о том, что следует экономить, ответил он. И начинать нужно, пока человек еще совсем молод. Тогда это становится чем-то само собой разумеющимся. И тебе лучше всего сразу же начать делать все правильно. На следующей неделе зайди в банк и открой счет. А в следующий приезд я расскажу тебе, что делать дальше. И дам чек, по которому ты сможешь получить деньги. Ну, а теперь вам пора отправляться домой.
 - Пора ужинать, да и я немного устал.

Он и на самом деле выглядел усталым. Наверное, у него снова были боли. Я удивлялась тому, что он, несмотря на это, был в хорошем настроении и так тер-

пеливо все мне объяснял. Не удержавшись, я спросила его об этом.

— Чем больше я думаю о своей боли, тем сильнее она становится, — ответил он. — Говорить о своих неприятностях — это все равно что сыпать соль на рану. Я уже давным-давно отвык жаловаться.

Я искренне поблагодарила его за советы. Мани подошел к хозяину, чтобы тот погладил его. Мы попрощались, и симпатичная женщина-шофер отвезла нас домой.

Тоспожа ПСрумпф

Дома я первым делом поспешила в свою комнату. Мне не терпелось сделать запись в журнале успеха. Усевшись за стол, я написала:

- 1. Я быстро поняла то, что мне объяснял господин Гольдштерн.
- 2. Я приняла хорошее решение: откладывать половину от всех заработанных мной денег.
- 3. У меня появится курица, несущая золотые яйца. Теперь я. поняла, что значит быть богатым.
 - 4. Впервые в жизни я ехала в «Роллс-Ройсе».
- 5. За последнюю неделю я заработала 37 евро. (Из этой суммы 18,5 евро я отложу для «курицы»; 14 евро 80 центов положу в копилки мечты это получается по 7 евро 40 центов в каждую из них; 3 евро 70 центов остается на расходы.)
 - 6. Господин Гольдштерн похвалил меня.
- 7. На следующей неделе я получу деньги за то, что заботилась о Мани. 413 дней по 5 евро в день получается 2065 евро. С ума сойти!

Можно ли все это считать настоящими успехами? Я не была уверена. Но чувствовала я себя прекрасно. И гордилась собой. И я все больше верила в себя. Перед тем, как выйти из комнаты, я решила за ужином осторожно заговорить с родителями об их долгах и положила в карман джинсов записку с четырьмя правилами обращения с долгами.

Едва мы уселись за стол, я торжественно показала всем чек, который господин Гольдштерн передал моим родителям. Взяв его в руки и прочитав сумму, папа удивленно воскликнул:

- Здесь тысяча евро! За что это?
- Это еда для Мани за все время, что он живет у нас, — объяснила я.
- Не знаю, можем ли мы это принять, сказала мама.
 Ведь Мани стал уже практически нашим.
- С другой стороны, эти деньги нам сейчас очень кстати, проворчал папа. Мы опаздываем с платежами по одному из кредитов. И тысяча евро могли бы помочь.
- А я бы только пятьсот евро уплатила по кредиту, вмешалась я, а другие пятьсот евро я бы отложила.

Папа и мама даже есть перестали и уставились на меня. Лида у них стали такие, будто я уронила на пол полную тарелку супа.

— Поглядите-ка на нее, — иронически проговорил папа. — Наша дочь один раз проехалась в «Роллс-Ройсе» и уже стала финансовым гением. Сюзанна, я что-то засомневался, подходящее ли окружение все это, — он повел глазами вокруг, — для нашей Киры.

Я рассердилась.

- Куда умнее платить по кредиту как можно меньшие взносы, упрямо прошептала я.
- Ну да, чтобы до смерти не рассчитаться с процентами, — вскинулся папа.

Я прикусила язык. Я уже не помнила точно, как Мани объяснял это мне. Помнила только, что приходится брать все новые кредиты, чтобы выплачивать старые. Я подумала, что заговорю об этом снова после того, как побываю в Америке и стану обладательницей упитанной денежной «курочки».

— Что могут дети знать о деньгах, — пробормотал

И я не выдержала:

- У американского мальчика Дэрила уже в семнадцать лет было несколько миллионов, чего о тебе сказать никак нельзя, выложила я свой козырь. И я тоже когда-нибудь стану очень богатой.
- Он, наверное, получил наследство, предположил папа.
- Он эти деньги заработал, как и я их заработаю! возбужденно крикнула я.

Мама смотрела на меня озабоченно:

— Кира, тебе такие слова не подобают. Мы не созданы для больших денег. Они приносят только несчастье. Гораздо важнее уметь довольствоваться малым. Помнишь старую пословицу: «Кто родился пфеннигом, не станет маркой».

У меня были свои сомнения. Господин Гольдштерн показался мне очень счастливым человеком. Мама с папой, конечно, не были так счастливы. Я подумала, что несчастье приносят не деньги, а их нехватка, но решила промолчать. Так, в молчании, и закончился ужин. Вечером мне не хотелось сидеть дома. Я позвонила Монике и предложила встретиться. Она, однако, еще не ужинала. Поэтому мы назначили встречу через час. А пока я решила пойти погулять, заглянуть к Ханенкампам и поприветствовать Наполеона.

Господин Ханенкамп пригласил меня в дом:

- Не найдется ли у тебя времени, чтобы присматривать еще за одной собакой? спросил он.
 - Конечно, найдется.
- Я разговаривал сегодня утром с госпожой Трумпф, многозначительно продолжал господин Ханенкамп. Это хозяйка Бианки, большой немецкой овчарки. Она хочет уехать на две недели, но не знает, что делать с Бианкой. Услышав, что ты хорошо справляешься с Наполеоном, она просила меня узнать, не возьмешься ли ты и за Бианку. Ты иди прямо к ней и поговори сама.

Я хорошо знала госпожу Трумпф. Она очень любила поговорить и всегда, когда я проходила мимо ее дома, пыталась завязать со мной беседу. Мы с Мани сразу направились к ней. Дом ее походил на ведьмину избушку.

Старушка вышла на крыльцо. Господин Ханенкамп позвонил ей и предупредил о нашем приходе. Мы вошли. В комнатах царил такой чудесный беспорядок, что я сразу почувствовала себя уютно. Повсюду были разбросаны книги и вырезки из газет, на стенах висели какие-то непонятные таблицы, работали сразу два телевизора.

Заметив, что я с любопытством оглядываю все это, госпожа Трумпф пояснила:

— Это мое хобби. Я люблю читать биржевые и финансовые журналы. После смерти мужа мне осталось довольно много денег. А я тогда не имела никакого представления, что с ними делать. И начала читать, чтобы узнать побольше о вложениях капитала.

Это оказалось невероятно интересно. Оказывается, таким способом можно в несколько раз приумножить те деньги, которые у тебя есть.

Мне хотелось, чтобы госпожа Трумпф продолжала рассказывать. Но она, наверное, думала, что меня такие вещи не интересуют, и перевела разговор на Бианку.

Старушке уже несколько лет хотелось съездить куда-нибудь отдохнуть. Но не находилось никого, кто взял бы на себя заботы о собаке. Бианка была вообще-то очень добрая и послушная, но для овчарки необычайно крупная и с очень пышной шерстью, из-за чего казалась еще больше. У многих она вызывала настоящий страх. Поэтому госпожа Трумпф была очень довольна, что я заинтересовалась собакой. Она сказала, что заранее купит еду на все время своего отсутствия и будет платить мне пять евро в день. Я охотно согласилась. Конечно, следовало еще попросить разрешения у родителей.

Ведь овчарка должна будет две недели прожить у нас.

Я попрощалась, пора уже было отправляться на встречу с Моникой. Сколько всего я должна ей рассказать! О деньгах, которые я зарабатываю. О господине Гольдштерне. И о том, как я распределяю свои деньги.

Моника смотрела на меня с уважением:

— Сколько же ты всего делаешь! Молодец! — она минутку подумала. — Если у тебя вдруг окажется слишком много заказов, я могу помочь. Тогда я буду работать на тебя.

Я невольно засмеялась. Родители Моники богаты, и она всегда так шикарно одета. И вдруг она хочет работать на меня. Это было даже странно.

Уже почти стемнело, пора было возвращаться домой. Кроме того, я хотела поскорее поговорить с родителями о Бианке. Папе моя затея поначалу не понравилась. Он боялся, что это будет отвлекать меня от учебы. Помогла мама.

В это время зазвонил телефон. Мама сняла трубку: — Это Марсель. Тебя, — она была удивлена. Марсель еще никогда мне не звонил.

Оказалось, нам обоим было что порассказать. Я сообщила ему о своих доходах и о новой работе. И о том, что я распределяю свои деньги так, как советовал господин Гольдштерн.

- Я могу сказать только одно, торжественно заявил Марсель. Прошли времена, когда у тебя были кукольные мозги. И идея с распределением денег очень хороша. Я до такого не додумался. Все мои деньги лежат на банковском счете.
- Мне тоже нужно открыть счет в банке, пробормотала я. Господин Гольдштерн собирается дать мне чек. Но я еще не знаю, как это делается.
- Если хочешь, я завтра приеду и помогу тебе, предложил он.

Я не верила своим ушам. Марсель всегда держался так неприветливо, а тут вдруг добровольно пред-

лагает свою помощь. И он никогда не приезжал ко мне, хотя нас разделяло всего семь километров.

Даже когда его родители приезжали к нам в гости, он чаще всего оставался дома.

- Ты хочешь приехать ко мне? переспросила я. Еще совсем недавно ты изо всех сил старался избегать меня.
- Я люблю иметь дело только с теми людьми, которых уважаю, коротко ответил он. А тебя я начинаю уважать.

Я почувствовала настоящую гордость.

— Кстати, у меня появились уже свои служащие, — по-взрослому продолжал Марсель. — Теперь булочки развозят и несколько соседских мальчиков, потому что у меня уже больше пятидесяти клиентов. Одному мне больше не справиться.

Я вспомнила о Монике, предложившей мне свою помощь. Я должна теперь ухаживать за Мани, Наполеоном и Бианкой. И ее помощь может оказаться очень кстати.

Прощаясь с Марселем, я с радостью думала о завтрашней встрече с ним. Потом я хорошенько причесала Мани, что ему очень понравилось, и улеглась в кровать. Заснула я быстро.

Среди ночи я проснулась вся в холодном поту. Мне приснился кошмарный сон. За нами гнались преступники, чтобы убить Мани. Моника и Марсель тщетно пытались нам помочь: Я долго еще дрожала, не в силах успокоиться. Мани что-то почувствовал, вспрыгнул на кровать и лизнул меня в руку. Я обняла его. Этот сон не обещал ничего хорошего, и я решила в ближайшие дни быть особенно осторожной.

Приключение

День начался неудачно. Я проснулась усталой после ночного кошмара, да и погода оказалась отвратительной. Папа встал позже обычного, и все еще был в ванной. Я решила не терять времени и кинулась за журналом успеха. Но на месте его не оказалось. Я пристально взглянула на Мани. Он сделал вид, что ничего не замечает. «Ах ты, проказник, — подумала я. — Я знаю, что журнал у тебя. Верни немедленно!»

Но Мани был настроен игриво и не собирался так быстро сдаваться. Он побежал в прихожую и вернулся с журналом в зубах. Я попыталась поймать его и отнять журнал. Но Мани был проворнее. Я прыгнула за ним, но ему удалось увернуться. С громким треском приземлился он на почти готовую модель корабля, которую папа строил из спичек. На шум прибежали родители. Увидев, что случилось, папа закричал как одержимый:

— Четыре месяца работы! Ты разрушила четыре месяца работы!

И в самом деле, от модели не осталось и спички на спичке. Настроение у меня испортилось. Я ведь совсем этого не хотела. Вспомнился мой ночной сон. Что и говорить, хорошенькое начало.

Из-за всего этого я не успела на школьный автобус и опоздала к началу занятий.

После уроков я пообедала и пошла за Наполеоном. Ханенкампам я сказала, что приведу его поздно. Они согласились. В три часа должен был приехать Мар-

сель. Я вызвала Монику, чтобы она последила за собаками, пока я говорю с Марселем.

Вместе с ним я отправилась к госпоже Трумпф за Бианкой. Она пригласила нас в комнату, чтобы подробно рассказать, как я должна ухаживать за ее любимицей. Пока мы беседовали, Марсель разглядывал комнату. Он рассмотрел все таблицы на стенах и уважительно присвистнул.

Вы вкладываете деньги в акции, — со знанием дела определил он.

Госпожа Трумпф ошеломленно смотрела на него:

- Ты что-нибудь понимаешь в этом?
- Я нет, но мой папа занимается акциями. Коечему я от него научился. Он всегда говорит, что нигде нельзя заработать столько, как на акциях. Но мне кажется, что это слишком сложно и требует слишком много работы, ответил он.
- Ты прав, это не так-то просто, да и требует одиндва часа в день. Чтобы заниматься таким делом, нужно его любить, засмеялась старушка. Но можно поручить другим работать на себя. Тогда никакие знания не нужны, а доходы все равно неплохие.

Марсель тут же заинтересовался:

- Звучит заманчиво. А как это делается?
- Я охотно объяснила бы тебе это, сказала госпожа Трумпф. — Но для этого нам понадобится время. А у меня осталось всего несколько часов до отлета. Поэтому давай отложим разговор на эту тему до моего возвращения.
 - Мне это тоже очень интересно, вмешалась я. Но госпожа Трумпф уже думала о другом.
- Кира, спросила она, не могла бы ты два-три раза полить цветы, пока меня не будет?

Ну, конечно, я могла бы. Мы попрощались и повели Бианку к нам.

Потом мы с Марселем направились в сберкассу. Я очень волновалась. Ведь сейчас я впервые открою свой собственный счет. Правда, у меня уже была сберегательная книжка, куда бабушка и дедушка время от времени вкладывали небольшие суммы. Но настоящий счет — это совсем другое. Входя в банк, я чувствовала себя совсем взрослой. Посетителей было много, у окошек стояли очереди. Я хотела было направиться к самой короткой из них, но Марсель удержал меня:

- Не спеши. Важно попасть к подходящему человеку.
 - А откуда мне знать, кто подходящий? Марсель засмеялся:
- Это тот человек, с которым тебе легче всего иметь дело. Осмотрись, может быть, ты увидишь когонибудь, кто покажется тебе симпатичным.

Я прошла вдоль очередей, рассматривая работников сберкассы. Большинство из них вовсе не выглядели довольными и счастливыми. Один из них, как мне показалось, особенно спешил — и заражал своей спешкой клиентов. Мне он внушал страх. Наконец я заметила женщину, ровесницу моей мамы, которая производила очень приятное впечатление. Она мне сразу понравилась.

— Но тогда нам придется долго ждать, — я хотела подготовить Марселя к моему решению.

— Самое глупое занятие в мире — ожидание, — ответил он. — Надо подумать, как провести время с

Мы решили, что я подробно объясню ему, как распределяю свои деньги. Заодно я рассказала ему сказку про курицу, которая несла золотые яйца.

- Здорово! Даже лучше, чем я думал, возбужденно воскликнул Марсель. Ясно, если я буду тратить все, что у меня есть, то никогда не заведу такой «курицы». А без нее мне всегда придется зарабатывать деньги. Но если у меня появится такая «курица», то на меня будут работать мои деньги.
- Это ты хорошо сказал, ответила я. На господина Гольдштерна уж точно работают его деньги. Вспомни, как долго после аварии он совсем не может работать. И все-таки ему хватает денег на оплату всех счетов. А вот мой папа всегда говорит, что если он хотя бы два месяца не будет зарабатывать, то все пропало. Он имеет в виду, что тогда придется продать наш дом.
- Понятно, у господина Гольдштерна все в порядке, потому что его «курица» большая и жирненькая. А у твоего папы нет даже воробышка, — засмеялся Марсель.

Мы так увлеклись разговором, что и не заметили, как подошла наша очередь. Симпатичная сотрудница сберкассы спросила, чего мы хотим.

- Я бы хотела открыть счет для моей курицы, сказала я.
 - Счет для чего? ошеломленно спросила она.

Марсель вдруг громко расхохотался, и мне очень захотелось его ударить. Но тут мне и самой стало смешно. Успокоившись, мы представились кассирше. Ее звали госпожа Хайнен. И я объяснила ей, почему хочу открыть счет для моей «курицы». Пришлось и ей рассказать сказку про курицу и про золотые яйца.

Госпоже Хайнен сказка очень понравилась.

— Это самая лучшая история для детей о том, как надо обращаться с деньгами, — из всех, что я слышала, — сказала она. Потом минутку подумала и добавила: — Возможно, не только для детей, но и для взрослых. Я с удовольствием помогу тебе всем, чем смогу. Она предложила мне бесплатное ведение счета. Это значит, что банк выполняет всю работу по ведению моего счета, и я за это ничего не плачу. Лучше не бывает.

Я не ожидала, что открыть счет окажется так просто. Нужно было только предъявить мой паспорт. Но паспорта у меня еще не было, поэтому госпожа Хайнен заполнила анкету, которую должен был подписать один из моих родителей. На этом вся процедура закончилась. Помощь Марселя оказалась совсем не нужна. Но все равно хорошо, что он был со мной. Вдвоем куда приятнее.

Я торжественно достала из кармана восемнадцать с половиной евро и положила на мой новый счет. В уме я все повторяла «волшебные» слова, которые сама придумала: «Проснись, курочка, проснись».

Я была очень довольна. Попрощавшись, мы с Марселем отправились домой. По дороге я думала: «Как хордшо, что я выбрала такую симпатичную кассиршу. Я всегда буду радоваться встрече с ней».

Мы с Марселем торопились. Как там Монике удается справляться сразу с тремя собаками? У нее

не такой уж большой опыт в этом деле. Правда, у Моники есть Вилли, маленький и нахальный карликовый пудель. Однако большие собаки — совсем другое дело. Мои тревоги оказались напрасными. Моника радостно пригласила нас в дом. Все было в полном порядке. Все вместе мы отправились поиграть в лес. Было так чудесно, что мы забыли о времени.

Уже темнело, когда мы собрались домой. Я попросила Марселя и Монику пройти вместе со мной мимо дома госпожи Трумпф. Мне нужно было взять там еду для Бианки, которую хозяйка оставила во дворе. Втроем тащить ее легче.

Мы подошли к «ведьминой избушке», которая находилась в нескольких сотнях метров от моего дома, ближе к лесу. Старушка уже много лет не подстригала кусты и деревья, и участок возле дома сильно зарос. Мы обошли вокруг дома, потому что госпожа Трумпф собиралась оставить еду у задней террасы. При этом кое-где приходилось даже ползти под кустами.

Тем временем совсем стемнело. Нам стало немного не по себе, хотя рядом были Мани, Наполеон и Бианка. Причиной тому было присутствие Вилли. Он всего боялся и прижимался к Бианке. Мы умолкли. Даже Моника не раскрывала рта. А это что-нибудь да значило. Вдруг я поняла, что нам мешало: мертвая тишина. Мы невольно затаили дыхание:

Тихонько пробирались мы дальше. Время от времени под ногами у нас потрескивали ветки. Наконец мы оказались за домом. Еда и в самом деле стояла на террасе. Но что-то мешало нам, что-то было не так. Мы испуганно осматривались вокруг. Вдруг собаки начали рычать. Бианка подбежала к двери, ведущей с террасы в дом, и мы все повернулись в ту сторону. И тут мы увидели, что дверь не заперта. Бианка носом толкнула дверь, залаяла и прыгнула внутрь. Лай ее стал удаляться и затихать. Потом вновь стало совсем тихо. Мы ждали, но Бианка не возвращалась. Позвали тихонько. Никакого ответа. Мы стояли, словно оцепенев. Я оглянулась. Моника была белая, как мел. Своего Вилли она держала на руках и испуганно прижимала к себе.

Марсель первый взял себя в руки. Он подал мне знак удерживать Мани и Наполеона. Я взяла обоих за ошейники. Вот когда пригодились мои тренировки с Наполеоном, подумала я мельком. Марсель прижался к стене и начал медленно приближаться к двери. Осторожно сделал он шаг внутрь и включил свет. Через мгновение, показавшееся нам вечностью, он вновь показался в дверном проеме и приглашающе кивнул нам.

— Похоже, путь свободен, — прошептал он.

Я с обеими собаками осторожно пошла за ним, а Моника сказала:

- Я ни за что не войду внутрь.
- Хорошо, жди здесь! согласился Марсель.

Но от этого ей стало совсем не по себе. Оставаться одной на террасе было еще страшнее. И она последовала в дом за нами. Мы вошли в гостиную. На этот раз беспорядок вовсе не казался уютным. Наоборот, от него исходила какая-то угроза.

- Здесь побывали взломщики, сказал Марсель.
- Нет, эта комната всегда так выглядит, ответила я так же тихо.

— Посмотри, дверь взломана, — возразил Марсель. Он был прав. На дверной раме были ясно видны следы повреждений.

Я поняла, почему беспорядок не казался мне больше уютным. Все картины были сняты со стен, мебель сдвинута. Комната выглядела как в шпионском фильме, когда агенты обыскивают квартиру, чтобы найти микропленку. Я вспомнила о моем кошмарном сне. И о своем решении быть особенно осторожной. А теперь я стою в одиноком домике, где побывали взломщики. Здесь ли они еще? Сердце у меня стучало.

Вдруг мы услыхали тихие шаги по старым половицам. Я застыла. Тихие, крадущиеся шаги приближались. Марсель торопливо огляделся и вооружился подзорной трубой, лежавшей на кресле. В это время дверь в комнату со скрипом приоткрылась на несколько сантиметров. Мы обернулись. Моника пронзительно закричала. А в приоткрытой двери появилась голова Бианки, о которой мы успели совсем забыть. Мы облегченно выдохнули. И даже Мани и Наполеон, казалось, обрадовались.

Марсель вновь первым из нас оценил ситуацию:

— Кто бы это ни был, он, наверное, убежал, когда мы появились. Иначе собаки не были бы так спокойны.

Я посмотрела на Мани. Он, похоже, не испытывал ни малейшего беспокойства. Я обняла его и тоже стала успокаиваться. И даже Вилли спрыгнул на пол и принялся с любопытством обнюхивать углы.

В старом подвале

К нам постепенно вернулось мужество. Мы решили осмотреть дом.

Моника хотела сначала позвонить в полицию, но это молено было сделать и потом. Сейчас нами владела жажда приключений. Мы осторожно начали обход. Прошли по всем комнатам. Везде царило такое же разорение, но в остальном ничего необычного мы не обнаружили.

- Вы заметили, как издалека доносился лай Бианки, когда она вошла в дом? спросил Марсель. Тут должен быть глубокий подвал.
- Может быть, и настоящее подземелье, сказала Моника и сама задрожала от страха.

Я рассмеялась, хотя и мне было не по себе. Мы еще раз обошли дом, чтобы найти вход в подвал. Наконец мы обнаружили нужную дверь. Она находилась под лестницей и выглядела, как дверца обычного шкафа. Дверь была прикрыта, но не заперта. Мы осторожно заглянули внутрь. Вниз вела крутая лестница. Поискали выключатель, но ничего не нашли.

— В комнате я видела свечи, — вспомнила я. Марсель кивнул.

Мы быстро принесли свечку. Моника зажгла ее, пытаясь в то же время удержать нас от дальнейших поисков:

- Вы же не собираетесь в самом деле туда спускаться? Я не пойду ни за что!
- Ладно, решил Марсель, тогда жди нас наверху с Вилли и Наполеоном. А мы с Кирой берем Бианку и Мани и осмотрим подвал.

Я с удовольствием осталась бы с Моникой, но одновременно было очень любопытно, что же мы обнаружим внизу. И не хотелось давать Марселю повод посмеяться надо мной. Ведь он только-только начал принимать меня всерьез. Мы медленно спускались по ступенькам. Подвал, наверное, был очень старым. Стены из голого камня в колеблющемся свете свечей выглядели таинственно.

И вот мы внизу. Это было большое помещение, заваленное всякой рухлядью, со множеством стеллажей вдоль стен, на которых стояли консервы и маринады. Потолок низко нависал над головой. Марселю даже пришлось пригнуться. Мы осторожно оглянулись. Я не замечала ничего необычного.

— Ничего нет, — прошептала я.

Но Марсель указал на маленькую дверцу в стене за стеллажами. Молодец! Я бы ее ни за что не заметила. Мы сдвинули стеллаж, стараясь, чтобы с него не упала ни одна банка. Дверца оказалась запертой. На лице Марселя ясно читалось разочарование:

- Ничего не поделаешь. А жаль. Очень хочется узнать, какие секреты скрываются за этой дверью.
- Наверное, там спрятано сокровище, на ходу придумала я.
- Ну да, там лежит столько же денег, как в форте Кнокс, — усмехнулся Марсель.

В этот момент Бианка ткнулась носом мне в ногу. В зубах у нее что-то темнело. Я присмотрелась внимательнее. Это был ключ. Бианка вильнула хвостом и положила ключ на пол.

- Умная собачка, - похвалила я. - Ты, наверное, часто приносила ключ для своей хозяйки.

Марсель медленно открыл ключом дверь. Мы посветили туда свечой. Открывшееся нашим глазам помещение было гораздо меньше первого, и в нем ничего не было, кроме старого сундука, сколоченного из крепкого дерева и обитого железом. Сундук был заперт на замок. Марсель подошел и осмотрел его.

- Я открою его за секунду, — засмеялся он. — Детская задача.

Я слегка сомневалась, имеем ли мы право заглядывать в сундук. Но Марсель уже вытащил свой перочинный ножик и принялся ковырять замок.

- И ты занимаешься развозкой булочек, засмеялась я. Да ты же настоящий преступник.
- В этом деле я был бы не последним, ответил он. Он откинул крышку, заглянул внутрь и присвистнул: Ого, теперь мне понятно, что здесь хотели найти взломщики.

Я тоже заглянула в сундук. Там лежала целая гора бумаг, толстая пачка пятисотевровых купюр, аккуратные стопки золотых слитков. Слитки меня прямо ослепили. Не верилось, что они в самом деле золотые. Марсель был прав. Именно это, видимо, искали взломщики.

— Что нам делать? — озабоченно спросила я. — Оставить все здесь? А вдруг взломщики еще вернутся?

Марсель ненадолго задумался:

— Да, ты права! Обязательно нужно вызвать полицию, и она возьмет сокровища под охрану. Но сначала мы точно запишем, что находится в сундуке. Предосторожность не повредит:

Мы взялись за работу. Все было тщательно пересчитано и записано. Когда все было готово, мы еще

раз пробежали список: пятьдесят тысяч евро пятисотевровыми купюрами, двадцать пять золотых слитков, семьдесят восемь золотых монет, сто шестьдесят три сертификата, папка с письмами и выписками из счетов, мешочек с шестнадцатью драгоценными камнями, золотая цепочка и семь золотых колец.

Марсель спрятал список в карман и пообещал, что перепишет его для меня еще раз. Мы единодушно решили, что и сами бы не отказались владеть таким богатством.

- А госпожа Трумпф здорово богатая, удивлялась я. Она, правда, и сама об этом упоминала. Но увидеть все эти сокровища своими глазами совсем другое дело. Только почему она хранит все это здесь, внизу?
- Все богатые люди поступают так же, учительским тоном объяснил он. Готов спорить, что у нее есть еще очень, очень много денег, которые она кудалибо вложила. А здесь она хранит, наверное, аварийный запас.
- Многовато что-то для аварийного запаса, засомневалась я.
- Но достаточно, чтобы с этим играть. Вспомни Скруджа Мак-Дака. Его любимое занятие купаться в леньгах.

Я вспомнила прочитанные мной комиксы. И то, что мама всегда посылала меня мыть руки после того, как в них побывали деньги.

- Наверное, богачи вовсе не считают деньги грязными, подумала я вслух.
- Я тоже думаю, согласился со мной Марсель, что госпожа Трумпф испытывает удовольствие, когда время от времени заглядывает в свой сундук. Я бы, во всяком случае, испытывал.

Я улыбнулась, представив себе, как старушка спускается в подвал, отпирает сундук и играет с золотыми слитками и денежными купюрами. «Наверное, мне бы понравилось даже просто чистить монеты и слитки», — подумала я.

Вдруг Мани залаял. Бианка тут же присоединилась к нему. Обе собаки стояли спиной к нам, принюхивались к двери и лаяли все громче. Марсель подошел к двери и крикнул:

— Моника! Это ты? Иди сюда, мы теперь знаем, что искали преступники!

Мани и Бианка перестали лаять и зарычали. Марсель заволновался.

- Что могло случиться? - спросил он. - Собаки не стали бы рычать на Монику.

Нас охватил ужас. В подвале раздались мужские голоса. На Мани шерсть встала дыбом.

— Спокойно, Мани, спокойно, — шептала я.

Но он не успокаивался и все продолжал рычать. Голоса приблизились и стали громче. Деваться нам было некуда. Мы увидели, что по большому подвальному помещению блуждает луч фонаря. А потом луч оказался направленным прямо мне в глаза. Я закричала.

- Гляди-ка, кто это здесь?— прозвучал низкий
 - Не ваше дело! упрямо крикнул Марсель.

Свет фонарика так слепил нас, что ничего не удавалось разглядеть. Потом раздался второй голос, еще ниже и грубее первого.

(i)

— Вы что-нибудь нашли? Это сбережет нам много времени!

Фонарь теперь освещал сундук. Один из мужчин изумленно вскрикнул:

- Бернд, ты только посмотри. Девочка права.
 Здесь целое состояние.
- Не трогайте ничего своими грязными руками! Это принадлежит не вам, а одной старой женщине! я задыхалась от гнева.
- Вы что-то путаете, барышня. Мы хорошие, засмеялся первый голос.

Фонарь осветил обладателя второго голоса, и мы увидели, что это — полицейский.

Марсель, как всегда, первым пришел в себя. Я нервно смеялась. Только сейчас я поняла, в каком напряжении находилась. Теперь, когда опасность миновала, силы покинули меня. Я села на пол.

— Ваша подруга позвонила своему отцу, и он вызвал нас, — сказал первый полицейский.

Это все объясняло.

- А где Моника? спросил Марсель.
- Она наверху, со своим отцом и другими полицейскими.

Один из полицейских вышел в большой подвал и крикнул своему коллеге, стоявшему на ступеньках:

— Все в порядке! Дети здесь, с ними ничего не случилось.

Мы все вместе поднялись наверх. В коридоре и гостиной было не меньше десятка полицейских. Здесь же был и отец Моники. А сама Моника испуганно прижималась к нему.

Она рассказала нам, что долго ждала, потом начала тихонько звать нас. Не получив ответа, она решила, что с нами, наверное, что-то случилось, и позвонила домой.

Моникин папа строго смотрел на нас:

— Нельзя же быть такими легкомысленными! Вы должны были сразу вызвать полицию.

Ответить было нечего. Конечно же, он был прав. Я смотрела на Монику, и мне было жаль ее. Ей, наверное, было очень страшно одной. Мы совсем забыли о времени, пересчитывая сокровища.

Вызвали слесаря, чтобы отремонтировать дверь. Сундук с ценностями увезли в полицию. Но у полицейских оставалось еще много работы. И нам пришлось ответить на множество вопросов. С нами полицейские были очень приветливы и даже хвалили. Они говорили, что это мы заставили взломщиков обратиться в бегство.

Мы с Марселем гордо смотрели друг на друга. Полицейский автомобиль отвез нас домой. Мама уже волновалась и стояла у окна, когда мы подъехали. Увидев, что мы выходим из полицейской машины, она приготовилась к худшему.

Впрочем, полицейские быстро все объяснили. Потом они отвезли по домам Марселя и Наполеона. Мама позвонила своей сестре, маме Марселя, и господам Ханенкамп. Она не хотела, чтобы они испугались так же, как она, увидев перед своим домом полицейский автомобиль.

Я подробно рассказала родителям обо всем, что случилось. От возбуждения я все равно не могла бы заснуть. И вновь пришлось выслушать, что нам следовало сразу вызвать полицию и ничего самим не предпринимать.

Мои родители не понимают...

На следующий день в школе было настоящее светопреставление. Моника уже успела рассказать о нашем приключении, и все горячо его обсуждали. Других тем для разговора в тот день не было. Меня тоже поздравляли. Некоторые мальчишки говорили:

— Тебе повезло, ты пережила такое приключение! Вот было бы здорово, если бы и со мной случилось что-нибудь похожее. Не знаю, так ли уж мне повезло. Во всяком случае, мне казалось, что ничего бы не приключилось, если бы не затея с копилками мечты. Я не стала бы искать работу и не прзнакомилась бы с Ханенкампами. Ханенкампы не рассказали бы обо мне госпоже Трумпф, а госпожа Трумпф не поручила бы мне ухаживать за Бианкой. Похоже, прав наш мудрый учитель истории, когда говорит:

— Удача при ближайшем рассмотрении оказывается всего лишь результатом большой работы и тщательной подготовки.

Во всяком случае, мы с Моникой несколько дней были героями школы. К нам приходил даже фотограф из местной газеты, и на следующий день наши снимки были напечатаны, и было подробно описано, какими смелыми мы оказались. Жаль только, что на фотографиях не было с нами Марселя. Мама с папой, читая газету, очень гордились нами. И всем рассказывали о происшествии.

Однажды утром, работая над журналом успеха, я вновь вспомнила об этой истории. Конечно, это было замечательное приключение, и я им гордилась. Но у меня прявилось стойкое ощущение, что вся моя предыдущая жизнь состояла из одного-единственного приключения. Это было очень забавно.

Я заметила, что многое изменилось с тех пор, как я стала интересоваться деньгами. Моя жизнь стала увлекательнее. Я познакомилась со многими новыми людьми. У меня были далее интересные разговоры со взрослыми. Я многому научилась — и это было совсем не так, как в школе. Все это было мне действительно интересно, потому что я знала, что это понадобится в жизни. Куда увлекательнее учиться тому, как зарабатывать деньги на поездку в Америку, чем на уроке истории заучивать сухие сведения о Карле Великом. На некоторых уроках я стала внимательнее, чем прежде. А занятия английским начали доставлять настоящее удовольствие, потому что я знала, что мне это скоро понадобится.

Я начала думать о вещах, которые раньше были мне безразличны. И самое важное — мне все это очень нравилось. У меня появилось ощущение, что речь идет не только и не столько о деньгах, сколько о том, что каждый день стал интересным; я поняла, как много возможностей вокруг. И стала задумываться об этом. Многое стало понятным благодаря журналу успеха. Я давно уже записывала не только мои успехи, но зачастую и то, что к ним привело. Я обнаружила, например, что я смелая. Неважно, что я боялась. Ведь господин Ханенкамп объяснил мне однажды, что и смелые люди испытывают страх. Смел тот, кто боится, но, вопреки своему страху, идет вперед.

Я готова была много работать, но работа должна доставлять мне удовольствие. Родители всегда утвер-

ждали, что я ленива. Но это было правдой только отчасти, потому что теперь я стала усерднее. Я работала каждый день с тремя собаками, кормила и расчесывала их, водила гулять и дрессировала. Это было нелегко, но мне это нравилось.

И впервые у меня появилось ощущение, что я выкладываюсь на совесть. Наверное, в этом и было главное отличие. Раньше я говорила: «Если бы я достаточно много занималась, то стала бы очень хорошей ученицей», — и сама знала, что это только отговорка. Теперь, когда я старалась по-настоящему, отговорок больше не было. И стало видно, на что я способна в действительности.

Больше того, я стала делать вещи, которые, в сущности, делать еще совсем не умела. Например, зарабатывала деньги. Только начав это делать, я узнала, что способна и на это.

Следующие несколько дней пролетели незаметно. Я много занималась с собаками, несколько раз у меня были интересные беседы с Марселем, с Ханенкампами и господином Гольдштерном. Я задавала много вопросов и узнавала много нового.

От господина Гольдштерна я получила чек более чем на полторы тысячи евро. Мне все еще казалось странным получать деньги за заботу о Мани. Ведь я делала это с огромным удовольствием. Но господин Гольдштерн объяснил:

— Если бы ты потеряла свою собаку, ты бы тоже радовалась тому, что кто-то за ней ухаживает. И именно то, что ты заботилась о Мани, не рассчитывая на награду, делает твою работу такой ценной.

Я вынуждена была согласиться: нигде Мани не жилось бы лучше, чем со мной.

Одним словом, я отнесла чек в банк. И разделила деньги так, как и собиралась. Половину, семьсот пятьдесят евро, я положила на свой счет, чтобы росла моя «курица». Еще столько же я получила наличными и положила по триста евро в копилки мечты, а сто пятьдесят евро оставила себе на расходы. Это было замечательно — положить триста евро в американскую копилку и еще столько же в копилку для компьютера. Мне очень хотелось позвать маму, чтобы она посмотрела на это. Но потом я решила приготовить ей сюрприз.

Получив деньги от Ханенкампов, я разделила их по той же схеме.

Я получала от них по два евро в день плюс десять евро за каждый трюк, которому научу Наполеона. Иногда я позволяла себе роскошь нанять Монику и платила ей половину того, что получала сама.

Сначала мне это казалось не очень справедливым. Ведь мне ничего не приходилось делать. Всю работу выполняла Моника, но при этом я получала столько же, сколько и она. Но Марсель как-то сказал:

— Работа сама по себе стоит не больше половины того, что за нее платят. Остальное — это цена идеи и мужества, нужного для ее осуществления.

Я объяснила это Монике и предложила ей самой поискать работу с собакой вроде Наполеона. Но она ответила, что никогда не решится с кем-нибудь заговорить об этом. И потом, она получает семьдесят пять евро в месяц карманных денег. Так что она довольна.

А я решила, что своим детям ни за что не стану давать так много карманных денег. Но зато я научу их вести журнал успеха и самостоятельно зарабатывать. И чем раньше, тем лучше.

Одно только меня смущало. Беседы с Мани становились все реже. У меня было столько дел, и я так часто разговаривала с Марселем, с супругами Ханенкамп; да и встречи с господином Гольдштерном отнимали все больше времени. Из-за всего этого я и Мани почти не бывали больше в нашем убежище. Конечно, мы с ним ходили гулять и играли друг с другом. Но разговаривали мы все меньше. На многие вопросы, которые я собиралась задать Мани, мне уже ответили господин Гольдштерн и другие новые знакомые.

Мани, казалось, это совсем не огорчало. Наоборот, он находил, что все в порядке, и наслаждался покоем. Ему нравилось, когда с ним обращались, как с самой обыкновенной собакой, и он с удовольствием проводил время с Наполеоном и Бианкой. С ними он веселился от души. И когда они играли все вместе, Мани казался таким же, как остальные собаки, «нормальным» псом. Я утешалась тем, что так, наверное, и должно быть.

Мама, папа и я сидели за столом. Они не произносили ни слова и угрюмо смотрели в свои тарелки. Так они всегда выглядели, если ссорились. Я давно решила еще раз попытаться поговорить с ними о долгах и хорошенько проштудировала список советов, полученных от Мани. Но сейчас, похоже, был неподходящий момент.

Папа прервал молчание:

- Кира, я видел выписку из твоего счета. На нем лежит уже много денег, он пытливо посмотрел на меня. Очень много денег, добавил он со значением.
- Я получила их от господина Гольдштерна за то, что так хорошо ухаживала за Мани, ответила я.
- Вот видишь, всему есть нормальное объяснение, мама, кажется, испытывала облегчение.
- И семьсот пятьдесят евро ты взяла наличными, продолжал папа. Можешь ты сказать, что ты с ними сделала?

Мне стало неуютно. Не то, чтобы у меня была нечистая совесть, но я почувствовала, что мне не доверяют. Причем незаслуженно.

Я заставила себя сохранять спокойствие и объяснила, как заработала свои деньги. И рассказала, что распределяю все мои доходы. Половину для моей «курицы», сорок процентов на исполнение желаний и десять процентов — на мелкие расходы. Конечно, пришлось снова рассказать историю про курицу и золотые яйца, иначе родители ничего бы не поняли.

Папа с удивлением смотрел не меня. Но теперь, получив объяснение, он успокоился. А мамина улыбка выражала гордость: «Я понимаю свою дочь». Папа вздохнул:

- Я бы хотел, чтобы у меня тоже была возможность так распределять свой доход.
 - А почему ты этого не делаешь? спросила я.
- Потому что все наши деньги мы вынуждены тратить, — объяснил он. — Как ты думаешь, откуда

берутся деньги, чтобы оплачивать дом, еду, электричество и все остальное?

- Но те деньги, что ты не тратишь на эти цели, ты мог бы делить так, как это делаю я. Даже если остается всего десять процентов, эти десять процентов тоже можно распределить. Я была убеждена, что это возможно.
- У нас ничего не остается. Я не могу отложить ни цента, проворчал папа. Больше половины доходов у нас уходит на выплаты по кредитам.
- Но взносы по кредитам должны быть как можно меньше, —решилась я на новую попытку
- Да что ты понимаешь в кредитных договорах!? не выдержал папа.
- Ну, во всяком случае, моя дочь разбирается в том, как зарабатывать, — поспешила мне на помощь мама.
- Ей просто-напросто повезло, съехидничал папа.
- А наш учитель истории всегда говорит, заметила я, что при ближайшем рассмотрении везение оказывается ничем иным, как результатом тщательной подготовки и усердной работы.

Папа глядел на меня задумчиво. Похоже, я всетаки задела в нем какую-то струнку. Кстати, надо отметить, что мой папа, в сущности, очень хороший человек. Только у него, к сожалению, есть плохая привычка делать всех и вся ответственными за свое положение. Поэтому он чувствует себя жертвой и считает, что другим просто везет. Но сейчас его позиция чуть-чуть поколебалась.

— Один бизнесмен, которому я поставляю товар, тоже что-то говорил о везении. Как это... Ага, он говорил: «Один раз везет только дуракам. Умным везет всегда». Тогда я не понял, какое отношение имеет везение к уму. А теперь вижу в этом смысл. Если везение — результат подготовки и работы, то мне везет тем больше, чем больше я готовлюсь и работаю.

Мама не успевала следить за его мыслью:

— И как же ты готовишься к тому, чтобы зарабатывать больше? — спросила она у меня.

Я рассказала про журнал успеха, в котором делаю записи каждое утро. И как будто мимоходом упомянула о том, что шофер и другие служащие господина Гольдштерна делают то же самое.

- Что это им дает? не понял папа.
- Сколько мы зарабатываем, зависит от нашей уверенности в себе. А уверенность в себе зависит от того, на чем мы концентрируемся: на том, что можем сделать, или на том, чего сделать не можем. Без моего журнала успеха я бы не начала думать о том, где и как могу зарабатывать.

Папа тихонько кивал головой. Я бы не удивилась, узнав, что он уже начал втайне вести свой собственный журнал успеха. Но, конечно, он бы не решился так сразу в этом признаться.

Я почувствовала, что сейчас он готов понять мою идею, и спросила:

- Папа, а почему бы тебе не поговорить о своих финансах с господином Гольдштерном?
- Не думаю, чтобы ему это было интересно, засомневался он.
- Я однажды уже говорила с ним об этом, заторопилась я, и он сказал, что был бы этому рад. —

 $\rm M,$ чтобы облегчить папину задачу, добавила: — Это позволит господину Гольдштерну сделать для тебя что-нибудь в благодарность за то, что мы приютили его собаку.

— Но о деньгах не говорят, — процитировала мама одну из тех банальных поговорок, которые помнила еще с той поры, когда сама была ребенком.

Я не сдавалась:

— Вы когда-нибудь задумывались, как часто за этим самым столом говорили о денежных проблемах? И всегда речь шла о том, чтобы найти выход лишь на короткое время. Было бы разумнее однажды поговорить о настоящем, долгосрочном решении этого вопроса.

Мама и папа многозначительно переглянулись. Если бы я совсем еще недавно сказала что-либо подобное, у нас уже бушевала бы настоящая гроза. Но теперь родители начали принимать меня всерьез. Они по-настоящему прислушивались к моим словам и задумывалис над ними. А я поняла, как важно уметь зарабатывать деньги и правильно с ними обращаться, если хочешь, чтобы к тебе относились серьезно.

Мама первой согласилась на разговор с господином Гольдштерном. Думаю, это потому, что она до сих пор не была с ним знакома и ей было попросту любопытно. Итак, я позвонила ему и договорилась о встрече с моими родителями.

В душе я ликовала. Теперь можно быть уверенной, что господин Гольдштерн поможет им. То есть, мысленно поправилась я, он покажет им, как они сами могут себе помочь.

Вогвращение госпожи ПСрумпф

Наступил день, когда госпожа Трумпф должна была приехать домой. Я все устроила так, чтобы присутствовать при ее возвращении. Хотелось подготовить ее к сообщению о случившемся. Были там и двое полицейских. Они тоже выяснили дату ее приезда и поджидали старушку, чтобы выполнить некоторые формальности.

Она на удивление спокойно выслушала сообщение о случившемся. Вот первое, что она сказала, услышав о взломе:

— Глупые ребята! Лучше бы пошли на биржу. Денег там можно получить больше, чем у меня.

Она замечательная женшина!

Полицейские рассказали ей — и даже с преувеличениями — о проявленном Марселем, Моникой и мною мужестве, и показали ту газетную статью, где описывалось происшедшее. Потом они передали ей список сокровищ из подвального сундука, которые хранились в полицейском сейфе.

Госпожа Трумпф была тронута и сердечно благодарила меня. Когда полицейские ушли, мы смогли поговорить с ней без помех

- Почему вы пошли на риск и держали так много денег и золота в доме? не терпелось мне узнать.
- Тому есть много причин, ответила старушка. Во-первых, иногда мне хочется с ними поиграть. Мне нравятся золото и наличные деньги. Она испытующе глянула на меня.

Я не была уверена, что хорошо так любить деньги. И что она так открыто в этом признается. Но потом я

- Во-вторых, это своего рода запас на черный день. Что бы ни случилось, в моем сундуке лежит достаточно, чтобы прожить несколько лет.
- Это даже многовато для запаса на черный день,
 рассмеялась я.
- Это зависит от того, сколько всего денег у человека, объяснила госпожа Трумпф. Глупостью было бы держать в доме больше, чем пять-десять процентов своих средств.

Я даже тихонько присвистнула. Это сколько же всего у нее денег!

— В-третьих, большая часть моих денег вложена в акции. В этом есть известный риск. Поэтому имеет смысл держать некоторую сумму наличными. Я когда-нибудь объясню тебе это подробнее.

Похоже, старушка вовсе не торопилась браться за уборку. Ей больше хотелось поговорить.

- Но теперь их чуть не украли, напомнила я.
- Было бы очень жаль, если бы их в самом деле украли. Ведь ворам недолго пришлось бы радоваться, уверенно сказала она.
- Но у них оказалось бы ваше сокровище, удивилась я. Почему же им не пришлось бы радоваться?
- Трудно объяснить. Ну, скажем так: деньги остаются только у того, кто к этому готов. А тот, к кому они попали незаконно, будет с деньгами чувствовать себя даже хуже, чем без них.
- Этого я не понимаю, в замешательстве сказала я. Почему же тогда взломщики затеяли все это? Госпожа Трумпф задумалась на мгновение:
- Потому что они думают, что сумеют изменить свое положение, если у них будет больше денег.
- Мои родители тоже так думают, заметила я. Они убеждены, что жизнь станет прекрасной, если у них исчезнут денежные проблемы.
- Значит, твои родители делают ту же ошибку, что и многие другие. Тот, кто хочет, чтобы у него была более счастливая и наполненная жизнь, должен изменить самого себя. Деньги сами по себе этого не обеспечат. Они никого не делают счастливым или несчастным. Они не хороши и не плохи. Только когда деньги принадлежат кому-либо, они оказывают на владельца хорошее или плохое влияние. И он использует их в хороших или не очень хороших целях. Счастливый человек с деньгами станет еще счастливее. Пессимист, который из всего делает проблему, с деньгами получит еще больше проблем.
- А мама всегда говорит, что деньги портят характер, возразила я.
- Деньги выявляют характер владельца, объяснила госпожа Трумпф. Они как увеличительное стекло. Деньги помогают нам сильнее проявить себя. Хороший человек с помощью своих денег сделает много добрых дел. А взломщик, скорее всего, потратит их на всякую ерунду.

Я задумалась над словами госпожи Трумпф. Мне деньги помогли. Я получила признание со стороны

родителей и Марселя, кассирши в банке госпожи Хайнен, господина Гольдштерна и семьи Ханенкамп. И я сама начала уважать себя. У меня появилась возможность беседовать с интересными людьми. Моя жизнь стала гораздо увлекательнее. Я стала о многом задумываться. В общем, я стала счастливее и увереннее в себе.

Госпожа Трумпф, как будто прочитав мои мысли, сказала:

— Деньги могут очень во многом помочь и даже переменить всю жизнь, подняв ее на более высокий уровень. Они поддерживают все другие области жизни. С деньгами легче добиться исполнения мечты и достичь своих целей. Но это касается как хороших, так и плохих целей.

Я решила, что мне деньги помогли потому, что и цели мои были хороши. Только теперь я поняла понастоящему, почему Мани с самого начала настаивал, чтобы я точно определила свои цели. Теперь я была убеждена, что деньги не испортят мой характер.

Я благодарно посмотрела на Мани, который удобно устроился у моих ног, чтобы поспать.

А старушка вернулась к прежней теме:

— Итак, часть моих наличных денег я держу в сундуке. Другая часть лежит в банковском сейфе. Так что кража не смогла бы вызвать у меня больших трудностей.

Внезапно она сказала:

- Я хочу всех вас поблагодарить. Но я хочу сделать это так, чтобы оказать влияние на всю вашу жизнь. Поэтому предлагаю, чтобы ты и твои друзья основали вместе со мной инвестиционный клуб.
 - Основали что? не поняла я.
- Это значит, что мы вместе будем вкладывать это называется инвестировать деньги. Каждый вносит в общий котел, например, по двадцать пять евро в месяц, и мы все вместе инвестируем эти деньги. Я пришла в восторг:
- Вы покажете нам, как получать золотые яйца от наших курочек! воскликнула я.

Теперь в замешательство пришла госпожа Трумпф. Поэтому я рассказала ей сказку о курице, несущей золотые яйца. Сказка произвела на старушку большое впечатление.

— Эта история очень точно описывает то, что делаю я, — обрадовалась она. — Правда, мне пришлось нелегко, пока я этому научилась. Ты даже не представляешь, как тебе повезло, что ты так рано учишься правильному обращению с деньгами.

Ее слова заставили меня вновь испытать гордость. Я посмотрела на Мани, который легонько вилял в полусне хвостом, и решила, что похвалу госпожи Трумпф завтра утром запишу в журнал успеха. Вообще я все чаще стала ловить себя на том, что уже в течение дня примечаю все свои успехи. Если раньше мне в первую очередь приходило в голову, почему что-либо не получится, то теперь я гораздо сильнее концентрировалась на том, что должно получиться. Я стала искать пути решения проблемы, а не извинения за неудачи.

Я с удовольствием послушала бы немедленно рассказ госпожи Трумпф об инвестиционных клубах, но она хотела объяснить это всем троим вместе. И я пообещала договориться с Марселем и Моникой о

(5)

встрече, на которой мы вместе с госпожой Трумпф создадим наш инвестиционный клуб.

Перед тем, как попрощаться, она дала мне семьдесят евро. По пять евро за каждый день, что я заботилась о Бианке. Я сразу побежала с Мани в банк, чтобы половину этих денег положить на счет «золотой курицы».

Едва мы вошли в здание банка, мне навстречу вышла госпожа Хайнен. Она прочитала про нас в газете и хотела поздравить меня и сказать, как она мной гордится. У нее начинался обеденный перерыв, и госпожа Хайнен пригласила меня на стакан лимонада. Я охотно согласилась и пошла вместе с ней.

— Твой счет, однако, здорово вырос, — одобрила она меня. — Мне нравится, как разумно ты распоряжаешься деньгами. Ты, конечно, зарабатываешь меньше, чем взрослые. Но зато экономишь куда больше, чем многие.

Я слегка покраснела от удовольствия. Приветливая кассирша на мгновение задумалась:

- A что ты делаешь с теми деньгами, которые не кладешь в банк?
- Я делю их на пять частей. Одна часть на мелкие расходы, а по две части я кладу в каждую из моих копилок мечты. Иначе я не смогу поехать в Сан-Франциско и купить себе компьютер.

Госпожа Хайнен была довольна:

— Твоя система еще разумнее, чем я думала. Погоди минутку, мне нужно позвонить.

Возвращаясь, она сияла и сообщила с таинственным видом:

— Кира, мне кажется, о твоей системе должны узнать все дети. Это может очень облегчить и украсить их жизнь. Я уже подумала о том, как можно посвятить в твою систему как можно больше детей. Я—член родительского совета в школе, где учатся мои дети. Через несколько дней там состоится большое мероприятие для всех учеников и их родителей. Это подходящий момент, чтобы рассказать о твоей системе. Я позвонила директору школы по этому поводу. Он согласен.

Я непонимающе смотрела на госпожу Хайнен.

 Ты должна выступить перед ними, — объяснила она.

От одной мысли, что я должна войти в полный людей зал и выступить перед ними с докладом, меня бросило в жар. Уши у меня горели, а в животе что-то сжималось.

— Ни за что! — решительно заявила я. — Я умру от страха. — Госпожа Хайнен засмеялась. — И потом, я понятия не имею, о чем говорить.

Но ее не так-то легко было сбить с толку. Она задумчиво посмотрела в окно.

— Видишь ли, — сказала она через некоторое время, — благодаря моей работе я знаю, как большинство людей обращается со своими деньгами. Многие и сами рассказывают мне об этом. Ты не поверишь, если я скажу, сколько забот и страданий вызвано тем, что люди не научены правильному обращению с деньгами. Конечно, деньги — не самое важное в жизни. Но если их постоянно не хватает, они становятся невероятно важными. Такими важными, что из-за их нехватки страдают все остальные области жизни. Люди буквально заболевают, они чувствуют себя из-

мученными и никому не нужными, разрушаются их связи с близкими. И нет никого, кто бы научил их, как легко можно превратить деньги в помощника. Уже в школе обращение с деньгами должно было бы преподаваться отдельным предметом, — госпожа Хайнен вздохнула, — но такого предмета не существует. Поэтому очень важно, чтобы твоя система помогала не только тебе.

После этих слов я почувствовала облегчение. Я ведь и сама уже увидела, насколько интереснее стала моя жизнь с тех пор, как я начала по-новому обращаться с деньгами. И все же я была уверена, что никогда не сумею произнести речь.

- Я не смогу произнести ни слова, с отчаянием сказала я.
- А как тебе понравится такое предложение: мы с тобой вместе выйдем на сцену. Я буду задавать тебе вопросы, и ты ответишь на них. Тебе надо будет рассказывать только о том, что ты сама пережила. А если ты вдруг собъешься, я смогу вмешаться и помочь тебе.

Я все еще сомневалась:

- А почему бы вам не рассказать все это самой? Вы ведь хорошо разбираетесь в деньгах, если работаете в банке.
- Потому, что твой рассказ произведет намного большее впечатление, ответила госпожа Хайнен. Мой рассказ дети воспримут как нудную старомодную болтовню работницы банка. А на твое место они легко могут поставить самих себя. Ты делаешь то, что могут делать, в сущности, все дети.
- И все-таки я, наверное, не сумею, возразила я. Слишком уж я этого боюсь.
- Я была бы очень рада, если бы ты еще подумала об этом. Никто не может заставить тебя делать то, чего ты не хочешь. Только ты сама можешь себя заставить.

Я попрощалась и ушла из банка, раздумывая над словами госпожи Хайнен, и особенно над последней фразой. «Ты сама можешь себя заставить». Но почему я должна себя заставлять?

Подходя к дому Ханенкампов, я все еще была погружена в свои мысли. Я намеревалась забрать Наполеона на прогулку. Но оказалось, что у него воспалилась и требует лечения лапа. Господин Ханенкамп угостил меня пирогом, испеченным его женой. Пахло от пирога умопомрачительно. Я проглотила целых три куска, но говорила мало.

- Ты что-то сегодня молчалива, - заметил старик. - Что-то случилось?

Я рассказала о предложении госпожи Хайнен и о своем страхе.

- А я на твоем месте согласился бы, решительно заявил господин Ханенкамп.
- Но вы же сами говорили, что всегда делали только то, что доставляло вам удовольствие.
- Вот именно, ответил он. У меня была страсть фотографирование. Поэтому я бросил учебу и тринадцать лет бродил по миру. Это было чудесное время. Но зарабатывал я немного. Потом мне захотелось узнать, гожусь ли я на что-либо как бизнесмен, и я открыл собственную фотостудию. Через несколько лет я выгодно продал ее и купил маленький отель на Карибском море. Вернувшись в Европу, я занялся торговлей недвижимостью и тоже успешно.

Только одного я никогда не умел — хорошо вкладывать деньги. Но это любит и умеет делать моя жена.

Удивительно, сколько всего успел этот человек. Он, наверное, прожил очень интересную жизнь.

- Но ведь это только подтверждает ваши слова: вы всегда делали только то, что вам хотелось.
- Хотелось, да, согласился он. Но почти всегда это желание было смешано с изрядной порцией страха. Или ты думаешь, мне так легко было бросить учебу и уехать из дома? У меня даже живот болел от страха. А потом я боялся попробовать себя в мире бизнеса с его жесткими правилами.

Он пронзительно посмотрел на меня:

— Самых больших успехов в жизни я добивался, делая именно то, чего боялся...

Я недоверчиво смотрела на него. Делать только то, что доставляет удовольствие, было намного приятнее и, самое главное, гораздо легче.

— Посмотри на мою жену, — продолжал старик. — В молодости она была очень красива. А я никогда не выглядел привлекательно. Я впервые увидел ее в поезде и сразу влюбился. Я понимал, что, если не заговорю с ней сейчас, то мы вряд ли еще когда-нибудь встретимся. Вагон был полон, и мы сидели друг напротив друга. Наверное, никогда в жизни я не испытывал большего страха, чем тогда, начиная разговор с ней на глазах у множества людей. На следующей станции мне нужно было выходить, и времени до остановки оставалось немного. Я чуть не умер: что, если она отвергнет меня! И вокруг столько свидетелей. Так опозориться! Но я решился. И посмотри, как я был за это вознагражден. Она — самое ценное в моей жизни

Он ласково погладил руку жены. А госпожа Ханенкамп добавила:

Самые дорогие подарки мы делаем себе сами.
 Мир открывает все двери перед тем, кто преодолеет в себе страх неудачи.

Они, вероятно, были правы, но отвратительное ощущение у меня в желудке возникало вновь и вновь, стоило только подумать о множестве слушателей.

Господин Ханенкамп сказал:

- Кира, представь себе, что ты совсем не боишься. И даже ни капельки не нервничаешь. Хотелось бы тебе в таком случае рассказать твою историю? Доставил бы твой рассказ удовольствие тебе самой? Я вспомнила, как часто за последнее время я рассказывала сказку о курице, несущей золотые яйца. Мне это всегда приносило радость. Поэтому я ответила:
- Когда меня слушают один-два человека, мне действительно нравится рассказывать.
- Значит, ты должна сделать лишь то, что можешь сделать. Кто может общаться с двумя собеседниками, сможет общаться и с двумя сотнями. И только твой страх мешает тебе сделать то, что могло бы доставить тебе удовольствие, торжествовал господин Ханенкамп. Но ты будешь расти только в том случае, если преодолеешь этот страх.

Я вспомнила, как боялась спускаться в подвал госпожи Трумпф. И как гордилась потом, когда все было позади. Но даже это не помогло мне избавиться от страха сейчас.

— Жизнь бывает иногда такой сложной, — вздохнула я.

— И такой прекрасной! — госпожа Ханенкамп задумчиво гладила руку супруга.

И у меня снова появилось ощущение, что они очень счастливы друг с другом. На их примере легко было учиться.

Большой кригис

Вернувшись домой, я сразу заметила, что у нас не все в порядке. Папа взволнованно расхаживал по комнатам, а мама сидела, согнувшись над кухонным столом, и горько плакала. Мани на всякий случай спрятался в саду, в кустах. Когда я пришла, он тут же направился в дом следом за мной.

Я тихонько спросила о причине всего этого. Вместо ответа мама только всхлипнула еще громче. А папа сделал трагическое лицо и сказал:

- Ты ведь знаешь, что мы брали кредит на покупку нашего дома. И вот уже несколько месяцев мы не можем уплатить очередные взносы. Сегодня пришло очень сердитое письмо из банка. Если мы не заплатим до назначенного срока, договор о кредите будет расторгнут.
 - И что тогда будет? спросила я.
- Тогда у нас отберут дом. А мы, конечно, не можем достать так много денег.

У папы в глазах стояли слезы. Казалось, он в любой момент тоже готов разрыдаться.

- Тогда нам придется снова перебираться в маленькую квартирку. Какой позор! жалобно всхлипнула мама.
- И больше уж никогда в жизни нам не избавиться от долгов, папа видел будущее в мрачных красках.
- И мы вынуждены будем во всем себя ограничивать, плача, добавила мама.
- Этого не случится, попыталась я их успокоить. Но я чувствовала, что многого сейчас не добьюсь. Поэтому я взяла Мани и отправилась с ним в лес. Мне очень нужен был его совет.

Мы пробрались в наше убежище. Ах, как давно Мани преподал мне на этом месте первые уроки обхождения с деньгами. Сколько же изменилось с тех пор.

- Ты очень многому научилась за это время, услышала я голос Мани.
- Хорошо, что я вновь могу поговорить с тобой,
 сказала я и ласково обняла его.
- Я должен говорить с тобой лишь до тех пор, пока ты во мне нуждаешься, ответил лабрадор.
- Но теперь я очень нуждаюсь в тебе, решительно заявила я.
- На самом деле ты во мне вообще больше не нуждаешься. Большую часть знаний о деньгах ты получаешь из разговоров с состоятельными людьми. А это самые лучшие учителя. Тебе не хватает только одного урока: как можно вкладывать деньги. Но вокруг тебя достаточно людей, которые охотно взялись бы помочь тебе. Я должен лишь указать тебе направление, и ты справишься сама.
- Да-да, но сейчас важно не это, возразила я. —
 Мне нужна твоя помощь, иначе мы потеряем дом.
- Какая чепуха! Мани сморщил нос и верхнюю губу, как будто ему предстояло съесть нечто отвра-

тительное. — Ты ведь сделала уже самое главное — договорилась на завтра о встрече твоих родителей с господином Гольдштерном. Он сумеет все привести в порядок. Я совсем забыла об этом. Несомненно, этому- человеку я могу доверять. Уж он, конечно, сумеет помочь моим родителям.

— Думаю, сейчас ты нашла еще один важный аргумент, чтобы стать богатой, — предположил Мани.

Я недоуменно смотрела на него.

- Чтобы стать человеком, который может помочь другим и от которого люди охотно принимают помощь, потому что доверяют ему, пояснил Мани свою мысль.
- Ты считаешь, что я могу стать такой же, как господин Гольдштерн? ошеломленно спросила я.
- И да, и нет, ответил он. Да, потому что ты можешь достигнуть всего, чего захочешь. И нет, потому что ты будешь не совсем такой, как господин Гольдштерн, твоя личность будет развиваться самостоятельно. Но ты можешь стать не менее преуспевающей, чем он, если будешь продолжать начатое.

Я была ошарашена. Мне и во сне не могло такое присниться. Но Мани, наверное, знает лучше. Я решила, что завтра непременно запишу его слова в журнал успеха. Это ведь самая большая похвала, которую я слышала в своей жизни. Я могу стать такой же преуспевающей, как господин Гольдштерн. Какая мысль!

- Это зависит только от того, что ты решишь, чего ты захочешь.
- Принять решение несложно, не раздумывая, сказала я.
- Конечно, большинство людей ответили бы так же. Но не все из них готовы делать все необходимое. Они не готовы платить за достижение своей цели.
 - И что же я должна делать?
- То же самое, что ты уже делаешь. Важно, чтобы ты не перестала делать записи в журнале успеха, достигнув некоторых успехов в жизни.

Я заверила, что и не собираюсь останавливаться.

— Это не так легко, как ты сейчас думаешь, — проникновенно сказал Мани. — Успех часто делает человека заносчивым. Но если ты станешь заносчивой и надменной, то перестанешь учиться. А кто прекращает учиться, тот перестает и расти как личность.

Он остановился, давая мне время лучше понять его слова, затем продолжил:

- До тех пор, пока ты продолжаешь вести журнал успеха, ты больше размышляешь о себе самой, о мире и о закономерностях успеха. В результате ты все лучше понимаешь себя и свои желания. А это делает тебя способной понимать и других. До конца понять себя самого и тайны вселенной это идеал, которого никогда нельзя достичь полностью. Но к нему можно понемногу приближаться.
- Но мне доставляет огромное удовольствие вести мой журнал успеха, вслух подумала я.
- Хорошо! голос Мани звучал очень серьезно. Но, кроме того, ты не имеешь права уходить от трудностей. Страх перед трудностями, ошибками или неудачами испортил жизнь очень многим людям.

Я покраснела:

— Есть кое-что, чего я очень боюсь. Не помогло даже то, что госпожа Хайнен и супруги Ханенкамп

очень уговаривали меня согласиться, — и я рассказала Мани о предложении кассирши из банка. — Я знаю, что нужно выступить на этом собрании. Просто я слишком боюсь. Я не смогу.

Мани ответил загадочно:

— Пойдем, принесем твой журнал успеха.

Сказав это, он скрылся в кустах. Я озадаченно поспешила вслед за ним. Хотя я бежала так быстро, как только могла, догнать его мне не удалось. Мани пришел домой намного раньше меня. Я торопливо схватила журнал, и мы снова побежали в лес. До укрытия я добралась, окончательно запыхавшись.

Когда я немного пришла в себя и отдышалась, Мани заговорил:

— Если ты думаешь, что не справишься с чем-то, нужно просто полистать журнал успеха и поискать в своем прошлом доказательства того, что ты и в будущем со всем сможешь справиться.

Я просмотрела записи в журнале. Чего я только ни боялась, а потом оказывалось, что это было совсем просто: когда я предложила господину Ханенкампу гулять с Наполеоном, когда познакомилась с господином Гольдштерном. И в подвал страшно было идти, и что мама вновь посмеется надо мной, как тогда, когда она нашла мои копилки мечты. А как я боялась потерять Мани...

 — А тебе не кажется, что ты способна сделать куда больше, чем иногда думаешь? — допытывался Мани.

Необыкновенно! Я и в самом деле впервые почувствовала, что уже не так сильно боюсь выступать на собрании. Чем больше я вспоминала, чего уже достигла, тем увереннее становилась. Вдруг я заметила, что не испытываю больше парализующего страха, а просто волнуюсь и нервничаю, думая о своей речи. Но теперь я была уверена, что выступление мне по силам.

Мани внимательно наблюдал за мной.

— Это похоже на колдовство, — удивилась я. — Только что я была убеждена, что никогда не смогу выступить. А теперь мне этого даже хочется. Хотя я, конечно, буду очень нервничать.

Настроение у меня поднялось. Госпожа Хайнен и старички Ханенкампы определенно будут гордиться моим решением.

Мани радостно лизнул меня в лицо. Мне все еще не удалось отучить его от этой привычки и, наверное, никогда не удастся.

Я никак не могла понять, что же случилось. Это было похоже на самое настоящее волшебство.

- Как же это может быть? воскликнула я.
- Страх появляется, когда мы представляем себе, что задуманное не удастся. Чем больше мы раздумываем, что может выйти плохо, тем больше боимся, засмеялся он. Но когда ты читаешь свой журнал успеха, ты сосредоточиваешься на своих достижениях. И тогда ты начинаешь представлять себе, как все хорошо получится. Мне все еще казалось, что я чегото не поняла. И Мани еще раз подвел итог своим объяснениям:
- Если ты думаешь о позитивных целях, страх просто не может появиться.
- Понять это как следует я не могу, я пожала плечами. — Но это, наверное, как с электричеством. Достаточно знать, что оно существует и работает.

Мани согласно прищурил глаза.

Мы выбрались из укрытия, но на этот раз мы больше никуда не спешили.

Перед сном мне нужно было еще многое сделать. Следовало успокоить родителей. Когда я напомнила им о завтрашней поездке к господину Гольдштерну, мама перестала плакать. Потом я позвонила Марселю и Монике и рассказала им о предложении госпожи Трумпф основать вместе с нами инвестиционную группу.

Следующим утром симпатичная женщина-шофер заехала за моими родителями. Господин Гольдштерн сказал, что будет лучше, если он поговорит с ними без меня. Я не знаю точно, о чем они разговаривали и что решили. Родителей не было очень долго. Но, вернувшись, они выглядели совершенно счастливыми.

Мне они сказали только, что господин Гольдштерн добился для них отсрочки платежей на несколько месяцев и снижения ежемесячных взносов на тридцать два процента. Поэтому у нас будет оставаться больше денег на жизнь. Родители решили половину из этих тридцати двух процентов откладывать на черный день, а вторую половину использовать на то, чтобы выкормить собственную золотую курицу.

Мы все трое радостно обнялись. Потом я приласкала Мани. Мама и папа не поняли, что это моя благодарность Мани. А я долго гладила его красивую белую шерсть, и он молча наслаждался этим. А потом снова лизнул меня прямо в лицо...

Идя в свою комнату, я была настроена празднично. Я вынула из журнала успеха список желаний. Там значилось: одна из самых главных целей — помочь родителям справиться с долгами. И я это сделала — правда, с помощью господина Гольдштерна, но ведь их встречу организовала все-таки я. Я торжественно достала красный карандаш и поставила большую галочку. Потом я сделала внеочередную запись в журнале успеха. Но и этого мне казалось недостаточно. Тогда на последней странице журнала я большими буквами вывела заголовок: «МОИ САМЫЕ КРУП-НЫЕ УСПЕХИ». Под заголовком я написала:

«1. Помогла родителям, чтобы они не страдали больше из-за долгов и одновременно начали откладывать деньги».

Затем, полная гордости, я заглянула в мои копилки мечты. Да, осталось совсем недолго. Скоро я смогу их «разбить». С ума сойти!

Uнвестиционный клуб

После обеда Моника, Марсель и я — и, конечно же, Мани — встретились у госпожи Трумпф. К нашему приходу старушка накрыла зеленой скатертью круглый стол и поставила на него старинный подсвечник с шестью зажженными свечами, что придало всему вокруг какой-то праздничный вид. Каждому из нас было приготовлено место, где лежали маленькая папка и конверт.

Госпожа Трумпф попросила нас пока ничего не трогать. Мы с огромным интересом ждали, что же произойдет дальше.

— Мы открываем наше первое инвестиционное заседание, — торжественно произнесла госпожа Трумпф. — И прежде всего нам необходимо придумать название для нашей группы.

Ее предложение упало на благодатную почву. Идей у нас было множество. От «Денежного амбара» и «Золотой курочки» до «Учеников волшебника» и «Дукатовых чертенят». Были и другие предложения: «Инвестиционная команда мечты», «Золотая четверка», «Денежная ракета» и «Кимамо Трумпф». Загадочное на первый взгляд слово «кимамо» состояло из первых двух букв наших имен.

В конце концов мы решили, что лучшую идею подала Моника: «Денежные чародеи». Мы уже поняли, что деньги появляются как будто из ничего, если только знать нашу волшебную формулу:

- решить, что ты любишь деньги и хочешь, чтобы они у тебя были;
- верить в себя, обладать идеями и делать то, что любишь;
- распределять деньги на повседневные расходы, исполнение желаний и на счет «золотой курицы»;
 - разумно вкладывать деньги;
 - уметь всем этим наслаждаться.

Мы взяли приготовленные карандаши и написали на наших папках: «Денежные чародеи» и свои имена. Марсель рассмеялся. Его развеселили карандаши, которые писали золотом. Следом рассмеялись и остальные. Госпожа Трумпф подумала обо всем.

Теперь она разрешила нам открыть папки. На первой странице мы записали нашу волшебную формулу. После этого она очень серьезно сказала:

- Для того, чтобы быть уверенными в успехе нашей инвестиционной группы, нам нужны определенные правила. Я записала их на второй странице. Мы перевернули страницу и прочитали:
 - 1. Встречи проводятся один раз в месяц.
 - 2. Присутствие на них обязательно.
 - 3. Каждый приносит с собой свою долю наличными.
- 4. Изымать свой вклад нельзя, так как мы хотим, чтобы наша «золотая курочка» росла.
 - 5. Все решения принимаются коллективно.

Мы назначили день, когда будем проводить наши ежемесячные встречи и решили, что каждый будет вносить по пятьдесят евро в месяц. Эта сумма по силам нам всем. Марсель и я очень неплохо зарабатывали, а Моника получала много карманных денег. Мы должны все вместе открыть счет, которым только вместе и сможем распоряжаться.

Все решения мы записали. Но неожиданности на этом не кончились. Госпожа Трумпф сказала:

— Я долго думала, как мне отблагодарить вас за вашу смелость. В конце концов мне пришло в голову, что первый взнос за вас всех сделаю я. Это мой вам подарок. Теперь вы можете открыть конверты.

Повторять дважды не пришлось. Мы не верили своим глазам: в каждом конверте лежало по пять пятисотевровых купюр. Как бы мы ни представляли себе ее благодарность, на такую сумму никто из нас не рассчитывал. У меня даже голова слегка закружилась. Я никогда еще не видела такой кучи денег.

— Мы не можем принять такого подарка, — нерешительно сказал Марсель.

— Ведь мы ничего особенного не сделали, — поддержала его Моника.

Госпожа Трумпф смотрела на это иначе:

— Вы оказали мне огромную услугу. Если бы украли деньги, это меня бы не слишком расстроило. Но украшения, которые подарил мне мой муж, мне очень дороги. Когда я их надеваю, мне всегда вспоминаются самые прекрасные мгновения, которые я пережила вместе с моим мужем.

Мне было неловко, но я чувствовала, как важно для госпожи Трумпф подарить нам эти деньги. Поэтому я просто встала и обняла ее. Наверное, ее давно уже никто не обнимал, потому что она была очень тронута. Моника сразу же присоединилась ко мне. Я кивнула Марселю, и он, помедлив, тоже последовал нашему примеру.

Поблагодарив госпожу Трумпф, мы вновь уселись за стол. Старушка выглядела очень довольной. Мы долго разглядывали пятисотевровые купюры. Целое состояние!

- Итак, мы можем вложить десять тысяч евро, подвела итог госпожа Трумпф, которая тоже хотела внести свои две с половиной тысячи. Плюс к этому по пятьдесят евро в месяц от каждого из нас, то есть всего двести евро. Это две тысячи четыреста евро в год. Через шесть лет у нас будет двадцать четыре тысячи евро. Но, поскольку мы хотим вложить эти деньги, на самом деле будет больше.
 - Сколько же? хотела знать Моника.
- Это я скажу позже, ответила старушка. А теперь нам нужно торопиться в банк, чтобы открыть совместный счет и положить на него наши деньги. Кто знает симпатичного банкира?
- Я знаю! сразу же сказала я. Ну, кто же может быть лучше, чем госпожа Хайнен?

Мы взяли свои деньги и пошли в банк. Ну, и удивилась же госпожа Хайнен, когда каждый из нас положил на стол по две с половиной тысячи евро! Нашу затею она нашла замечательной. Она сделала так, чтобы счет назывался «Денежные чародеи». И на выписках из счета тоже будет стоять это название. Когда все уже собрались уходить, я еще на минутку задержалась, чтобы кое-что сообщить госпоже Хайнен. Я рассказала ей о моем решении выступить на школьном собрании.

Кассирша с гордостью посмотрела на меня. Мы договорились, что в один из вечеров она придет ко мне домой, чтобы прорепетировать со мной выступление.

Я побежала следом за остальными и вскоре догнала их. Как было чудесно всем вместе идти по улице. Мы — денежные чародеи. Моника предложила, чтобы мы так друг друга и называли. Марселю это показалось уже слишком, но Моника настояла на своем.

По возвращении в «ведьмину избушку» начался наш первый урок. Нужно было решать, как мы хотим вложить наши деньги.

Когда мы сели за стол, госпожа Трумпф начала:

— Вкладывать деньги намного легче, чем думают многие. Ведьмы, в сущности, должны учитывать всего три обстоятельства. Я записала их на третьей странице.

Мы открыли папки на третьей странице и прочитали:

- 1. Мои деньги должны быть вложены с наименьшим риском.
- Ясно, сказал Марсель, иначе плакали наши денежки.
 - Вот именно, подтвердила госпожа Трумпф.
 - Я прочитала следующий пункт:
- 2. Мои деньги должны принести много золотых яиц.

Госпожа Трумпф объяснила:

— Мы хотим, конечно, получить как можно больше процентов. Значит, нужно поискать, кто платит самые высокие проценты. Причем нужно сказать, что максимальные прибыли приносят акции.

Не хватало лишь последнего пункта:

- 3. Наши вложения должны быть хорошо понятны.
- И их должно быть легко получить обратно, дополнила я.
- Как с банковского счета, добавила госпожа Трумпф. Все должно получиться легко, словно играючи.

Моника нашла это особенно важным. Она втайне побаивалась, что не все сумеет понять.

- Значит, вложим деньги в акции, заключил Марсель.
- А что такое, собственно говоря, акции? осведомилась Моника.

Марсель пренебрежительно посмотрел на нее:

Это же известно каждому ребенку!

Госпожа Трумпф поглядела на него:

- Ну что же, будь так любезен и объясни это Монике
- Запросто, начал Марсель. Акции это когда: э-э: ну, когда человек на бирже: э-э: ну, когда человек спекулирует:

Тут он густо покраснел и замолчал.

Старушка весело сказала:

— Это проблема и для многих взрослых. Все чтонибудь слышали об акциях, но лишь немногие точно знают, что же это такое.

Должна признаться, что, кроме самого слова «акции», я вообще ничего об этом не знала.

- Представь себе, продолжала старушка, что Марсель для своего предприятия по доставке булочек хочет купить компьютер за две с половиной тысячи евро. Это бы очень облегчило ему работу и сберегло много времени. Но тратить свои собственные деньги на это он не хочет. В таком случае он берет деньги в долг. Это можно сделать в банке. Тогда это называется взять кредит. Кредит нужно возвратить, да еще и платить за него проценты. А если возвращать ничего не хочется, то есть и другая возможность: спросить у вас обеих. Он предлагает вам дать деньги для его фирмы. При этом Марсель ничего вам не вернет и не станет платить проценты. Предположим, каждая из вас даст ему по восемьсот евро.
- Почему это мы дадим ему денег? озадаченно спросила Моника.
- Вот здесь кроется самое интересное, ответила госпожа Трумпф. Вы дадите ему деньги, потому что вам это выгодно. Если вы в результате станете компаньонами Марселя, это имеет смысл.
 - A как это может выглядеть? заинтересовалась я.
- Например, вы можете договориться, что каждому из вас будет принадлежать по десять процентов

его фирмы. Фирма Марселя стоит, скажем, десять тысяч евро.

- А откуда мы узнаем ее стоимость? спросила я.
- Цена целиком и полностью зависит от того, сколько люди готовы за что-то заплатить, объяснила госпожа Трумпф.

У Марселя тут же появилась идея:

— Может быть, мою фирму купит другой пекарь, чтобы получить новых клиентов. Ведь они станут покупать у него не только булочки. Значит, ему это окажется выгодным.

Госпожа Трумпф согласно кивнула.

- Ты размышляешь, как настоящий бизнесмен, похвалила она его. Марсель просиял. А госпожа Трумпф продолжала:
- Если он захочет продать свою фирму и кто-то заплатит за нее десять тысяч евро, то Марсель получит свои восемьдесят процентов, то есть восемь тысяч. И каждая из вас получает свои десять процентов, то есть тысячу евро.
- Значит, я получу на двести евро больше, чем дала ему, обрадовалась Моника.
- Какая ты сообразительная, хихикнул Марсель, а Моника осуждающе посмотрела на него.
- Но получается, рассуждала я, что я заработаю на всей этой истории, только если фирма будет продана?
- Не совсем так, возразила госпожа Трумпф. Может быть, кто-то захочет купить твою долю. Тогда ты сама назначишь цену, за которую согласишься ее продать. Ведь покупают лишь тогда, когда верят, что в будущем это можно будет продать дороже. Именно это происходит каждый день на биржах. Биржи это места, где встречаются люди, продающие и покупающие доли собственности различных фирм. И они всегда надеются, что смогут продать свою долю дороже, чем купили.
 - Но ведь этого нельзя знать точно, сказала я.
- Верно, согласилась госпожа Трумпф. Но можно догадываться, есть ли в фирме Марселя то, что позволит ей вырасти в цене.
- Но если цена моей фирмы растет, то и ваши 10-процентные доли тоже дорожают, сообразил Марсель. Надеясь, что цена будет расти и дальше, покупатель может заплатить, в зависимости от обстоятельств, еще больше.

Я с уважением посмотрела на него:

- Как быстро ты понимаешь такие вещи!
- Он у нас молодец, похвалила Марселя госпожа Трумпф. — Не каждому это дается так легко.
- Мне, например, это дается совсем не легко, пожаловалась Моника.
- Это и есть самое лучшее в акциях, ликовала госпожа Трумпф. Не, надо основывать собственную фирму; можно просто купить в какой-нибудь фирме долю собственности. А для этого достаточно купить акции.
- Получается, что я могу поручить другим работать для меня с моими деньгами. обрадовалась Моника. Но мне еще не все было понятно:
- А что, если никто не захочет купить мои доли собственности в фирмах?
- Значит, ты должна до тех пор снижать цену, пока кто-нибудь не скажет, что готов купить. Покупатель

находится всегда. Вопрос лишь в том, какую цену он готов платить, — объяснила старушка.

- Значит, я могу при этом и потерять деньги, недовольно сказала я. Такой поворот мне совсем не понравился.
- Это так, сказала госпожа Трумпф. Но теряешь ты только в том случае, если продаешь. Если ты свою долю продавать не станешь, то, может, в будущем найдется покупатель, который готов заплатить за нее больше.
 - А до тех пор я не получаю никакой выгоды?
- А ты тем временем участвуешь в прибылях, возразила госпожа Трумпф. Если есть прибыль, она всегда делится между теми, кто владеет долями собственности. Это называется дивидендами.
- Значит, и Марсель должен регулярно делиться с нами своими заработками? обрадовалась Моника.
- Фирмы обычно раз в год рассчитывают, сколько они получили прибыли. Затем принимается решение, что делать с этими деньгами. Например, часть денег может быть потрачена на новое оборудование, чтобы фирма могла лучше работать. А другая часть делится между всеми, кто владеет долей собственности.
 - И кто это решает? заинтересовалась Моника.
- Да все те, кому и принадлежат доли собственности. Решение принимается большинством голосов. Это называется собранием акционеров, объяснила госпожа Трумпф.
- Очень хорошо, что я не должна сама знать все то, что должен знать Марсель в своей фирме, подвела Моника итог разговора. И при этом я все же могу зарабатывать столько же, сколько и он. Это гениально.
- Но все-таки о самой фирме нужно знать довольно много, добавила я и еще раз посмотрела на листок с тремя правилами вложения денег. После всего, что вы нам рассказали, акции кажутся мне не особенно надежными. И понять что-нибудь в них не такто легко, и обращаться с ними непросто. Похоже, соблюдается только правило второе: высокие прибыли.
- Если покупать акции самому, так и есть, подтвердила госпожа Трумпф. Но можно поручить другим выбирать, в каких фирмах нужно покупать долю собственности.
- Наверное, это подойдет мне больше, сказала я. Но кто может делать все это за нас?
- Это я объясню при следующей встрече, решительно сказала госпожа Трумпф. Мы сегодня многое узнали и даже успели положить деньги в банк. В следующий раз я расскажу, как любой ребенок может участвовать в прибылях от акций, не зная о них почти ничего.

Марсель бурно запротестовал:

— Как разумный бизнесмен я не хочу, чтобы мои деньги просто лежали в банке. Это не приносит никаких процентов.

Старушка засмеялась:

- Ты мне нравишься! Ты всерьез намерен получать прибыль, потому тебе это и удается. Ведь лучше всего удается то, на чем мы сосредоточиваемся.
- Значит, мы должны немедленно вложить наши деньги? спросил он.
- Нет! возразила госпожа Трумпф. Не всегда нужно вкладывать деньги немедленно. Сначала нуж-

но точно знать, что делать, а потом уж инвестировать. И еще до того, как мы приступим к инвестициям, я хочу рассказать вам об одной гениальной форме вложения денег. Кроме того, я хочу подготовить для вас документы по этой теме. Дело в том, что существует способ, при котором у тебя есть доля собственности во всех фирмах, которые нравятся детям.

— Я люблю «Мак-Дональдс», — тут же заявила я.

— А мне нравится «Кока-кола», — крикнула Моника.

- В таком случае, я покажу, как вы можете стать совладельцами этих и некоторых других фирм, - с таинственным видом пообещала госпожа Трумпф.

Все согласились, что лучше всего нам встретиться завтра же. Но госпожа Трумпф попросила несколько дней для того, чтобы подготовить документы. Поэтому денежные чародеи решили собраться через пять дней.

Выступление

Между тем у меня побывала госпожа Хайнен. Мы говорили о предстоявшем выступлении. Я считала, что нужно слово в слово записать все, что я собираюсь сказать. Но у госпожи Хайнен в этом деле был опыт, и она полагала, что от этого моя речь покажется неестественной.

Поэтому мы решили оставить наш первый план. Госпожа Хайнен будет задавать мне вопросы, а я на них отвечу. Мы определили вопросы, и я прорепетировала ответы. На этом подготовка закончилась.

Суббота, на которую было назначено собрание, приближалась. Я все больше и больше нервничала. Мне даже хотелось заболеть. Или чтобы собрание вообще не состоялось.

Наступило субботнее утро. Спала я отвратительно да и проснулась слишком рано. Время, казалось, остановилось. И я постепенно начала впадать в панику. Мысли мои путались и разбегались. О завтраке я не могла даже подумать. Я не сумела бы проглотить ни одного кусочка.

Что я только затеяла? Ведь это же настоящее безумие. Зачем я только позволила себя уговорить? Наверное, я на время потеряла рассудок. Выйти из зоны комфорта туда, выйти из зоны комфорта сюда — нет, такое урчание в желудке ничего хорошего не обещает.

Ко мне прижался Мани, виляя хвостом.

— Даже ты не можешь мне сейчас помочь, — вздохнула я. — Да, заварила я кашу. Я еще ни разу не выступала с речью, а теперь должна говорить сразу перед двумя сотнями слушателей.

Тут я заметила, что Мани держит что-то в зубах. Это был мой журнал успеха.

- Это очень мило с твоей стороны, Мани, - сказала я и энергично покачала головой. - Но сейчас это не поможет. Я ни на чем не могу сосредоточиться.

Мани не сдавался. Он требовательно смотрел на меня, держа в пасти журнал. Я, нервничая, слегка оттолкнула пса от себя.

Мани ловко увернулся и бросил журнал мне на колени. А когда я хотела отложить его в сторону, он залаял.

Я невольно засмеялась. И сразу почувствовала себя лучше. Я раскрыла журнал и вспомнила, что произошло во время нашей последней беседы. Только потому, что я перечитала свой журнал, у меня вообще хватило мужества решиться на это выступление.

Я покорно открыла его и начала читать. Ух, как много я уже достигла! Деньги, которые я зарабатываю; работа, которую я получила; приключение в «ведьминой избушке»; новые счета в банке; и как я обращаюсь с деньгами; и как я старалась помочь моим родителям, чтобы дела у них пошли лучше... Против ожидания, я углубилась в чтение и отвлеклась от предстоящего выступления. Похоже, я могла бы справиться со всем, что задумаю.

Не меньше получаса читала я свой журнал и почувствовала себя несравненно лучше. А тут подошло и время собираться. Я оделась и направилась в гараж; за велосипедом.

В это время из кухни вышли мама и пала. Они, по всем признакам, собрались ехать со мной. Я думала, меня хватит удар. И в страшном сне не могло мне присниться, что мои родители окажутся среди слушателей. Я ничего не сказала и села с ними в машину. Мани запрыгнул следом. Ехать было недалеко, и я все время прижималась к Мани. Это немного успокаивало.

У входа в школу нас уже ждала госпожа Хайнен. Она приветливо поздоровалась и взяла меня за руку. Мы прошли в актовый зал. Он был битком набит. Сколько людей! Мы сели в первом ряду. И хотя до моего выступления было еще далеко, казалось, что все уставились на меня.

Вдруг послышался хорошо знакомый голос. Я повернулась и в проходе позади себя увидела — кого бы вы думали? Господина Гольдштерна. Он сидел в инвалидном кресле, а приветливая женщина-шофер катила кресло к нам. Обрадованная, я поздоровалась.

— Кира, для тебя это совершенно особенный день, — ответил он, — и я ни за что не хотел его пропустить. Мне обо всем рассказали твои родители.

Я была так тронута, что ничего не смогла ему ответить. Только теперь я заметила, что господина Гольдштерна сопровождает целая группа моих знакомых. Марсель, Моника, госпожа Трумпф, господин и госпожа Ханенкамп. Все, все пришли сюда. Я поприветствовала их всех. И хотя я все еще ужасно нервничала, одно то, что здесь собрались все мои друзья, придало мне уверенности. У меня все время от страха чтото сжималось в животе, но я уже знала, что все будет хорошо.

Госпожа Хайнен подала мне знак. Подошла наша очередь выступать. Я встала и неожиданно для себя кивнула Мани, чтобы он шел за мной. Наверное, то, что я вышла на сцену с собакой, выглядело немножко странно. Но мне это казалось уместным.

Мы установили микрофон, и госпожа Хайнен начала говорить:

— Дорогие школьники и школьницы, дорогие родители, дорогие учителя! Вы знаете, как я стремлюсь, чтобы люди уже с детства учились правильному обращению с деньгами. Я долго искала подходящую форму, чтобы сделать тему денег ближе вам всем. И вот однажды ко мне пришла совсем юная посети-

тельница, которая умеет обходиться с деньгами лучше, чем многие взрослые.

Она каждый месяц зарабатывает довольно большую сумму и придумала замечательную систему распределения этих денег. Я говорю о самой обыкновенной девочке, которой еще совсем недавно не хватало денег на карманные расходы. Но потом она получила несколько полезных советов, последовала им, и сегодня в ее распоряжении столько денег, что она в состоянии сама осуществить два своих самых больших желания: поехать в Калифорнию по программе обмена школьников и купить компьютер.

Эту юную особу зовут Кира, и она готова рассказать вам о своей системе.

Госпожа Хайнен повернулась ко мне:

— Добро пожаловать в нашу школу, Кира. Сердечно поздравляем тебя с успехом. Я рада, что ты готова ответить на наши вопросы. Первый вопрос: как ты распределяешь свои деньги?

Я рассказала слушателям о моей системе и сказку о курице, которая несла золотые яйца. Госпожа Хайнен задала следующие вопросы: о моем журнале успеха, о том, что я думаю о возможностях детей зарабатывать, и о многом другом.

Отвечая, я смотрела на господина Гольдштерна, который кивал в такт моим словам, и на Марселя, который поднимал вверх большой палец. Этим он хотел показать, как ему нравятся мои ответы. И я совсем перестала нервничать.

Когда я произнесла последнюю фразу и госпожа Хайнен торжественно меня поблагодарила, зал взорвался аплодисментами, и Мани поддержал их своим лаем. Я хотела поскорее уйти со сцены, но госпожа Хайнен удержала меня за руку. Пришлось еще долго стоять на сцене и раскланиваться. Это было удивительное ощущение.

Оказавшись наконец среди друзей, я услышала еще множество похвал и комплиментов. Мама обняла меня, а папа гладил по голове.

Когда первое возбуждение улеглось, господин Гольдштерн проникновенно сказал:

- Я горжусь тобой, Кира.
- Я смущенно возразила:
- Я так нервничала и забыла очень многое, что хотела сказать.
 - Но господин Гольдштерн не отступал:
- У тебя есть талант к выступлениям, и люди с удовольствием тебя слушали. Никто не знает, что ты еще могла или хотела сказать.

И ты должна просто принять мою похвалу. То, что я сказал тебе, я говорю не часто: я в самом деле горжусь тобой.

Он сделал небольшую паузу, чтобы я лучше осознала сказанное, и продолжил:

— И ты бы так никогда и не узнала, на что способна, если бы струсила. Больше всего люди гордятся тем, что им труднее всего было сделать. Никогда не забывай об этом.

Я радостно засмеялась. Как же хорошо, что я это

После собрания ко мне подошла какая-то женщина. Она представилась директором издательства и предложила напечатать мою историю отдельной книгой.

Марсель услышал это и сразу пришел в восторг:

— Я могу сейчас же предложить название! «От кукольных мозгов до денежного чародея».

Я укоризненно посмотрела на него. И хотя предложение издательницы не вызвало у меня большого энтузиазма, я все же дала ей номер телефона.

Быстро со всеми попрощавшись, я сказала родителям, что пойду домой пешком. Мне необходимо было побыть наедине с Мани.

Счастливые, мы с лабрадором молча шли по улицам. По пути я купила большой пакет собачьих галет, а затем мы повернули к нашему укрытию.

Только усевшись на землю, я заметила, в каком напряжении находилась все это время. Теперь напряжение постепенно спадало, и я тихонько расплакалась. Но эти слезы не были горькими. Я была счастлива и гордилась собой. Просто меня переполняли чувства. Впервые в жизни я почувствовала, что многое могу сделать. И еще меня переполняла благодарность. Как же изменилась моя жизнь!

Все еще взволнованная, я смотрела на Мани, и чувствовала, что наши отношения скоро переменятся. Но что бы это ни значило, меня это не тревожило.

Наконец наступил срок нашей следующей встречи в «ведьминой избушке» госпожи Трумпф. Мы с нетерпением ждали, когда можно будет вкладывать деньги.

Старушка все подготовила: и наши места, и свечи. Когда мы сели за стол, госпожа Трумпф торжественно открыла заседание:

- Дорогие денежные чародеи, сегодня у нас большой день. Мы в первый раз инвестируем наши деньги. Мы сидели неподвижно. Все молчали.
- Десять тысяч евро большие деньги, вновь зазвучал хрипловатый голос госпожи Трумпф. Поэтому очень важно, чтобы мы действовали разумно. Я хочу внести новое предложение. Но с одним условием: мы лишь в том случае инвестируем наши деньги, если все согласятся с моим предложением.
 - Я согласна со всем, быстро сказала Моника.
- Увидим, ответила госпожа Трумпф. Сначала я хочу познакомить вас с одним видом вложения денег, который даст вам возможность приобрести долю собственности в тех фирмах, которые вам нравятся.
- Давайте купим акции всех этих фирм, предложил Марсель. Если сложить все наши деньги вместе, то хватит.
- Вы помните, я обещала показать вам более легкий путь, — снова заговорила госпожа Трумпф. — Этот путь называется фондами.
 - Фондами? удивилась Моника.
- Да-да, именно фондами. Я подготовила для вас листок, где записала самое важное.

Я прочитала написанное вслух:

«Фонд как большой котел, куда вкладчики помещают свои деньги, потому что им не хватает времени, знаний или желания самим заниматься покупкой акций. Деньги из этого котла инвестируются в акции, и это делают профессионалы, так называемые фондовые менеджеры. Все это очень тщательно проверяется государством, и фондовые менеджеры обязаны придер-

живаться определенных правил. Например, они должны купить не менее двадцати различных акций».

- А почему? прервала меня Моника.
- Потому, что у одной фирмы дела могут пойти плохо, объяснила госпожа Трумпф. Предположим, у тебя есть тысяча евро, на которую ты купила двадцать акций, по пятьдесят евро каждая. Если акции подешевеют на сорок процентов, ты сможешь продать их не по пятьдесят, а только по тридцать евро. Если ты их все-таки продашь, то получишь только шестьсот евро.
- Глупо получается, прокомментировал Марсель.
- Именно поэтому фондовые менеджеры должны купить акции не менее чем двадцати различных фирм. Продолжим наш пример с тысячей евро. Если теперь одна акция подешевеет на сорок процентов, а остальные останутся на прежнем уровне, мы все-таки получим девятьсот восемьдесят евро.
- Тогда мы из нашей тысячи потеряем только два процента, быстро прикинул в уме Марсель.
- Да, ты все правильно понял, похвалила его госпожа Трумпф. В действительности курс одних акций снижается, других растет, а курс третьих остается прежним. Но в целом преобладают акции, курс которых растет, потому что фондовые менеджеры неплохо разбираются в своем деле.
- А что, если курсы всех акций упадут? испугалась я.
- В таком случае продавать свои акции нельзя, сказала старушка. Ты помнишь, что мы говорили об акциях в прошлый раз?
- Ты теряешь деньги, только если действительно продаешь акции в такой момент.
- Значит, мы можем внести в фонд только те деньги, которые нам не скоро понадобятся, вслух подумал Марсель.
- Совершенно верно, обрадовалась госпожа Трумпф его догадливости. Мы собираемся вложить деньги в фонд, потому что намереваемся держать их там от пяти до десяти лет. У кого есть в запасе столько времени, для того фонд это вложение с практически нулевым риском.
- Понятно, ведь большая часть акций за такой срок принесет хорошую прибыль.

До сих пор Моника была необычайно спокойной. Но теперь она заволновалась:

- A что, если фондовый менеджер сбежит с нашими деньгами?
- Этого он не сможет сделать, потому что сам он наших денег не получает, ответила госпожа Трумпф. Деньги кладутся сразу в банк-депозитарий, или, иначе говоря, банк-хранилище, который имии ведает. Это абсолютно надежно.

Больше вопросов не было, и я продолжила чтение:

- «Фонды отвечают всем необходимым условиям инвестиций. И они устроены так, что очень подходят детям и подросткам. Если вложенные туда деньги удастся не трогать пять-десять лет, то фонды абсолютно надежны. И они приносят хорошие прибыли».
- Хорошие прибыли это сколько? спросил Марсель.
- В среднем это двенадцать процентов в год, ответила наша наставница. Есть множество преус-

певающих фондов, которые добиваются такой прибыли много лет подряд.

- Сколько это двенадцать процентов? спросила Моника.
- Вдвое больше, чем шесть процентов, наставительно произнес Марсель.
- Это не совсем так. В конечном счете разница существенно больше, возразила госпожа Трумпф. Но сначала я хочу привести вам пример, как будут расти наши деньги при двенадцати процентах прибыли. За двадцать лет наши десять тысяч евро вырастут почти в десять раз. Получится сто тысяч.
 - Ух, ты! вырвалось у Марселя.
- Да,это была бы жирненькая курочка, обрадовалась я. Надо сказать, что сказка про золотую курицу стала мне за последнее время очень близка.
- И, кроме того, каждый из нас будет откладывать еще по сто двадцать пять евро в месяц. Вместе это пятьсот евро. Если и на эти деньги мы будем получать проценты, то через двадцать лет получим четыреста тридцать пять тысяч евро.

Мы сидели молча, как громом пораженные. Это было такое множество денег, которое никто из нас не мог даже толком осознать.

- Тогда мы сможем называться «Денежные чародеи миллионеры», наконец произнесла Моника.
- Каждому из вас тогда хватит денег на покупку небольшой квартиры или на первый взнос за собственный дом. А ведь вам еще не будет и тридцати пяти лет, радовалась за нас госпожа Трумпф. А если вы решите вложить деньги еще на десять лет, то они превратятся в полтора миллиона.

У меня закружилась голова. Такая прорва денег. Конечно, они принадлежат всем нам вместе. Но всетаки доля каждого через двадцать лет составит сто тридцать пять тысяч евро, а через тридцать лет — целых четыреста тысяч. Здорово! И как удачно выбрали мы название для нашего клуба. Мы и в самом деле денежные чародеи. Все смотрели на меня. Я спохватилась: совсем забыла от радости, что должна читать дальше. Я покраснела и взяла со стола листок. «Фонды исполняют и третий критерий вложения денег. С ними очень просто иметь дело. Почти так же просто, как владеть обычным счетом в банке».

В этом деле у меня уже был опыт. Завести свой счет действительно очень просто.

Госпожа Трумпф посмотрела на каждого из нас:

— Как отнеслись бы вы к тому, чтобы мы вложили наши деньги в такой фонд?

Моника согласилась сразу же. К нашему удивлению, она хорошо поняла все преимущества такого способа:

- Там наши деньги будут в безопасности, принесут нам за двадцать лет больше полумиллиона прибыли, и со всем этим так же легко управиться, как с обычным банковским счетом.
- Я, конечно, тоже была согласна. А Марсель все еще
- Такой способ вложения подходит нам больше всего, но откуда мы знаем, какие фонды надо выбирать? Ведь есть, наверное, разные фонды, как и разные акции.
- Ты прав. Существуют тысячи фондов, согласилась госпожа Трумпф. Но если мы посмотрим

на них внимательнее, то окажется, что выбор не такто велик. Я подготовила для вас листок, на котором записала, каким требованиям должен отвечать самый подходящий для нас фонд.

Она посмотрела на меня. Я открыла следующую страницу и начала читать:

- «На что нам следует обращать внимание при выборе хорошего инвестиционного фонда.
- 1. Фонд должен существовать не менее десяти лет. Если за эти годы он приносил хорошие прибыли, то можно предполагать, что так будет и дальше.
- 2. Это должен быть большой международный акционерный фонд. Такие фонды покупают акции по всему миру. Этим они снижают степень риска, распределяя его.
- 3. Печатаются специальные списки, в которых сравниваются различные фонды. Нужно посмотреть, какие из них за последние десять лет были лучшими»

Мы молчали, размышляя о том, на что следует обращать внимание.

Марсель морщил лоб, как делал всегда, когда напряженно думал:

- А где мы найдем такие списки? И откуда мы узнаем, какие фонды большие и международные?
- Мы узнаем это, таинственно сказала Моника, открыв следующую страницу. Сама она уже успела это слелать.
- И в самом деле, госпожа Трумпф подготовила для нас такие списки. Мы старательно проштудировали их. Найти лучшие фонды оказалось совсем легко. Просто одни давали намного больше прибылей, чем другие.
- Что значит слово «нестабильность» в последней колонке? спросила Моника.
- Это колебания. Чем больше колеблются курсы, тем выше показатель в этой колонке. Так вкладчик может узнать, сколько ему понадобится нервов. Чем сильнее колебания, тем больше он нервничает. Курс может внезапно резко подняться, а через несколько дней так же внезапно и сильно снизиться.
- Значит, можно сказать, что, чем меньше нестабильность, тем ниже риск? — заключил Марсель.
- В определенной степени это так, согласилась госпожа Трумпф. Во всяком случае, высокая стабильность в любом случае придает вкладчику большую уверенность. А прибыли растут равномернее.
- А почему это не назвать просто колебаниями? Почему такое сложное название? проворчала Моника.
- Финансисты это очень странный народ, засмеялась госпожа Трумпф. Наверное, они кажутся себе более важными, когда пользуются словами, которых никто, кроме них, не понимает. Одно только жаль: из-за этого многие люди уверены, что и не смогут ничего понять во вложении денег. А непонятному люди не доверяют, хотя на самом деле вкладывать деньги очень просто.

Мы прочитали, какие прибыли давали разные фонды, насколько устойчиво и стабильно они развивались. Но этого нам было недостаточно.

— Но чтобы быть уверенными, нам надо знать, какие из этих фондов действительно велики и какие из них покупают акции по всему миру.

Моника вновь не выдержала:

- Нужно открыть следующую:
- Умничка, прервала я ее и быстро перевернула следующую страницу. И в самом деле, госпожа Трумпф подготовила нам список из двадцати фондов, указав и их величину, и прибыли за последние десять лет и за три года. Там было указано и то, где фонды покупают акции, и даже то, акций каких фирм они купили больше всего.
- Так-так, раздался голос Марселя. Тут есть один большой фонд. Если судить по его описанию, он создан специально для детей. Посмотрите только, акции каких фирм он покупает: «Кока-кола», «Мак-Дональдс», «Дисней»:
 - И он очень большой, сказала Моника.
- И в последние годы он приносил сверхприбыли, добавила я, пятнадцать с половиной процентов в год.

Мы были единодушны в решении, что этот фонд подходит нам больше всего.

— Я тоже остановилась именно на этом фонде, — довольно улыбалась госпожа Трумпф. — То, что мы пришли к одинаковому результату, чудесно. — Она пытливо посмотрела на нас. — А вы представляете, что значит, если мы будем получать прибыль больше пятнадцати процентов в год?

Мы пожали плечами.

- Есть одна очень простая формула. Если ее запомнить, то можно не пользоваться никакими сложными таблицами. Нужно просто разделить семьдесят два на тот процент, который вы получаете в год. Результат это количество лет, за которые деньги удвоятся.
 - A? не поняла Моника.
- Раздели семьдесят два на двенадцать, сказала госпожа Трумпф. Сколько получится?
 - Шесть, мгновенно ответил Марсель.
- Правильно! Это значит, что через шесть лет твои деньги удвоятся, если ты будешь получать двенадцать процентов.

Марсель задумчиво сказал:

- Если я хочу знать, как это выглядит при пятнадцати процентах в год, я должен семьдесят два разделить на пятнадцать. Получится: что-то около пяти
- Скажем проще: твои деньги удвоятся за пять лет, если вложить их под пятнадцать процентов годовых, ответила госпожа Трумпф. Значит, если мы и в будущем будем получать тот же процент, то наши десять тысяч евро через пять лет превратятся в двадцать тысяч. Через десять лет это будет сорок тысяч, через пятнадцать лет восемьдесят тысяч, а через двадцать лет сто шестьдесят тысяч евро.
- Это гораздо больше, чем получалось, когда мы говорили о двенадцати процентах в год, обрадовалась я.
- И для этого мы должны только положить наши деньги в фонд и не трогать их. Гениально! Моника была в восторге.

Остальное было уже совсем просто. Мы заполнили формуляр, поставили на нем наши подписи и отправили по нужному адресу. Через несколько дней из фонда пришел ответ, в котором говорилось, что для нас открыт счет, и сообщался его номер. На этот счет мы и перевели наши десять тысяч евро.

Те пятьсот евро, которые мы договорились откладывать ежемесячно, можно было вкладывать в тот же фонд. Но госпожа Трумпф убедила нас, что лучше подобрать еще один фонд. Так мы распределим, а значит, снизим риск.

В последнее время я многое смогла записать в журнал успеха. Мое выступление и то, что я вообще на него решилась. Комплименты. Мой доход, который еще вырос. Мои первые инвестиции вместе с денежными чародеями...

Больше не приходилось мучительно задумываться над страницей. Похоже, чем больше я делаю записей в журнале, тем чаще достигаю успехов. Это должно быть связано с тем, что я все больше верю в себя.

С Мани нам давно уже не приходилось поговорить. Но теперь мне это уже не было так необходимо. Достаточно было играть с ним и гулять вместе. Я очень любила, когда он был рядом со мной. Даже когда я делала домашние задания, он ложился у моих ног и подолгу, не отрываясь, смотрел на меня. Потом он засыпал, и тогда от него исходило ощущение покоя.

Бабушка и дедушка опасаются риска

Мы, конечно, регулярно продолжали встречаться, и всегда нам было чему поучиться и о чем поговорить. Раз в месяц мы записывали, какой курс у нашего фонда. Поэтому мы всегда точно знали, что получим при продаже своих сертификатов.

Госпожа Трумпф считала, что в будущем это не понадобится, но сейчас поможет нам многому научиться. Она говорила:

— Лучше всего инвестировать деньги в большой фонд и лет пять вообще не интересоваться тем, что там происходит. А через пять лет мы увидим, каков его курс, и получим солидную прибыль.

Долгое время курс почти не менялся. Мы не несли потерь и не получали прибылей. Но в октябре курс нашего фонда внезапно сильно упал. Наши сертификаты подешевели с 10000 до 7 064 евро. Мы потеряли около двадцати пяти процентов.

Растерянные, с опущенными головами, сидели мы за столом. Денежные чародеи сильно смахивали на умирающих лебедей. Мы были застигнуты врасплох. Ведь наша троица надеялась, что сертификаты будут дорожать постоянно и непрерывно.

— Нужно задуть свечи, — предложила я. Настроение было совсем не праздничное.

Даже Марсель был тихий, непохожий на себя. Лишь Моника владела собой:

- Папа сегодня говорил что-то об этом за завтраком. Я не помню уже, что именно, но он казался абсолютно спокойным. Он считает, что теперь у него есть возможность покупать по хорошей цене. Он назвал это «ниже стоимости».
- Он совершенно прав! заговорила госпожа Трумпф.

Мы посмотрели на нее и только теперь заметили, что она выглядела спокойной и уверенной. Ни капельки не волнуется.

- Похоже, что вас совсем не пугают наши потери, заметил Марсель.
 - Да у нас и нет никаких потерь.
- Есть. Более двух с половиной тысяч евро. И мне это вовсе не по вкусу, упрямо возразил он.
- Потеряем мы только в том случае, если станем сейчас продавать. Но мы-то этого делать не будем.
 - Все равно я чувствую себя, как собака.
- При чем здесь собаки, недовольно бросила я. Атмосфера в комнате сгущалась. Госпожа Трумпф весело засмеялась:
- Я точно так же реагировала в первый раз на падение курса. Я проклинала день, когда купила сертификат, и ужасно боялась, что курс будет снижаться и дальше. Обычно при падении курсов газеты полны мрачных прогнозов. Начинаются разговоры об экономическом кризисе и о биржевой зиме.

Мы с Марселем смущенно переглянулись. Об этом мы не подумали. Курс может падать и дальше?!

Старушка весело прыснула. Увидев, что она так беспечно смеется, мы тоже не смогли сохранять серьезность. А она сказала:

- Я пережила несколько из этих так называемых кризисов. Но через один-два года курсы поднимались вновь. Так было каждый раз. Поэтому, если курсы падают, я теперь остаюсь спокойной. Меня ее слова не убедили:
- А что, если действительно начнется вечная биржевая зима, как пишут в газетах?
- Само слово говорит за себя, невозмутимо ответила госпожа

Трумпф. — Зима — это просто время года, причем одно из четырех. Сколько я живу, всегда за зимой приходила весна, потом лето, за летом осень, а потом снова зима. Как в природе, эти времена года сменяют друг друга и на бирже. Всегда так было, и всегда так будет.

- Но тогда нам следовало выждать и вступать в игру зимой, сделал вывод Марсель.
- Если бы мы заранее знали, что зима совсем близко, да. Но мы этого не знали. Курсы могли начать подниматься. И тогда мы были бы недовольны, что не вступили в игру, потому что получили бы меньшую прибыль.

Теперь пришло время покупать еще. Так, как и сказал папа Моники. Можно предположить, что в следующие три-пять лет курс не только вернется к прежнему уровню, но вырастет еще на двадцать — тридцать процентов.

Вложенные нами десять тысяч евро тогда превратятся в двенадцать — тринадцать тысяч. Если бы мы смогли сейчас вложить еще десять тысяч, то они за то же время принесли бы нам сорок — пятьдесят процентов прибыли. Эти вторые десять тысяч евро выросли бы до четырнадцати — пятнадцати тысяч евро.

- Ну да, потому что мы покупали бы ниже стоимости, — повторила Моника слова своего папы.
- Что значит покупать ниже стоимости? спросила я.
- Это значит, ответила госпожа Трумпф, что сейчас мы можем купить акции или сертификаты фондов дешевле, чем они стоят в действительности. И что пройдет не так уж много времени, как вновь найдутся люди, готовые заплатить за них столько,

сколько они на самом деле стоят. Тогда мы получим бульшую прибыль. Марсель, как всегда, хотел быстро принять решение и начать действовать:

— Нам надо поторопиться с покупкой, пока курс находится ниже стоимости. Давайте посмотрим, есть ли у каждого из нас по две с половиной тысячи, чтобы инвестировать еще раз десять тысяч евро. У меня, например, есть достаточно денег, чтобы внести свою долю. А как дела у вас?

Мы все хорошо зарабатывали. Моника, кроме того, недавно получила деньги в подарок от родственников. И для госпожи Трумпф, конечно, не было проблемой найти такую сумму. У меня тоже лежало коечто на счету, но этого было недостаточно. Мне не хватало 1370 евро. А брать деньги из копилок мечты я не хотела.

Но не хотелось мне и того, чтобы из-за меня расстроилось все дело. Я лихорадочно перебирала возможности и вспомнила, что бабушка и дедушка завели для меня сберегательную книжку, куда регулярно вносили небольшие суммы мне на приданое. Там должно лежать не менее трех или трех с половиной тысяч евро.

Я рассказала об этом остальным. И мы решили устроить завтра внеочередную встречу. А до тех пор я поговорю с бабушкой и дедушкой. Ведь сберегательная книжка, конечно, не лучший способ хранить деньги. Господин Гольдштерн называет сберкнижки «машиной для уничтожения денег».

Когда я уходила из «ведьминой избушки», меня уже ждали собаки, за которыми я ухаживала. Только после ужина я смогла отправиться к бабушке с дедушкой. Бабушка приготовила замечательное печенье и какао по своему особому рецепту. Никто в мире не умел делать такого вкусного какао.

Я была уверена, что и бабушка, и дедушка тут же согласятся, что сейчас настал лучший момент для покупки сертификатов. Но меня ждало глубокое разочарование.

Родители уже много рассказывали им о моих успехах, так что я смогла сразу приступить к делу. Поедая печенье, я рассказывала им о нашем инвестиционном клубе. Папка, подготовленная госпожой Трумпф, была у меня с собой. Поэтому я сумела все хорошо объяснить. А поскольку мы записывали изменение курсов обоих наших фондов, то и об этом я смогла рассказать.

— Кира, детка, — испугался дедушка, — это слишком опасно! Ты потеряешь все свои деньги.

Я попыталась объяснить то, чему научилась: что я понесу убытки, только если во время биржевого краха стану продавать сертификаты. Что курс обязательно поднимется вновь, что на бирже лето и зима всегда сменяют друг друга и что в целом, если смотреть далеко вперед, курсы всегда растут. Что и в прошлом было много кризисов, в том числе и по-настоящему серьезных, но, несмотря на это, курсы все-таки росли.

Но ничто не могло переубедить моего дедушку, тем более, что и бабушка его поддерживала:

- Самое важное, Кира, это надежность. Мы повидали в жизни людей, которые потеряли все деньги, потому что доверились мошеннику.
- Ну, бабушка, это даже сравнивать нельзя, запротестовала я. Фонды управляют миллиардами.

Никто не может убежать с деньгами. Их контролируют государство и банки.

- Акции это риск, дедушка совсем меня не слушал. Не связывайся с ними.
- Но вы же ничего в этом не понимаете, вырвалось у меня. И как только можно быть такими слепыми? Сначала надо самим разобраться, а уж потом выносить приговор. А вы думаете, что это рискованно, только потому, что ничего не знаете об акциях, сертификатах и инвестиционных фондах.

Бабушка предостерегающе подняла палец:

— Молодежи следует научиться слушать старших. За нашу жизнь мы накопили большой опыт.

А дедушка добавил:

— Дулся, дулся пузырь, да и лопнул. Лучше синица в руке, чем журавль в небе.

Мне хотелось закричать от отчаяния. Я наспех попрощалась и, расстроенная, побрела домой. Я могла бы и вовсе не обращаться к ним с моей просьбой. Напрасно было надеяться, что я смогу получить от них деньги для нашего инвестиционного клуба. Вместо этого они попытались вмешаться в мои дела. Я не знала, что делать дальше. Да и некоторая неуверенность поселилась-таки во мне.

Вернувшись домой, я тут же позвонила господину Гольдштерну. Мне повезло, что он не был занят срочными делами. Я рассказала о падении курса и возражениях бабушки и дедушки.

Моя история его рассмешила:

- Ты должна понять своих бабушку и дедушку: они желают тебе добра и хотят только уберечь тебя от потерь. И они делают это так, как умеют.
- Но ведь это просто глупо. Они даже не слушают, что я им говорю.
- Они же действительно много повидали в жизни, в том числе и плохого. Теперь они хотят защитить и себя, и тебя. Это можно понять. Ну, а теперь серьезно. Ты должна быть им благодарна: они, быть может, удержали тебя от ошибочного шага.
 - Как ошибочного?
- Я не думаю, что сейчас следует покупать сертификатов еще на десять тысяч евро. Мне кажется, что пяти тысяч евро более чем достаточно.
- Почему? Мы ведь смогли бы заработать куда больше, если бы сейчас вложили больше денег.
- Конечно, терпеливо ответил он. Но что, если курс упадет еще ниже? Тогда ты скажешь: как хорошо, что я не вложила все деньги. Кроме того, тогда у тебя будут деньги, чтобы еще раз купить сертификаты.
- Но мы же не знаем, будет ли курс снижаться и дальше.
- Конечно, не знаем. Никто не знает. Все эксперты, предсказывающие будущее, вновь и вновь ошибаются. Очень часто все выходит не так, как мы думаем. Именно поэтому всегда нужно, чтобы у нас был наличный резерв. Нельзя все деньги со счета «золотой курицы» вкладывать в акции или акционерные фонды.
- Я думала, что инвестиционные фонды абсолютно надежны, пробормотала я.
- Да, они очень надежны. Особенно, если у тебя в запасе достаточно времени. Даже если курс упадет

очень сильно, он снова поднимется. Но для того, чтобы распределить риск, часть денег всегда следует вкладывать абсолютно надежно.

- Скажите просто, что деньги нужно положить на сберкнижку, невольно вырвалось у меня.
- Нет. Ты знаешь мое отношение к сберкнижкам. Есть намного лучшие возможности. Ты могла бы, к примеру, купить государственные облигации. На них ты будешь получать проценты в зависимости от положения на рынке. Сейчас это около трех с половиной процентов. А свои деньги ты сможешь забрать в любой момент.
- Три с половиной процента? Да, от этого со стула не упадешь.
 - Так я никогда не разбогатею.
- Конечно, так ты не разбогатеешь, рассмеялся господин Гольдштерн. Твои деньги даже не приумножатся, потому что весь прирост съест инфляция.
 - Что значит инфляция?
- Это когда стоимость твоих денег уменьшается. Сегодня ты можешь купить булочку за двадцать пять центов. Предположим, через пару лет она будет стоить половину евро. Тогда за твои двадцать пять центов ты получишь лишь полбулочки. Значит, твои деньги будут стоить вдвое меньше. Это и есть инфляция.
- А как узнать, насколько велика инфляция, пожирающая мои деньги?
- Сейчас она составляет примерно три процента. Если ты хочешь подсчитать, что это значит, можно воспользоваться очень простой формулой. Формула семидесяти двух очень удобна, потому что с ее помощью можно узнать, за сколько лет твои деньги удвоятся. Но ее можно применить и для того, чтобы лучше понять, что такое инфляция. Она покажет, за сколько лет при определенном уровне инфляции твои деньги потеряют половину стоимости. Раздели 72 на три процента инфляции. Получится 24. Значит, через 24 года твои деньги будут стоить половину того, что они стоят сегодня.

Меня поразило, как мало нужно для этого времени.

- Значит, инфляция почти так же высока, как и проценты, которые я получу за облигации.
- Правильно! Потому я и называю сберегательные книжки машинами для уничтожения денег. Ведь проценты, которые там платят, даже ниже, чем потери от инфляции.
- Но и с государственными облигациями дело обстоит не намного лучше.
- Это верно. Но выбирать, в общем-то, почти не из чего. Ты же не хочешь вложить все свои деньги в акции. Даже если ты еще очень молода, у тебя всегда должен быть резерв. Только так можно наилучшим способом распределить риск.
- Неужели нет никакой возможности получить в каком-нибудь банке более высокий процент? все еще сомневалась я.
- Конечно, есть и такие вложения, что могут принести более высокие прибыли. Но для этого ты должна вложить деньги на длительный срок. В этом и состоит недостаток. Если биржевой курс упадет и наступит удобный момент для покупки акций или сертификатов, ты не сможешь этого сделать.

- Какую же часть моих денег нужно вложить в облигации?
- Это зависит от ситуации, в которой ты находишься. Ты еще очень молода, поэтому можешь ограничиться двадцатью процентами.

Я почувствовала, что сегодня господин Гольдштерн ничего больше не скажет, поэтому сердечно поблагодарила его и распрощалась.

Я бы охотно спросила, сколько евро (а не процентов) нужно вложить в облигации, а сколько направить на покупку сертификатов. Но я уже узнала на собственном опыте, что этого он никогда не скажет. Он всегда объясняет только принцип. А как я применю эти принципы в жизни, мое дело. Этим он хотел добиться, чтобы я не полагалась на него, а сама отвечала за себя и свои финансы.

Я углубилась в расчеты. У меня есть 1 130 евро. Завтра наступает день выплаты. Что я должна получить? 1 евро в день за собаку умножить на 16 собак, умножить на 30 дней. Получится 480 евро. По 25 центов в день я плачу моим помощникам. Это 120 евро. Значит, мне останется 360 евро. Кроме того, хозяева девяти собак договорились, что я буду дрессировать их питомцев. Каждого из этих псов я научила двум трюкам. Это еще 180 евро.

Итак, я получу завтра 540 евро. Вместе с тем, что у меня есть, получится 1670 евро. Я решила, что предложу денежным чародеям использовать для покупки сертификатов только по 1250 евро. Оставшиеся 420 евро я решила завтра же вложить в облигации. Приятно было думать, что скоро я вновь увижу госпожу Хайнен. Ах, как хорошо, что я открыла счет у человека, который мне сразу понравился.

Удовлетворенная, я легла в кровать. Мне казалось, что я нашла хорошее решение. И я еще успела подумать, что вновь пережила волнующий день. И что все мои дни превратились, в сущности, в сплошное приключение. Мне больше никогда не бывало скучно. А началось все с того, что Мани научил меня первым премудростям обращения с деньгами.

Белый лабрадор, как всегда, лежал возле моей кровати, и я задумчиво поглаживала его по спине. Как же все переменилось! Я была уже не совсем та Кира, что год назад. У меня появилось так много новых интересов и так много новых друзей: господин Гольдштерн, Марсель, супруги Ханенкамп и госпожа Трумпф.

Переполненная благодарностью, я перегнулась с кровати и поцеловала Мани в голову. Он в ответ тут же лизнул меня в лицо. «Ах, ты, проказник!» — подумала я и заснула.

Конец большого приключения

С тех пор прошло несколько месяцев. Я начала записывать все пережитое. Зачем? Я и сама точно не знала. Может, для того, чтобы ничего не позабыть. Каждый день я делала по две страницы записей. Это было совсем не трудно, потому что очень помогали заметки в журнале успеха. И мне это доставляло огромное удовольствие.

Дни пролетали незаметно, и каждый приносил что-то новое.

Тем временем дела у моих родителей очень поправились. Господин Гольдштерн смог убедить папу нанять двух сотрудников. Сначала он никак не соглашался, считая, что просто не может себе этого позволить. Но потом он так поверил в господина Гольдштерна, что все же последовал его совету. И в результате все изменилось. Папа смог сосредоточиться на том, что ему нравилось. А то, что нравилось, он делал по-настоящему хорошо. Если раньше он сомневался, годится ли он вообще в предприниматели, то теперь знал, что должен лишь научиться поручать другим то, что сам делать не любил или умел недостаточно хорошо. И настроение у папы было теперь почти всегда хорошее. Удивительно все-таки, как меняется человек, избавившись от денежных забот. Теперь он каждое утро радовался предстоящему рабочему дню — и даже насвистывал песенки. Лучше бы он этого не делал: никто не умел так ужасно фальшивить, как он. А со времени покупки нового автомобиля он даже вставать стал на час раньше.

Росло и мое собственное дело. Под моей опекой была уже двадцать одна собака. И всех их надо было водить гулять, дрессировать и расчесывать. Конечно, я давно уже не справлялась с этим одна, но от Марселя я знала, как привлечь к работе других детей. Моника, например, таким способом зарабатывала хорошие деньги. Правда, я уже не могла сказать, где и когда я еще должна получить деньги.

Я узнала, как хорошо, если есть проблемы. Ведь благодаря им я должна была искать новые возможности и многому смогла научиться. Я поняла, как много всего можно делать с помощью компьютера. У меня давно уже появился собственный портативный компьютер. Домашние задания теперь занимали намного меньше времени, да и выглядели гораздо красивее. Улучшились и мои школьные отметки.

Теперь я научилась вести на компьютере и денежные расчеты, в чем мне очень помогла госпожа Ханенкамп. Компьютер и бухгалтерия были ее увлечениями. И она меня очень многому научила.

Естественно, зарабатывала я все больше. И неукоснительно делила все доходы, как и раньше: половину для «золотой курицы», сорок процентов на достижение своих целей и десять процентов на расходы. Бульшая часть того, что я когда-то по настоянию Мани внесла в список желаний, у меня давно уже была. Только в Америку я еще не ездила, предчувствуя, что там мне придется пережить нечто совершенно необычное, что еще раз полностью переменит мою жизнь.

Процветал и наш инвестиционный клуб. Курс нашего первого фонда хотя и упал однажды, но мы не продали тогда наши сертификаты и не понесли поэтому никаких убытков. А со временем курс опять вырос, и в случае продажи мы получили бы хорошие прибыли. Но продавать не было никаких причин. Мы ведь хотели, чтобы наши деньги все росли и росли.

Марсель, правда, однажды захотел было продать. Он называл это «получением прибыли». Но госпожа Трумпф спросила, что он намерен делать дальше, чтобы его деньги продолжали расти. В итоге мы пришли к ответу, что снова вложили бы деньги в инвестиционный фонд. Марсель тогда быстро понял, что продавать действительно не имеет смысла.

У нас были теперь вложения в четырех различных фондах. И каждый раз встречи денежных чародеев доставляли нам огромное удовольствие. Мы очень многому учились у госпожи Трумпф. Даже Моника стала хорошо разбираться в денежных делах. Поэтому ничего удивительного не было в том, что мы и родителям могли дать дельный совет. И те следовали нашему плану вложения денег. Сначала тайком, но потом они перестали это скрывать.

Господин Гольдштерн тем временем окончательно выздоровел. Он был ужасно занят своим бизнесом, и Мани оставался со мной. Как и прежде, каждую субботу мы вместе с лабрадором навещали господина Гольдштерна, ходили гулять втроем, а после этого нас ждали невероятно вкусные пироги с какао. И у нас всегда было о чем поговорить. Господин Гольдштерн был поистине финансовым гением, и каждый раз я узнавала от него что-то новое. Но самое главное, что деньги для него были чем-то совершенно нормальным и естественным. Постепенно стало меняться и мое отношение к ним.

Раз в месяц господин Гольдштерн делал для своих клиентов доклады о способах вложения денег. И мои родители регулярно их слушали.

В одну из суббот он спросил, не хочу ли и я выступить с докладом о деньгах перед детьми его клиентов. Я согласилась. В первый раз пришло лишь семеро детей. Но о моих докладах заговорили, и теперь на них бывает по двадцать-тридцать слушателей. За каждый доклад я зарабатываю 37,5 евро.

Несколько дней назад у господина Гольдштерна появилась новая идея. Он предложил мне основать вместе с ним фирму, которая будет помогать детям инвестировать деньги. Он придумал это, посмотрев ту самую папку, что я получила от госпожи Трумпф. Я нашла его идею гениальной. Представить только: у меня, Киры, совместная фирма с господином Гольдштерном, финансовым гением.

Я спросила, почему он хочет основать фирму именно со мной. Ответ был как будто специально придуман для моего журнала успеха: «Потому что ты способна на это благодаря твоим знаниям и достигнутым успехам. Если бы я не думал, что эта фирма с тобой будет расти лучше, чем если бы я работал в ней один, я не сделал бы этого предложения. Ты привлечешь гораздо больше детей, чем я сам». Я с ним согласилась, и это тоже стало возможно потому, что моя уверенность в себе очень окрепла.

Но все же я была очень взволнованна. И уверена, что в недалеком будущем меня ждут новые приключения.

Все это я записала. Потом откинулась на спинку стула и пробежала написанное на дисплее. Получалось здорово.

Потом мой взгляд упал на Мани. Я задумчиво разглядывала собаку. Мы давно уже с ним не разговаривали. И мне давно хотелось спросить у него, почему. Но мешал какой-то неосознанный страх. Перед чем? На это я не могла бы ответить точно. Наверное, перед тем, что с ответом на этот вопрос что-то закончится навсегда.

Теперь я это вдруг осознала. Я научилась не прятаться от того, чего боюсь. Поэтому я решительно надела на Мани поводок и пошла с ним в лес. Но ка-

кое-то смутное чувство все не проходило и мешало радоваться нашей прогулке. В горле у меня стоял комок, и шли мы медленнее, чем обычно.

Наконец мы добрались до нашего убежища. Давно уже не бывали мы здесь, и проход под кустами почти совсем зарос. Мы долго пробирались по нему, пока не оказались на полянке. Здесь тоже стало не так уютно, как раньше. Все выглядело другим.

Я долго и грустно смотрела на Мани и страстно желала, чтобы он заговорил. Он так давно уже ничего не произносил, что иногда мне казалось, будто я все это просто придумала. Но ведь все было на самом деле!

Я отчаянно просила Мани подтвердить, что он и в самом деле обладает даром речи.

Выражение его морды изменилось. Мне даже показалось, что я вновь очутилась в том времени, когда он впервые заговорил со мной.

— Кира, умею ли я говорить или не умею, вовсе не так важно.

Я ликовала. Это, без сомнения, голос Мани. А Мани продолжал:

— Гораздо важнее, можешь ли ты меня слышать и понимать. Это как с книгой, которую ты сейчас пишешь. Некоторые читатели не поймут тебя и ничего не изменят в своей жизни. А другие начнут обращаться со своими деньгами разумнее. И их жизнь станет счастливее и богаче.

Как только Мани замолчал, я вновь засомневалась, не сон ли это, говорил ли он со мной действительно. От всего этого можно сойти с ума.

Но вдруг все изменилось. Я отчетливо поняла, что это не сон. Доказать я ничего бы не смогла, но это и не нужно было. Одновременно меня пронзило холодом, потому что я почувствовала, что Мани в последний раз говорил со мной. Мне стало ужасно грустно. Я нагнулась и обняла его. Я прижимала Мани к

себе изо всех сил. Как будто это могло заставить его снова заговорить.

Потом я подумала о фразе, которую однажды произнес господин Гольдштерн: «Не грусти о том, чего у тебя больше нет, а будь благодарна за то время, когда ты этим обладала».

Для меня это значило: теперь придется обходиться без советов Мани. Но, с другой стороны, в этом было и хорошее. Если он не может больше разговаривать, значит, ему больше не угрожает и опасность. Никто не захочет его исследовать. Все станут принимать мою историю за девчоночью выдумку. Я тихонько заплакала. Мани повернулся и лизнул меня в лицо. На этот раз я предоставила ему свободу. Я долго плакала, и его ласка утешала меня.

Прошло много времени, пока я успокоилась и смогла спокойно размышлять. С благодарностью думала я о том, чему научилась от Мани. Все его наставления теперь жили во мне. И я больше не сомневалась, что однажды стану очень богатой. И даже намного скорее, чем можно предполагать. Я знала, что при любых деньгах останусь счастливой. И теперь я смогла рассказать мою историю. Я сумела сделать это так, что никто не узнает, пригрезился ли мне голос Мани, или он разговаривал со мной на самом деле. Меня охватило чувство глубокой благодарности. Я притихла от счастья и еще долго оставалась с Мани в нашем укрытии — это был последний раз. Тогда я вдруг поняла, как мне закончить мою книгу. Мы пришли домой, и я написала:

«Я желаю, чтобы множество детей услышало, как эта книга говорит с ними. Известный пес по кличке Мани и я были бы этому очень рады».

Кира

Наталья Дунай

Боль моя

Боль моя — строптивая душа — Каждый день с обидой соревнуется. Не целуй меня — я год не спал И я сыт по горло твоей гордостью.

Сорвалась с цепи дурная злость И на воле подралась в кровь с ревностью. Зависть ставит жизнь на кон, пока Там корысть о чем-то спорит с совестью.

Я встречал рассвет, пришла вина И закапала в глаза бессонницу... Я теперь боюсь открыть глаза, И цинизм ведет меня над пропастью.

За столом моим, потупив взгляд, Пьет вино печаль и хитро скалится, Рядом с ней ждут ненависть и страх, И у них на все другие правила.

Мне нужна наивность и мечта, Чистота, как воздух пыльной осенью... Но любовь с надеждой напилась, После примирилась с жадной похотью.

Призрак и Кошка

За моей спиной стоит призрак, С ним общается только кошка, То мяукнет ему очень тихо, То уставится в стену зорко. Скажет призрак ей: «Что ты! Что ты!» А она взгляд отводит смущенно, Подойдет ко мне, ляжет рядом И уткнется носом в колени, Будто скажет: «Не бойся, я рядом!» Да и призрак не злой, он — хороший. Он лишь ищет место для крова, Где есть стены, тепло, чья-то нежность... Даже призракам нужно немного В этом мире огромном надежды.»

День и Ночь

На часах ровно полночь За окном лунный свет Я лежу и гадаю: Может — сплю, может — нет... Звезды бродят без дела, Я окно отворю, А за ним край вселенной Может есть... Или нет?

Может, все наваждение Или просто игра? Я гадаю в смятении Завтра или вчера? Стрелки вверх, всегда ровно То ли день, то ли ночь. Различить ты попробуй: Все по кругу точь-в-точь. Вдоль себя вижу стены, В теле вены звенят, Под ногами край бездны В этот час для меня.

Я думаю, что мне пора уйти

Я думаю, что мне пора уйти, Оставив все как есть -Без лишний драмы. Лишь дверь закрыть и душу отвести, Другую жизнь начать по диаграмме. Я думаю, что мне пора уйти, Расставить точки все простым молчанием. И в тишине вдвоем мы далеки, И души наши одиноки стали, Но руки связаны, завязаны глаза – Мы с кем-то и ни с кем одновременно. И в душах наших только пустота Обыденных проблем и отчуждения. Я думаю что мне пора уйти -Спокойно, с легкой грустью, Незаметно. Так не сумеешь ты меня найти: Кода не заданы вопросы, нет ответа. Я думаю, что мне пора уйти...

Наша надежда

Над морскою пеленою

Над морскою пеленою Солнце разбивалось И по глади бирюзовой Кровью разливалось. Волны вторили мгновенью – Становились выше, Крики чаек возле брега Становились тише. Выходил рыбак на судне За своим уловом, Словно в пасть морского зверя Двигался сквозь волны. Напевал шальную песню, Что однажды слышал От торговки горькой водкой Молодой и рыжей. Её голос звонко льется. Наливая чарки, Она весело смеется, Подзывает к лавке. Отчего ж в груди так щемит? Этой темной ночью И мотив веселой песни С грустью раздается. Вроде бы не рвутся сети И улов до края, Но рыбак совсем не весел, Он душой печален. Возвращаясь после ловли Про проселкам к дому, Не увидит в окнах света, Не услышит оклик...

Солнце спряталось под волны, Скрылось до рассвета. Став лишь тонкой полосою, Взяло и исчезло. Над волной звучала песня, И тоска от скуки Все сжимала его сердце, Да немели руки. А когда вновь встанет солнце В небе желтым кругом, Позовет торговку водкой Он в свою лачугу: «Приходи когда захочешь, Станешь мне женой, И холодной темной ночью Будешь ждать домой.»

Наша надежда осталась на улице, Где-то гниет под дождем проливным. Столько всего было уже перемолото, Столько потеряно, вместе уже не сложить. Наша любовь где-то стала мишенью на стрельбище, Выставлена напоказ на фанерном кругу. И по рукам разбежалась наша застенчивость – Только лишь плакать осталось ей в жарком плену. Где-то наивность уснула, под сладкие пения Хитрых и изворотливых торгашей. Ах, до чего же прекрасно бывает забвение! Купленное на последний в кармане грош. И каждый день мысли словно крылатые бестии Бьются друг с другом, как вирус и антитела, И приближают сами себя к сумасшествию, А может весь мир, или нас, или только меня.

Петля

У нас на площади висит петля – Вставь голову получишь три рубля. И что с того, пусть даже ты умрешь? Не ты ль вчера досадовал до слез На то, что опостылела страна, А дома нелюбимая жена? Не ты ли плакал, что болят колени Нести столь тяжкий груз своей судьбы? И то, что чарка пива стоит больше, Чем заработанные за день тот гроши... И заказав ещё бокал, и даже два, Не ты ль, в трактире сидя, сетовал вчера На то, что справедливость не в ходу -Начальник злой ругает попусту? На то, что дочери не купишь платье белое, И все вокруг лишь черное и серое... Оставь же детям хоть бы три рубля – У нас на площади висит петля!

Ты уходишь

Я смотрю вперед: Ты уходишь в прошлое, Оставляя мне горькие слова. Лишь осенний лист Кружится над площадью, А под ним туман, словно пустота. И упала с ним Наша жизнь в отчаянье, И разбилось все, как хрустальный сад, Стали в нем плоды Жухлыми и горькими, Для друг друга мы не нашли слова. Был когда-то день, Где мы были счастливы. А теперь лишь хлад навещает дом, Где камин погас, И прогнили ставни все – Мы закроем дверь, навсегда уйдем.

Георгий Мчелидзе

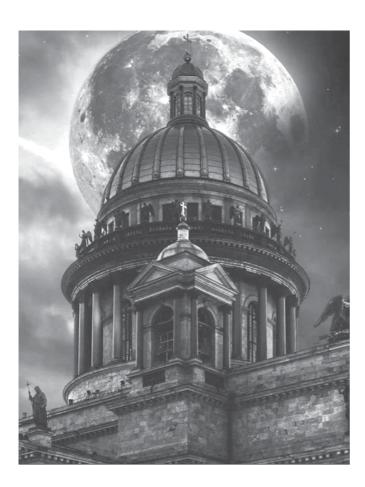
OCEHHME CTMXM

Мне купола уже покоя не несут, Где сумрак тихий, чуть свечами озарённый. Скрывает образ призывающий на суд, На суд Душевный мною сотворённый. Что там молва, налипшая как грязь... Вы, в своей радости сметая все запоры, Как дети малые и злые всё резвясь, Клеймом развесите пустые приговоры. Меня же путь пока мой выбранный гнетёт. Себя не спрятать и Душой не отогреться.

Хоть повторяю – потерпи, и всё пройдёт,

И Благодать сойдёт отрадой возле сердца.

Торопливо провожают Без желания новой встречи. Чувства талым снегом тают. Позабыты дивны речи. Время-то судья суровый Приговором в одночасье Слал вердикт к исканиям новым, Раз уж здесь не свито счастье. Торопливо расставались Кто-то с бранью, кто слезами. Странно, всех и не упомнить. Лёг туман на всё с годами. Что осталось пустотою, Замороченными снами. Жизнь текла тропой кривою. Тот обрыв, что лёг меж нами... Дальний образ, как же звали? Ненароком отвернулся, Оттолкнул в обидах странных. Очень поздно здесь проснулся. Очень поздно, не воротишь. Не прижмёшь, нет покаяния. Не дано в потере давней Обрести свои мечтания...

Нам с годами озарение. Тяжким грузом Душу давит. О былых делах свершённых. Память с возрастом ославит. Так ославит – как заклятие – Приворотом по былому, Яркой памяти строкой, Как дорогой к её дому. Той тропинкой безвозвратно. Уносящей к повороту, Где расстались так нелепо, Принимая фальши ноту. Жизнь ударила внезапно, Разрушая все надежды. Да, известно, время лечит. Но не будет так, как прежде. Всё пройдёт, и боль проходит. Яркой памяти страница Потускнеет временами, Но не даст совсем забыться.

Мной выбранный удел, тебя теперь в нём нет. Отыграны давно написанные ноты. Осенние стихи, что дарит мне рассвет, Сменяются на дни, несущие заботы.

Так в круговерти их, стирая всё быльём, Куда-то отступив, уносится тревога, Съедая пустоту, что больше не вдвоём. И надо просто жить, пусть тяжела дорога.

Забытый сквер, храня те времена о нас, Укором для Души пришлёт воспоминания. Но больше нет костра, сгорел дотла, погас. Оставив лишь в стихах наивные терзания.

Нева покой несёт, и холоден гранит. Унылый серый дождь меня не отпускает. К чему теперь писать – мне сердце говорит. Она ведь этих строк уже не прочитает...

Журавлиный клин улетел.
Осыпается роща листвой.
Незаметно я поседел,
Хоть вчера ещё был молодой.
Быстротечно годы прошли,
Пронеслись, промелькнули как миг.
Оставляя в Душе лишь тоску,
В осознании чего не достиг.
Где не смог, не прозрел, не помог
На оставшемся сзади пути.
И как мало вокруг уже тех,
Кто придёт, когда нужно уйти...

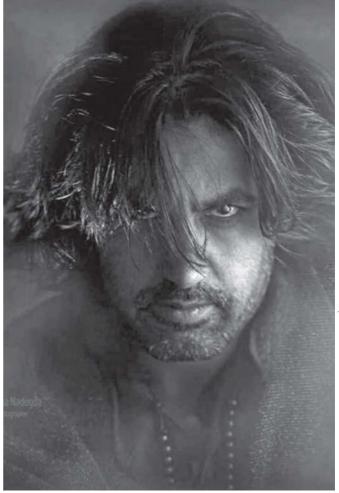
**

Я не хочу Вас потревожить И не смогу я с Вами быть. Но подскажите мне, о Боже, Как я сумею позабыть Волшебный час среди заката И парка золото аллей, Ваш нежный взор в полоборота. Причудлива игра теней... То мимолётное видение Внезапно стало роковым, Ко мне пришло из сновидения – Теперь я мыслями гоним. Своими чувствами снедаем. А думы только лишь о нас. Брожу раскаянием терзаем. Не подошёл, увидя Вас.

Вы так пронзительно прекрасны И так возвышенно милы! Но притяжением опасны, Ведь не в меня вы влюблены! Глаза огнём горят от страсти, Но не по мне, душа моя! В тоске слоняюсь от напасти, Что иссушила вдруг меня. Всего лишь миг случайной встречи, Один лишь взгляд и — я убит, Раздавлен, сброшен с пьедистала, Надеждой дарен и забыт!

Недочитанный роман... Недописанная повесть... В стороне от разных драм. Спи спокойно, моя совесть. Всё прошедшее – забыть. В глушь, на печке пребывая, Нету смысла ворошить Память дней, себя сжигая. От последней от черты Новый счёт ведя дорогам. Позабудутся года, Где дарил себя тревогам. Тихий мир с течением лет К странной мудрости приводит В отрешении от бед, Мысли хороводом водит. Там за гранью, за чертой В глубине Души остывшей – Неотвеченный вопрос. Кем я был в той жизни бывшей? Иногда так нужно: просто на распашку От души и сердца рвём себе рубашку! Кабаки, цыгане, тройка — пусть галопом! Кто не дышит жизнью — тот живёт холопом. До конца, до хрипа, до последних грошей Скинуть с плеч унылость, ту, что тяжкой ношей Одолела сердце, развела докуку. Эй, сюда, милашка! Мы разгоним скуку! Мы разгоним скуку под платок цыганский Или под гармошку, посвист атаманский. Как тебя зазноба? Да не важно это! Счастье, моё счастье, заблудилось где-то...

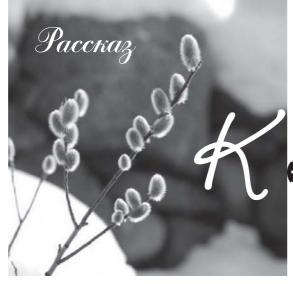

Просто — был... Ты был. И точка. Кем? Возможно, очагом, что так давно остыл... Иль непрочтенной строчкой... А для кого-то жизнью... был.

Анна Шурупова

орзиночка

В магазине толпилось много народа. Ольга решила скоротать свободное время до смены на работе и рассматривала витрины с посудой. Изящные чашечки из костяного фарфора в миниатюрный цветочек делили полку с белоснежными чашками с шедеврами кубистов на боках. Позолота, филигранный рисунок. Как в музее. Из такой посуды каждый день пить не будешь. Так, в буфет за стекло поставить и любоваться.

Ценник на чашки кусался. Ольга вздохнула.

Вокруг суетились люди. Продавщицы шуршали, упаковывая товары.

«Что все берут?» – подумала Ольга.

И она заглянула через плечо тучной женщины. На прилавке высилась горка из свертков.

И тут Ольга увидела аккуратную фарфоровую чашку в синий витой цветочек. Точнее чашек было две. Но первая уже оказалась в руках удачливой тучной покупательницы. А ко второй тянулась рука с облупленными ногтями.

Сердце забилось сильнее,

Ольга схватила чашку.

Берете? – спросила румяная продавщица.

Ольга подумала, что не хватит денег, но только сильнее прижала к себе чашку.

- Сколько стоит? пискнула она в ответ.
 - Сто шестьдесят рублей.
- Почему так дешево? удивилась
 Ольга. Чашки в витринах стоили в разы дороже.
- Не сортовая, блюдце разбилось. Так возьмете?

С боку вопросительно смотрела хозяйка руки с облупленными ногтями.

Я возьму, – радостно ответила Ольга и достала кошелек

На работу Ольга шла почти вприпрыжку, прижимая чашечку с синими цветочками со смешным названием – «корзиночка». Чашка из детства.

Ольга мало помнила свое детство. Ее удивляло, когда подруги подолгу рассказывали про детские

«Корзиночка» стала ярким впечатлением.

У дедушки было много красивой посуды. Когда Оля с мамой приходили в гости, он доставал из дубового буфета со стеклянной дверцей изящные фарфо-

ровые чашечки и стеклянную вазочку с горкой шоколадных конфет.

- Адля Оленьки «корзиночку», говорил он, ставя на стол чашку с синими цветочками.
 - Не давайте ей фарфоровую, разобьет обязательно, ворчала мама.
 Она у меня все чашки перебила дома.
 - Ну что вы, Наденька. Олечка аккуратная девочка, заступался за Ольгу дедушка.
 - Петровна, бурчала в ответ мама. Дело ваше, чашки ваши.

Дедушка, вздыхая, добавлял:

Да, Наденька Петровна, посуда бъётся – люди умирают.

Мама и дедушка вместе примолкли и посмотрели на фотографию на стене. С фото грустно улыбался мужчина Олиными

Потом все пили чай с шоколадными конфетами. Дедушка заводил проигрыватель, ставил пла-

глазами.

стинку. Комната наполнялась волшебными звуками Вертинского, Чайковского, окончательно превращая дедушкину квартиру в музей.

На прощание дедушка насыпал Оле в карман шоколадные конфеты и протянул пластинку.

- Это я Олечке купил Чайковского «Времена года».
 - Спасибо, буркнула в ответ мама.
- Вы, Наденька Петровна, в следующее воскресенье с Оленькой приходите. Я буду учить ее играть на пианино.
- В следующее не придем. На дачу едем. Картошку садить нужно. Вы картошку едите?
- Картошку? Наверное, рассеянно отвечал дедушка, когда они уже вышли на лестницу.

На улице мама вырвала из Олиных рук пластинку и, запихнув в авоську, продолжала ворчать:

– Музыка, музыка, лучше бы денег дал.

Они шли на трамвай, а в голове у Оли звучал голос Вертинского.

Потом была картошка.

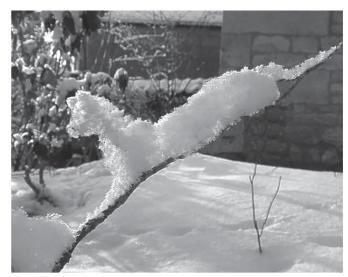
Дедушку Оля видела все реже. А потом и вовсе они перестали ходить.

На все Олины расспросы мама сказала:

– Времени нет, уроки лучше делай.

Однажды мама вернулась домой с коробкой, полной посуды. Вместе с соседкой по квартире они разбирали фарфор.

Продать все нужно, – советовала маме соседка.
 Чувство грусти наполнило Олино сердце, когда она зашла на кухню.

- «Корзиночка» моя! Оля увидела в маминых руках чашку с синими цветочками.
 - Мама, давай ее оставим!
- Глупость какая. Тебе сапоги нужны. Из обычных попьем, что мы, барья какие?
- Мамочка, ну пожалуйста, мне не нужны сапоги, я в старых похожу! закричала Оля.

Но мама только отмахнулась.

Оля проревела весь вечер.

А когда вернулась на прокуренную кухню, где с потолка свисали растянутые детские колготки и сквозь выцветшие занавески солнечный свет падал на облезлый стол, мама уже ушла.

Так решилась судьба дедушкиного фарфора.

Оля ходила в школу в новых сапогах. В тот год уродилась картошка.

Дедушкину квартиру разменяли, и Оля с мамой переехали в отдельную квартиру с просторной светлой кухней. В кухню купили новую мебель, но чашки по старинке мама предпочитала эмалированные.

...Вечером после работы Ольга вернулась домой. Заварила ароматный чай, насыпала в вазочку шоколадных конфет. И, устроившись в кресле у окна с «корзиночкой» чая под волшебные звуки «Времен года», почувствовала себя настоящей принцессой.

Шурупова Анна Сергеевна

родилась в Ленинграде. Первые творческие шаги начала в 2008 году. Дальше была литературная огранка в мастерской Дмитрия Вересова и студии Дмитрия Каралиса. Публикации в сборниках «Петербургская проза», журналах «Литературный Микс». Живет и творит в Санкт-Петербурге.

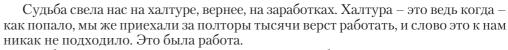

Виктор Брюховецкий (Ленинградская обл.)

Лауреат первой премии литературного конкурса им. В.Г. Короленко

COMPOS PACCKASA

Нас было шестеро, мы все — из Ленинграда, нам были нужны деньги, а деньги платят за работу, и мы работали. Предварительно списались с председателем колхоза, и теперь строили коровник. Жуткое это дело, особенно — фундамент.

После первого дня, я отказался от ужина и заснул не разуваясь. Инженерик. Пришел в себя только к концу первой недели, и то, если по правде — не совсем. Так, наполовину, но уже соображал. Рабочий день был не по часам — по свету, от зари до зари.

А еще через неделю ездовой из местных в баню нас пригласил. Он работал водовозом, возил на бричке воду в кадке — для фермы. Сам — на козлах, а бочка на пассажирском сидении была прилажена. Иногда он возле нашей фермы останавливался на работу нашу поглазеть да покалякать, а потом и пригласил.

С баньки этой все и началось.

Банька была славная, протоплена хорошо, с дымком. Хозяин ее, водовоз, лет уже был преклонных, но на вид крепкий. Фамилию носил красивую, казачью — Есаулов. Сперва он веником нас отхлестал, а уж потом себя начал. Ухнул воды на каменку, крякнул и пошел жарить в две руки, мы только переглядывались. Поинтересовались, сколько же годков папаше.

- К семидесяти, сынки, к семидесяти...
- Хорошее здоровье, отец.
- Да-а... Бог миловал. Батя за сто прожил и мне наказывал...

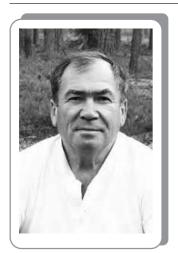
Ну и дед, ну и водовоз!

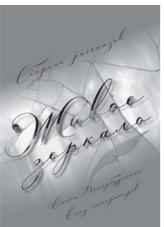
Еще в предбаннике, когда раздевались, я обратил внимание на правое его плечо, на шрам. Глубина его и форма, в виде воронки, подсказывали — Есаулов воевал. Я таких шрамов в детстве в банях насмотрелся — на всю жизнь хватит. Пулевые, осколочные, ножевые — всех сортов. Это была — осколочная, глубокая и с вывертом. Судя же по тому, как он нас хлестал, кости у деда в плече не были ломаны, либо срослись хорошо.

Потом мы пили чай у него дома. Есаулов жил один. Чай пили с брусничным вареньем. А еще после — пили водку, по чуть-чуть, по стопочке, под свежие папашины огурцы. Для знакомства. Водка была наша, еще в Ленинграде купленная на всякий случай. К водке мы и палтуса прихватили, копченого, целую штуку. Папаша от рыбки сомлел, а нам приятно.

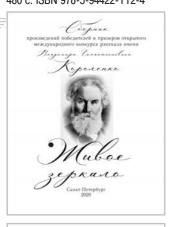
— Вашего брата, халтурщиков, кажин год здесь бывает, так я всех в бане мою... Да-а. То хранилище строили, там, за Тополями, — Михаил Ерофеевич (так, кстати, звали Есаулова) махнул рукой в сторону окна, как бы указывая, где они, эти Тополя, — то хранилище, теперь вот коровник...

Две бутылки водки на семь человек — не очень густо, но папаша спьянел. Не так чтобы шибко, но покривел... Во-первых, в годах был мужик, не нам чета, а, во-вторых, стопки мы ему наливали пополней, по-русски, уважительно. А дед пил. Крякал, как в бане на полке, и пил.

Живое зеркало.—Санкт-Петербург: Центр современной литературы и книги на Васильевском. — 2020. — 480 с. ISBN 978-5-94422-112-4

Жюри конкурса

Нина Катерли, Дмитрий Вересов, Вера Кобец, Виктор Биллевич, Ирина Борисова, Наталья Нутрихина, Андрей Буровский, Мария Амфилохиева, Сергей Арно, Илья Бутман, Ольта Надточий, Сергей Адамский, Наталья Лазарева Разговор покружил немного вокруг коровника, около наших заработков и перешел на Сталина. Есаулов был за вождя. А мы не спорили, старшой было попытался, но дед возвысил голос и скомандовал:

– Все, что пишут в газетах, – брехня!.. Читать противно, да-а... Сталин был за мужиков...

Ну, охренел, похоже.

- Да за каких мужиков? Он их на канале да в колхозах перегноил, а потом еще и в войну угробил.
- Э-э! Нет! Ты молод, это он мне, ты молод, парень, про войну-то... Сталин сына своего не пожалел? Не пожалел... Вот! Сына не пожалел, а?

Сшибало, что Есаулов споры такие водил не однажды и Якова как туза козырного спорщикам показывал сразу, — нате, мол, смотрите, это вам ни в жисть не перешибить. Ну как ему было все объяснить, да и стоило ли?

А Михаил Ерофеевич тогда разоткровенничался. Толи от водки, толи от нутра своего природного. А может, палтус сработал.

– Я до самого Берлина дошел. Всю войну... Всяко повидал, да-а... Вот вы мне, вот вы скажите, сколько немцев одной пулей можно прострелить?

Мы переглянулись.

- Это как одной пулей?
- А просто... Поставить в колонну, и ба-бах!
- Ну, отец, у тебя и вопросы.
- О, молодые, значитца. Не знаете. А прострелить можно только двоих, ну и еще половинку. Не берет наш автомат трех... не берет, да-а...

Показалось, что он сожалеет о том, что автомат такой слабый.

Мы умолкли.

Есаулов сидел во главе стола, лысый, смуглый, с крючковатым носом, как уставшая хищная птица, и я осознал своими чуть-чуть алкогольными мозгами, что дед этот не только верит в Сталина...

- Вы что, Михаил Ерофеевич, видели это со стороны или сами...
- Сам! Нешто со стороны... Повел пленных в штаб, полдороги провел и убил. Поставил в колонну и убил. С одного выстрела...
 - А зачем?
 - Убил и все... Пленные ведь...
 - Один?
 - Что один?
 - Вы были один?
- Нет, с напарником. Он замолчал. И тут же, словно спохватился. А что это ты про напарника?
- Да так, интересно... Я смотрел на него, и мне показалось, что дед вроде как протрезвел. Ну, это только вроде, а там как узнаешь?

В ту ночь я не заснул. Алкоголь прошел, да его и было негусто, в голове прояснилось. Об этих штучках армейских я слышал не однажды, но все — с чужих слов, а тут сам исполнитель. Может, врет? А что напарник? Я ворочался, искружил себе все бока. Чертов дед! Однако делать было нечего, нужно было вставать и брать перо.

Около пяти утра я встал, взял ручку, бумагу и перешел в другой класс. Жили мы в сельской школе. Старенькая такая, деревянная одноэтажечка. Сюжет рассказа, который предстояло писать, уже сформировался. Начинало «зариться», я пристроился к окну

«Человек создан для счастья, как птица для полета»

Раз в жизни к каждому человеку приходит судьба и говорит: «Выбирай».

В.Г. Короленко

Несколько лет назад в Санкт-Петербургском Союзе литераторов было принято долго и трудно вынашиваемое, и по-своему историческое решение — учредили собственный ежегодный литературный конкурс. Ограничились одной номинацией: «короткий, традиционный рассказ». Серьезно спорили, чьим именем назвать проект. Остановились на имени Владимира Галактионовича Короленко, — известного русского писателя, много времени проведшего в городе на Неве, и заслужившего интернациональное признание не только литературно-публицистической, но и правозащитной деятельностью.

Новоиспеченный литературный конкурс «нагрузили» более чем скромными целями: поиском начинающих талантов и содействием в реализации потенциала уже сложившихся мастеров пера.

Принять участие в конкурсе приглашались все желающие, пишущие свои произведения на русском языке. Для победителей предусмотрели дипломы и денежные премии.

Проект заработал. Как в любом творческом начинании, случалось всякое — однажды даже пришлось распускать жюри, правда, по его же просьбе, в связи с большим объемом работы. Оно и понятно: за восемь лет Оргкомитет рассмотрел в общей сложности около двух с половиной тысяч присланных рассказов. Впечатляет и географический разброс адресов номинантов. Заявки приходили не только из разных точек России, но и из стран СНГ, из ближнего и дальнего зарубежья. Таким образом, сами авторы позволили называть этот литературный турнир международным.

А профессиональный уровень конкурса читатель оценит самостоятельно, ознакомившись с данным сборником, состоящим из произведений, вошедших в число победителей и призеров всех восьми конкурсов.

С надеждой на продолжение этого успешного и, уверен, нужного литературного проекта

Григорий Дединский, Председатель Оргкомитета конкурса им. В.Г. Короленко

Учредитель литературного конкурса им. В.Г. Короленко: Санкт-Петербургский Союз литераторов (СПСЛ)

и написал первые слова. Я написал: «Пуля пробивает двоих и застревает в третьем. Ей не хватает силы. Убойной...»

Перечитал — нормально. Пожалуй, так и будет... Наш старшой — Олег Тарунин — нашел меня в половине седьмого.

– Ты чего, Сергей?

Я взмолился:

– Олег, пишется... Дай отгул.

 Обурел? Какой, к черту, отгул? На заводе, что ли? Брусья нужно заводить...

Он посмотрел на исписанные мной листы и ушел. Вернулся минут через пять.

– Ну, ты даешь! Ладно, пиши... Условие такое: вечером читать будешь, понравится ребятам – отгул, не понравится – прогул, – и руками развел. – Ребята решили, я ни при чем.

– Годится, Олег... Годится. – Я знал, что это с его подачи. Жучара!

В конце-концов, пусть будет прогул: если пишется, то нужно писать, отложишь на потом — и все. Потом это уже не придет, а если и придет, то совсем не так — и звук не тот, и вкус. С другой стороны, и прогул мне совсем ни к чему. Это, если на круг, рублей на сорок потянет. Заводской аванс!..

Вечером, после ужина, я читал ребятам свой рассказ. Жюри расселось за парты и замерло. Рассказ был сырой, перебелить бы его, но было некогда.

Волнуясь и хрипя, я начал:

«В степи. Рассказ. – Сделал паузу. – Пуля пробивает двоих и застревает в третьем.

Ей не хватает силы. Убойной...»

Через минуту примерно окинул глазами ребят и понял: слушают. Голос мой окреп, хрипота прошла, и корявости некоторых фраз я правил уже на лету. Потом вспомню, если что.

Рассказ был короткий, и прочитал я его быстро. Когда закончил, то заговорили все. Когда все – это хорошо.

 Ну, давайте первое: отгул или прогул? – это Олег.

Посовещались, поспорили и присудили (с натяжечкой!) – отгул.

А потом началось – почему так, почему не эдак?! А откуда ласточка в степи? Если ласточка, то и вода должна быть, если уж не река, то хотя бы озеро...

С водой справились тут же сообща — вот там, где дорога изгибается, пусть она и подойдет к речушке. А что? Вполне убедительно. Если дорога крюк делает, то всегда к воде.

- И все-таки что-то здесь не так, это опять Олег. Он у нас не только по должности старший, но и по возрасту. К его советам я прислушиваюсь. Не так здесь что-то, Серега. Хотя, конечно, похоже на правду... Слушай, есть идея: отдай рассказ почитать водовозу!
 - А что?! почти хором подхватили ребята.
- Не, мужики. У меня почерк, я скривил губы, показывая, какой у меня почерк, сам путаюсь. Пахан не осилит, это не веником.

Олег взял листы, повертел в руках: — Оно, конечно... A жаль.

На том и спать пошли.

Ребята уснули, а я опять без сна. Олегова идея гнала меня к столу, но я не пошел. Не пошел, и все.

И уснул. И правильно сделал. На завтра отгула не было.

Рассказ я белил три вечера подряд. Писал почти печатными буквами – для водовоза старался. Так увлекся, что и про речку забыл. Потом уже вспомнил, но приписывать не стал: дед, поди, не поймет. Подумаешь, ласточка...

Есаулов к моим листкам отнесся подозрительно, но взял

- Я здесь, Михаил Ерофеевич, случай тот описал... Ну, что вы говорили... Ну, про то, как одной пулей...
 - Нешто интересно? Дед сощурил глаза. А?
- Да так, я уклонился от ответа. Наверно, вот так он и на напарника смотрел. Там, в степи. Колюче, с прищуром. А может, не так.
 - Писака, значитца. Пушкин, што ль?
- Да пробую... Написал вот и сомневаюсь: сшибает на правду или нет? Вы, Михаил Ерофеевич, похожее пережили, может, что и подскажете?
- Ну как же... подскажете. Прицелился и вся подсказка...

Ох и дед!..

Подходя к школе, я оглянулся: у водовоза в горнице горел свет. Читает — нет? Может, бросил мои листки куда-нибудь в угол и забыл тут же. Мне очень уж хотелось, чтобы он их прочитал, и я представил, как он будет это делать. Разложит, поди, на столе листки, очки наладит — они у него, наверно, с резиночкой через затылок, чтоб не сваливались, — и, шевеля по-стариковски губами, станет читать:

«В степи. *Рассказ*. Пуля пробивает двоих и застревает в третьем. Ей не хватает силы. Убойной...

Широкими, обезумевшими глазами напарник Есаулова смотрит на рухнувших пленных, судорожно передергивает кадык, восторгается:

- Ишь ты... В бою бы так... это он с перепугу.
- В бою так не бывает... Помоги-ка!

Автоматчики волокут тела в канаву. Солнце палит немилосердно. Один из расстрелянных – третий, в котором застряла обессилевшая пуля, жив, и Есаулов, не целясь, навскидку проводит короткой очередью по его тронутым смертью выпуклым зрачкам. Затем, также молча, он ступает на дорогу и направляется в сторону, откуда только пришел. Напарник идет за ним. Стоит июль. Где-то высоко над головой, в самой слепящей синеве, куда и глядеть больно, полощется жаворонок, такой неуместный в этот час, и трель его сыплется прямо на дорогу под кирзовые стоптанные сапоги двух солдат, неспешно идущих в сторону глухо ворчащего фронта. Обочь, над степным бездорожьем, параллельно проселку движутся три души. Они только что стали бездомными, вышли из убитых и теперь следуют за автоматчиками. Зачем они за ними идут?

Есаулов коренаст, невысокого роста, рябой. Оспины неглубокие, светлыми пятнышками. На вид ему лет двадцать семь. Сбитые сапоги и выцветшая гимнастерка, ладно обтягивающая плечи, выдают в нем вояку. Руки длинные, сильные, нос горбатый, скулы, прожаренные солнцем, буры — крупными красными пятнами, а по ним оспины. Хмельной русый чуб вылез изпод пилотки и свалился на правую бровь. Жарко.

Напарник Есаулова – совсем пацан. У него голубые глаза и черные волосы. Волосы жесткие и корот-

кие, торчат из-под пилотки, как проволока. Сапоги на нем тоже старые и гимнастерка выгоревшая, но во всей его фигуре, такой долговязой и ломкой, даже неопытный глаз и тот определит молодого. Шику есауловского нету. Он из пополнения, из учебки. Вообще-то он сибиряк, из охотников. Ну, это к слову...

На смену безумию всегда приходит раскаяние. А поступок Есаулова воистину безумен. Что двигало им, когда он, ни слова не говоря напарнику по конвою, поставил пленную тройку в плотную колонну, отступил со спины на пять шагов и одиночным из автомата повалил их прямо на дорогу? Проверил убойность автомата? Вот, проверил... Что теперь? А что — что теперь? А теперь ничего, теперь совесть собственная, три бездомных души, напарник и долгая дорога назад... Стоптанные подошвы солдатских сапог наступают на осколки рассыпающейся жаворонковой трели, дробят их еще на более мелкие хрусталики, а птица все сыплет сверху и сыплет, и кажется, что это не кончится.

Степь. Голая. Никого! Жаворонок, два автоматчика да эти души, что движутся, почти касаясь запыленных листьев лопухов и поникших от жары колючих головок татарника. Доколе им идти? Тела остались в канаве, а души — вот они, протяни руку, и достанешь. Есаулов с напарником их не видят. Так устроено. И те, и другие молчат. Души говорить не могут, а автоматчикам говорить пока не о чем.

Если говорить, то о чем?

Есаулов облизывает пересохшие губы, перекидывает автомат с плеча на другое, криво усмехается:

– В бою так не бывает... да-а...

У жаворонка что-то ломается, должно быть — струна лопается. Смолкает трель, и сразу начинают отчетливо работать в траве кузнечики — то часто: цык-цык-цык, то протяжно: цы-ик, цы-ик... Солнце переваливает за полдень, самое пекло, а двое идут и идут, и кажется, что конца их пути не будет. Фронт рокочет, глухо ворочается и медленно перемещается влево. Это так кажется. На самом деле это дорога уходит вправо, к речушке забирает, а фронт все там же

Да... Фронт там же. И там же, в той же землянке, сидит, наверное, сейчас Шаповалов, командир шестой роты, капитан. Утром говорил:

– Ты, Есаулов, – говорил, – там, в штабе, так и скажи: не сопротивлялись, мол, сами сдались. Пусть допросют, а там уж как порешат. Сам вертайся, к вечеру обернешься. Должон...

Пленных было трое, привели ночью из поиска. Разведка в поиск, а они навстречу с поднятыми руками. Бывает же... Двое грубых, заматеревших, а третий – сосунок. Глаза светлые и выпуклые, как у коровы. Напарника в сопровождение Есаулов выбирал сам, из пополнения. Молчун попался, ну да бес с ним, Есаулов и сам-то не больно разговорчив. Полдороги молча прошли, теперь вот назад развернулись. И опять молчком. Сопроводительная бумага, что утром на скорую руку написал капитан, лежит у Есаулова в нагрудном кармане рядом с аккуратно свернутой для раскурки газеткой. Есаулов о той бумаге забыл, лезет за газеткой в карман и машинально вынимает записку. Разворачивает, смотрит и, сминая ее в кулаке, косится на молодого. Молодой о записке зна-

ет, присутствовал, когда Шаповалов ее передавал. Глаза их встречаются.

О чем может сказать один взгляд, даже если он быстр, как молния? О, один взгляд может сказать многое...

Есаулов (думает): «Зачем я его взял с собой? Чертова кочерга... (Так он в мыслях называет напарника). Один бы справился...»

Кстати, еще утром он и не думал убивать пленных. Он думал отвести их в штаб и сдать. Мысль одной пулей убить троих пришла ему в голову дорогой. Хотя ведь как сказать — дорогой. Вообще-то эта мысль в его мозгу, как ржавый гвоздь в горбыле, сидела с самого начала войны, с первого расстрела пленных. «А что? Если пленных расстреливать одной пулей нескольких, то — что в этом плохого? Они наших — очередями, а мы бы ихних — одиночными... Хорошо бы, конечно. Но тут вопрос: сколько ставить на выстрел — троих, четверых? А может, пуля и пятерых прошьет? Попробовать бы, а тут и случай как раз — что надо, пленные — вот они, рядом!»

Зашевелился ржавый гвоздь в горбыле, невмоготу Есаулову стало...

Теперь Есаулов знает: с пяти шагов пуля пробивает двоих. Слабые пули, однако...

Напарник (думает): «Зачем он меня взял с собой? Зачем он вообще это сделал? А быстро-то как, так он и меня убьет... Запросто. Странный тип, убил и молчит. Старлей в учебке про такие вещи не говорил, старлей говорил, что наши солдаты — самые гуманные, без суда ни-ни, а вот фашисты — это звери. Что же получается-то?»

Есаулов: «Перед Шаповалом выкрутиться можно будет. Можно сказать, что расписку в штабе не дали — забыл спросить или еще что, можно чего-нибудь придумать: про побег там, про налет... А что Кочерга? Болтанет — и крышка, кокнут как самосудчика».

Он сворачивает цигарку и раскуривает ее.

«Вот чертова незадача. Напрасно, пожалуй, я их стрельнул, да уж больно случай хороший. Их ведь все равно шлепнули бы, как и тех. «Тех» тоже из поиска притащили, двоих, правда. Головня вон поболтал на ихнем минут двадцать и руками развел — рядовые, бестолковые, ни хрена не знают. Талдычут одно — «Гитлер капут, капитулирен». Ну и что? Свели их утром на зорьке в рощу березовую и «капитулировали». Тайно и быстро, чтоб особисты не пронюхали. Жаль, Головню убили, он бы и с этими поговорил — тоже, небось, ни черта не знали, не из генералов. А вообще-то их ведь все равно шлепнули бы. Ну не на дороге, так за штабом, в кустах каких-нибудь, в логу. Подумаешь, суд, трибунал — они вон наших без трибуналов чикают, а мы что, хуже?»

Есаулов успокаивал себя, но успокоение не приходило. Помнил — тот случай перед наступлением был, а тут передышка, и команда была ясная: доставить в штаб.

«А если они убежать хотели? Ну, если побежали! Тогда убить их — самое правильное. Может, они разведчики, может, на это и было рассчитано. Раз бегут — значит, враги... Но это — если бы кадыкастого рядом не было. Расскажет ведь, сука. Вон, глазами стреляет, смотрит себе под ноги, в пыль дорожную, да

(1)

думку думает. А думка, поди, одна: как Есаулова заложить. Нет уж, хрен тебе, на Есаулове в рай не въелешь»

Снова звенит жаворонок. Тот же. Отремонтировали кузнечики ему струну, и вот спешит он опробовать ее, взвился в синеву и захлебывается оттуда переливчатой трелью, всю округу обсыпал. А тут и ласточка откуда ни возьмись — шасть через дорогу! Напарник замедляет шаг, вскидывает голову к небу: где ты, серая птичка, чему радуешься?

Тень от него, постоянно маячившая перед Есауловым, вдруг исчезает. Есаулов вздрагивает и оборачивается. Кочерга идет медленными мелкими шагами, загребает кирзухами пыль и смотрит в небо. «Жаворонка смотрит, от дурак!»

Напарник и впрямь высматривает жаворонка, но еще вполглаза следит за Есауловым. Он видит, как тот вздрагивает, как быстро и зло оборачивается. Такой, стало быть, вопрос...

И тут молодой отмечает, что не помнит, дослан ли у него патрон в патронник. Он оставляет жаворонка – пусть себе смотрит в пристальные глаза Есаулова. Кажется, дослан...

«Чему учил старлей в учебке? А старлей учил: вставил диск, дошли патрон — и на предохранитель. Предохранитель — святая святых!» Он незаметно ощупывает левой рукой планку, автомат на предохранителе. Значит, патрон в патроннике. Конечно же, в патроннике!»

И тут высвечивается в памяти: и как проснулся, и как его Есаулов нашел, и как он автомат готовил. Легче стало. Вроде.

«Есаулов что-то совсем захмурел, о чем думает, интересно?»

А Есаулов идет и пасьянс раскладывает. Может, он и слова-то этого не знает, но раскладку делает. А раскладка не получается, мешает кадыкастый, сбивает все, и «хоть ты што»!

«Расписки штабной нету, а должна быть. Шаповалов – жох, накидает вопросов, и все проявится.

- A кому, - спросит, - пленных передали, а в каком звании, а росту какого, а масти?

И пошло, и поехало, штабников-то Шаповал всех почти знает».

Конечно, эти вопросы можно продумать, не первый год замужем, штабников-то и Есаул знает, да только Кочерга врать не станет, зачем ему врать-то.

«А может, его и не спросят... А – спросят? Скажет все, как было, и крышка тебе, Есаул... Поставят к осине, и одиночным, чтобы экономно, Есаул, экономно! В затылок... А вот когда череп лопается, слышит это человек или нет? Когда оглоблей звезданут, то слышит, а когда пулей?.. Ну и мысли!»

Он цыкает сквозь зубы на дорогу – слюна густая, цыкается плохо – и смотрит на придорожные сизые от пыли лопухи. Ему чудится, что над лопухами тень проходит. Странно, в небе ни облачка.

Тень эту и кадыкастый замечает. А может, это мерещится обоим, и нет ничего на самом деле, может, это ветром листы шевельнуло? Может, и ветром, а может, и тень.

Души расстрелянных совершенно невидимы, прозрачны. Это – если сквозь каждую душу смотреть в отдельности. Если же их совместить в колонну и посмотреть сквозь, то прозрачность нарушится. Солнечные лучи в них увязнут. Тогда и появится легкая тень, как от ласточкина крыла, — шасть только... Может, это она и была, тень-то, может, ее и заметили автоматчики? Может, и ее.

Наконец кадыкастый нарушает молчание.

- Как звать-то тебя? Все молчишь и молчишь...
- Меня-то? Есаулов останавливается. Останавливается и кадыкастый. Меня-то? А Петром зови... Петром Тимофеевичем.
- А меня Андреем, фамилия Сохань. Андрей Сохань, напарник фамилию свою назвал твердо и ударение подчеркнул на «о».
- Вот и познакомились. Есаулов хочет улыбнуться. Получается плохо, натянуто. Он пытается завязать разговор. А ты молчун, однако, в сутки десяток слов по норме, што ль?
 - Из тайги я. Не привык к словам.
- A-а... Не привык так не привык... разговор не вяжется.

Они стоят друг против друга как раз посреди всего — посреди степи, посреди дня, посреди войны и, в конце концов, посреди России. А между ними лежит полоска пыльной травы, той самой непокорной травы-муравы, которую испокон веков бьют на проселках копытами крестьянские кони, да никак не выбьют.

- Не жалко мужиков-то? это Андрей.
- Не жалко. Есаулов проводит ладонью по подбородку, по высохшим и от того побелевшим губам. Черт, утром брился, а борода уже как наждак... Не жалко. Нашел тоже мужиков. Это мы с тобой мужики, а они фрицы. У немцев не бывает мужиков. Он прикусывает нижними зубами верхнюю губу, мгновение молчит и добавляет. Все равно им труба...
- Все равно не все равно, а без суда нельзя! Сохань передергивает кадыком, как затвором, и упирается глазами в Есаулова. Он волнуется. Есаулов это замечает, в нем крепнет мысль: «Расскажет салага. Вот незадача».

«Ну что ты, Есаул, разве это новость для тебя? Знаешь ты об этой незадаче, знаешь! Не ее ли решаешь битый час, да только не раскладывается пасьянс. И не разложится»

Так думает Есаулов номер один, а Есаулов номер два знает, что все разложится. Второй Есаулов давно уже не сомневается в этом, решение само придет — до фронта далеко, идти еще и идти, мало ли что дорогой случится.

И все-таки:

- А мы с тобой это разве не суд? Вот решим сейчас, что убили их при попытке к бегству, и кто нас проверит?
- Они не убегали, они сами в плен сдались, зачем им бежать? Сохань не понимает намека или делает вид, что не понимает. Если последнее то очень искусно.
- Да ты дурак, парень! Ну не бежали, а ведь могли и бежать.
 - Могли, да не бежали.
- Ха! Я ему про Фому... Ты знаешь, что мне за это будет?

Сохань молчит.

– Значит, теперь ты должен убить меня.

Он говорит эти слова так спокойно, что Есаулов вздрагивает.

Жаворонок звенит, как взбесился. Солнце. Пахнет теплыми полынями. Степь совершенно голая, никого. Стоят на проселке друг против друга два русских солдата, утром еще незнакомые, а в два часа пополудни уже враги, и разделяет их узенькая полоска травы, той самой... Стоят два солдата, сжимают ладонями ремни автоматов, смотрят в глаза друг другу и, как разойтись, не знают. Затекли пружины в автоматах...

- Почему это убить? у Есаулова голос вдруг охрип, будто в горле пересохло. Теперь он кадыком передергивает. Сохань это замечает.
- Потому что они не бежали... Потому что кровь их безвинная, а такую кровь только другой кровью смыть можно либо чужой, либо своей. Свою тебе жалко. Вот.
- Ну, раздул кадило... Брось эти мысли и пошли давай, нам еще топать и топать. Есаулов улыбается и чувствует улыбка получилась. Это хорошо.

Затем он коротко машет рукой, как бы приглашая в путь, резко поворачивается на девяносто градусов, почти по-уставному, и твердой походкой идет в прежнем направлении. Он идет и жадно слушает. Во время разговора заметил Есаулов, что автомат у напарника стоит на предохранителе. «Будет щелчок, нет?» Щелчка нету. Нету и нету...

«Проклятые нервы! Голос-то как просел, как у молодого петуха. Заметил ли? Наверно, заметил. Вот тебе и молчун, вот тебе и из учебки... Ах ты, Кочерга! Нехорошо, что впереди иду, кстати, и шагов что-то не слышно»

Ухо Есаулова жадное, проявись желанный звук — тут же отметит, но звука нет, даже шагов не слышно — стихли. Он идет и идет. Он знает — дорога у них одна. И все же не выдерживает, оглядывается.

Сохань далеко. Он уходит в сторону фронта прямо через степь, почти перпендикулярно дороге. Дорога потом свернет, наткнется на речку и свернет, они еще утром обратили внимание на этот крюк, но это будет нескоро, к тому времени Сохань намного опередит Есаулова.

«Как плохо получилось! А может, и неплохо, а? Думай, Есаул! Быстро думай!»

Есаулов прикидывает глазом расстояние и передвигает ползунок прицельной планки. «Расстояние пулевое! То, что нужно», — Есаулов не сомневается в себе. Сохань шагает не оглядываясь, мосласто размахивая правой рукой.

«Кочерга! Как утром надел автомат на левое плечо, так и не сменил ни разу». Длинная фигура его четко обозначена. Хорошо видна пилотка, небрежно сдвинутая на затылок. Старики так пилотки не носят. Взгляд Есаулова остр.

Он становится на правое колено и привычно совмещает в прорези мушку и спину уходящего. Очередь должна быть короткой, в два патрона, как в тире. Уже указательный палец плавно ведет спусковой крючок, уже привычно замирает все в груди,

когда три души, те самые, выстраиваются в колонну между стрелком и целью. Есаулов вдруг замечает, что он не видит мишени. Вместо четкого силуэта обозначилось серое размазанное пятно. Зрение его никогда не подводило. Есаулов протирает глаза, сдвигается интуитивно вправо и целится снова. Контур уходящего человека опять четок. За какую-то долю секунды до выстрела цель снова размазывается, снова превращается в серое пятно, но очередь уже не остановить.

 Ту-тук, – две пули, одна за другой, прошивают бездомные души и улетают за четвертой.

Есаулов видит, как Сохань останавливается, тянет с плеча автомат, разворачивается лицом к стрелявшему и падает на спину. Все это так мед-лен-но! Не слышно, как он грохается длинной своей спиной о земной шар, и тем более, не слышно, как щелкает планка предохранителя.

Стрелок встает. Отряхивает с колена пыль. У самых ног его ласточка – шасть, почти сапог касается.

Убийце всегда хочется посмотреть на свою жертву.

Сохань лежит на спине, широко раскинув ноги. Голова запрокинута, кадык торчит, правая рука под себя подвернута, левая отброшена, сжимает автомат. Внимание Есаулова задерживается на подошвах сапог: изношенные, они светятся желтыми шляпками гвоздей и кажутся такими ветхими, такими неземными

«Вот и все, Кочерга! Какой день поганый выдался... Ишь ты, автомат-то как зажал, аж пальцы с...»

Есаулов не успевает додумать, договорить. Он вдруг все понимает, он стонет от досады, рвет с плеча автомат, но поздно. Очереди нет, звучит одиночный выстрел — тук! Пуля бьет Есаулова в правое плечо и разворачивает его. Чуть-чуть. Он роняет автомат, сгибается от боли и левой ладонью зажимает мокрое. Кровь стучит сквозь пальцы, рукав гимнастерки быстро темнеет.

– Я же говорил, что тебе свою жалко.

Сохань стрелял с левой руки, как из пистолета. Старлей учил такой стрельбе. Хороший старлей. Сохань — левша. Есаулов об этом не знал, да разве в этом дело.

Потом Сохань разорвет нижнюю свою сорочку и перевяжет Есаулову рану. А еще потом с места последнего события в разные стороны уйдут: в сторону фронта — два русских солдата, а в сторону расстрелянных пленных — три души...

Июль, село Кухновское.

Есаулов разбудил нас в шесть утра, как раз перед побудкой. Слышу голос:

– Мне писаку вашего!

Это он с нашим дежурным. Встаю быстренько: похоже, прочитал, иначе чего бы так рано приперся. Кстати, Есаулов уже мне не нравился.

– Серега! Иди, водовоз твой пришел, – это дежурный. Есаулов после читки моего рассказа и ребятам не нравился.

Я умылся, вышел на крыльцо. Заря в полнеба. На детском буме, низеньком и сильно подгнившем, спиною к школе сидит Есаулов. Трава в росе. Прохладно.

 Здравствуйте, Михаил Ерофеевич, – мне очень уж хочется, чтобы рассказ походил на правду. **9**3)

- Брехня все это, Пушкин! лицо у водовоза помятое и злое. Он потряс листами, аккуратно свернутыми в трубку, и встал. Встал, но тут же сел.
 - Да я не говорю, что правда. Хоть похоже?
- Похожа, похожа... Свинья на ежа, да щетинка не та. Слыхал?.. Напарник первый в меня пальнул, первый! А ты что пишешь, да еще в спину. Это раз, он встал, выпрямил указательный палец. Потом, вот... э-э, он раскрыл листы и, отыскав нужное место, прочитал: «... идет и пасьянс раскладывает». Это что за хреновина?
 - Это игра такая в карты, пасьянс называется.
- Во-во, я так и подумал. Я в эти карты ни в жисть не играл, кроме как в дурачка. А ты што?!.. И не в степи это было. Потом души какие-то, ты богомольный, што ль?
- Ну могло бы и в степи... я на души не отвлекаюсь. Что ему души?
- Могло... Как же! В степи все видно, в степи своего стрелять это тебе не в лесу, где сумрак... Убилто я пленных в Литве, а там леса кругом. Потом мы на хутор зашли, там и разругались. Посля, когда уже от хутора с километр отошли, он в меня и пальнул... Первый!
 - А вы, Михаил Ерофеевич, а вы?
 - Отстань... Есаулов умолк и нахохлился.

Вот тебе и водовоз! Кокнул, значит, напарника. Выходило, что так, а как иначе — если пальба пошла, если узел смертно завязан?

Он опять сел на бум, уже солнце из-за кустов вылезло, уже ребята с крыльца два раза махали — айда завтракать, а он все сидел и сидел, нахохлившись, как серая тяжелая птица...

Наконец я спросил:

- А Шаповалов?
- Это кто? Есаулов очнулся.
- Ну, капитан ваш, ротный.
- А-а, Рябинин-то... Откуда ты на мою голову свалился? Писака чертов!
- Как откуда, Михаил Ерофеевич? Это ж вы меня заставили писать. Поубивали пленных, напарника вот... Я-то здесь при чем? Просто захотел с вами посоветоваться может, чего и подскажете. Про сумрак я как-то не догадался, мне казалось, что все на свету должно бы быть, чтоб все это видели и жаворонок, и ласточка и чтобы вы обязательно промахнулись, а напарник бы вас чик, и живого в роту привел... Ну, как в рассказе.
- Ох, шустрый какой... В роту! А кто бы тебе тогда про это рассказал?
- Да уж... Но все-таки Шаповалов догадался или нет?
 - Рябинин!!!

- Пусть Рябинин, Михаил Ерофеевич, пусть. Догадался или нет?
- Без догадок узнал, когда связь со штабом наладили. Звонил...
 - Hy?
- Баранки гну! Есаулов матерно выругался. Ишь, чего захотел. Погиб он, погиб. И раздельно: "В бо-ю!.. ".
 - Ну, дед! Ты ж преступник, дед! Как живешь?
 Есаулов молчал.
 - Давай сюда рассказ! Еще сто лет жить собрался!
- Рассказ? А вот не хочешь, он сунул в мою сторону кукиш.

Ноготь на большом пальце желтый, грубый, в крючок загнут.

- А вот тебе, вот! Он вскочил и, развернув трубку, разодрал всю пачку на четыре части (а я-то старался!). Разодрал и обрывки в карман сунул. Сунул в карман и медленными тяжелыми шагами пошел со школьного двора. Около ворот остановился.
- Не было этого, слышишь, не было! Все выдумки!.. Собачьи!..

Когда я вернулся к ребятам, каша уже остыла.

- Ну что дед? Олег правил оселком топор.
- Говорит, что брехня это. Говорит, нельзя в степи убивать. Видно говорит. Считает, что лучше это делать в лесу, там сумрак...
 - Ну и дед!
- Ага... дед... напарника кокнул, признался. Где-то в Литве, говорит. И ротного, похоже...
- Вот! Олег хлопнул себя по колену и отложил топор. Вот!

Я же говорил, что что-то в твоем рассказе не то. Понимаешь, матерый вояка, с гвоздем в башке и... промахнулся. Нельзя ему промахиваться...

- И пусть нельзя, я отхлебнул холодного чаю. Андрея убивать не буду. Понимаешь, убью Андрея, значит, надо и Шаповалова убивать... Цепочка-то связана. А там еще прицепится кто-нибудь. Пусть ужлучше Есаулова растрибуналят.
- Конечно, пусть, Олег усмехнулся. В баньку пригласил, убивец. Веничком! Бр-р... Подъем, бригада! Три венца заведем и за стропила возьмемся...

Коровник близился к финалу, завели венцы, вывесили стропила. Водовоз мимо нас больше не ездил. Рассказ я перебелил еще раз, менять ничего не стал. Про речку не забыл. Там же, где дорога крюк делает, и прочертил ее. Речушка... Узенькая такая. Ну и ладно, пусть узенькая, главное, чтобы ласточка напиться могла

А рассказ мой тогда не напечатали. Я его в «Звезду» носил. Сначала приняли, похвалили, а потом отказали. Нетипично, мол...

Призер литературного конкурса им. В.Г. Короленко

Ockorok cuhebbi

KBOEA

Живое зеркало.—Санкт-Петербург: Центр современной литературы и книги на Васильевском.—2020.— 480 с. ISBN 978-5-94422-112-4

Битков! Сергей!Визгливый голос в

Визгливый голос воспидрылы носится над участком дурной вороной, бьётся об игрушечные фанерные домики, путается в мокрых кустах.

Куда опять этот урод запропастился, а? Найду – ухи пообдираю. Битко-о-ов!
 Серёжка сидит в любимом углу, скрытый от воспитательницы ободранной сиренью. Обхватив красными от холода ладошками колени, отчаянно шмыгает носом: веснушки так и подпрыгивают, словно мошки, стремящиеся улететь в низкое осеннее небо.

- Нет, ну надо же. Ведь два раза группу пересчитала, все были на месте, девятнадцать голов. А как на обед сажать нету Биткова. Вот скотина малолетняя. Бит-ков!
 - Вера, ты в группе-то смотрела? Под кроватями в спальне?
- Да везде я смотрела. Вон, колготки порвала, пока лазила-то на карачках.
 Ну, сука, он мне ответит за колготки.
 - А в шкафчиках? В раздевалке? В прошлый раз он там.
 - Точно! Вот, зараза.

Воспидрыла, прокурено пыхтя, убегает. Заскрипела дверная пружина, грохнула.

Не пойду, – бормочет Серёжка. – Суп ваш есть, а Петька – плеваться опять.
 И тихий час этот.

Битков — рыжий, поэтому дразнят. И не хотят водиться. Он давно привык молчать с одногруппниками, а разговаривает обычно сам с собой. Сыро, неуютно; облака ползут грязно-серыми бегемотами, давят брюхом. Серёжка начал смотреть на улицу, сквозь забор из рабицы: там тоже скукота. Ни пожарной машины, ни завалящего солдата. Только тополя машут тощими руками, будто соседки ругаются, швыряют друг в друга умершими листьями. Какая-то старуха прошаркала галошами, бормоча себе под нос. А на носу — бородавка!

– Баба яга, – прошептал Битков и начал пятиться прочь от ставшего вдруг ненадёжным сетчатого забора.

Опять сел на корточки, чтобы быть меньше, незаметнее.

И — увидел вдруг.

Вдавленный в грязную землю, между редкой щетиной жухлой травы, неровный треугольник, размером со спичечный коробок.

Пыхтя, выковырял с трудом: кто-то будто вдавил каблуком, хотел разбить — а мягкая земля не дала.

Осколок синего стекла. Настолько синего, что сразу вспоминалось деревенское лето, оранжевый смеющийся шар в зените, запах полыни и нагретых солнцем помидоров. Сухие ласковые руки бабушки Фени, тарелка шанежек, похожих на подсолнухи. И кружка тёплого молока, которое от щедрой горсти малины становилось синевато-розовым.

Серёжа осторожно поднял осколок и посмотрел сквозь него в небо. В серое, сонное небо, в котором не угадывалось даже пятна от скрытого грязной ватой светила.

Учредитель литературного конкурса им. В.Г. Короленко: Санкт-Петербургский Союз литераторов (СПСЛ)

Жюри конкурса

Нина Катерли, Дмитрий Вересов, Вера Кобец, Виктор Биллевич, Ирина Борисова, Наталья Нутрихина, Андрей Буровский, Мария Амфилохиева, Сергей Арно, Илья Бутман, Ольга Надточий, Сергей Адамский, Наталья Лазарева

И ахнул...

…тополя прекратили вихляться, по команде «смирно» вытянулись ввысь и выбросили тугие белоснежные паруса. Волны едва успевали уворачиваться от стремительного форштевня, отпрыгивали, плюясь пеной и сердито шипя. И до самого горизонта, так далеко, что заломило глаза — синее, синее, безбрежное…

– Вот ты где, подонок!

Стальные пальцы с облупленным маникюром вгрызлись в веснушчатое ухо, закрутили его так, аж слёзы брызнули из глаз. Воспидрыла потащила Серёжку в здание — в запах мочи, хлорки и пригорелой каши, в крашеные мрачно-зелёным стены.

А в кармашке штанов притаился синий осколок — мальчик нащупал его сквозь ткань. Шмыгнул носом и улыбнулся.

- Ма-а-ам!
- Отстань. Семнадцать, восемнадцать. Отстань, собьюсь – опять перевязывать.

Мама вяжет, и спицы качаются, словно вёсла резвого ялика. Заглядывает в заграничный журнал со схемой вязки – подруга дала только на один лень

У мамы морщинки возле глаз. Щурится близоруко, но очки не носит, чтобы быть красивой. Когда она смеётся, морщинки превращаются в лучики. Серёжа так солнце рисовал в раннем детстве: кружок и тонкие штрихи.

А когда плачет, бороздки становятся сетью, ловящей слёзы.

Плачет чаще.

- Ну ма-а-ам!
- ... тридцать два. Запомни: тридцать два! Не ребёнок, а наказание. Ну, чего тебе надо?
 - А вот папа. Он же моряком был, да?

Хмурится. Откладывает вязание, идёт на кухню. Мальчик бежит за ней как хвостик.

– Ведь был?

Мама мнёт сигарету. Пальцы её дрожат, поэтому спички ломаются, и только третья вспыхивает. Битков втягивает воздух веснушчатым носом: этот запах ему очень нравится.

Когда мама злится, она называет Биткова не «сынулькой» и не «Серёженькой». И говорит так, будто отрезает по куску:

– Сергей. Почему. Ты. Это. Спрашиваешь?

Мальчик скукоживается, опускает глаза. Шепчет:

- Я же помню. Чёрное такое пальто, только оно по-другому называется. И якоря. И ещё...
- Ты ошибаешься, резко обрывает мать. Твой отец не моряк.
 - А кто тогда?
- Твой отец сволочь! И больше, Сергей, изволь не задавать мне вопросов о нём.

Мама с силой вдавливает окурок и крутит его в пепельнице, убивая алый огонёк. Выходит из кухни и автоматически выключает свет.

Серёжка сидит в темноте. Гладит синий осколок.

И вспоминает – ярко, будто это было час назад: чёрная шинель («шинель», а не «пальто»!), якорь на

шапке, ночное небо погон – золотые звёздочки и длинный метеоритный след жёлтой полоски...

Авоська с мандаринами, ёлочные иголки на ковре, смеющаяся мама, ещё без морщинок у глаз.

И тот непонятный ночной разговор:

- Куда мы поедем, в Заполярье?! В бараке жить?
- Родная, будет квартира. Ну, не сразу.
- Торчать на берегу, психовать за тебя? По полгода! Без работы, без друзей!

Серёжка зажмуривается ещё крепче.

Хочет увидеть играющую солнечными зайчиками лазурь, но вместо неё — тяжёлые свинцовые брызги, оседающие льдом на стальных поручнях, и простуженный крик бакланов...

– Свистать всех наверх!

Чёрные грозовые тучи мчатся, словно вражеское войско, грозно стреляя молниями. Рангоут шхуны стонет, едва выдерживая ураган. Лопаются шкоты и хлёщут палубу, будто гигантские кнуты. Неубранный стаксель рвётся в лохмотья...

Многотонная волна набрасывается злобным хищником, хватает рулевого — и утаскивает за борт. Бешено вращается осиротевший штурвал, растерянно крутится обречённое судно.

Но кто это? Фигура в промокшем насквозь плаще, в высоких ботфортах бросается и хватает рукоятки рулевого колеса, разворачивая шхуну носом к волне.

– Молодец, юнга! – кричит пятнадцатилетний капитан Дик Сенд. – Ты спас всех нас. Тебе всего восемь лет, но в храбрости и умении – дашь сто очков вперёд даже такому морскому волку, как Heropo!

Юнга отбрасывает капюшон, обнажая благородный профиль, и говорит:

Мы идём неверным курсом, шкипер! Кок засунул топор под нактоуз, и перед нами Африка, а не Америка.

Паршивец Негоро выхватывает огромный двуствольный пистолет и стреляет, но юнга успевает закрыть капитана своим телом.

Дик Сенд склоняется над храбрецом:

– Как зовут тебя, герой?

Юноша смертельно бледнеет и успевает прошептать:

– Серж. Серж Биток...

По накренившейся палубе с грохотом катится пушечное ядро...

– Биток! Ты заснул, что ли? Мячик подай.

Серёжка хватает мяч, неуклюже пинает – мимо. Просит:

- Ну, возьмите хоть на ворота. Пожалуйста!
- Иди, иди отсюда. Без сопливых скользко.

- Рыба!

Егорыч грохочет по дощатому столу так, что остальные костяшки подпрыгивают и сбиваются.

- Везёт тебе сегодня, удивляются игроки.
- Нам, флотским, всегда везёт.

У тщедушного Егорыча — штопаная тельняшка, руки в наколках: полустёртые якоря, буквы « $TO\Phi$ », сисястая русалка.

- Ещё партию?
- Не, там же закрытие Олимпиады по телику.

Партнёры встают, идут по своим подъездам. Сергею тоже хочется смотреть закрытие из Москвы, но он остаётся. Глядит, как Егорыч тихо матерится, копаясь в сморщенной картонной пачке «Беломора». Наконец, находит невысыпавшуюся папиросину, чиркает самодельной зажигалкой из гильзы, прищуривается от едкого дыма. Фальшиво затягивает:

 Когда усталая подлодка из глубины... кхе-кхекхе.

Кашляет так, что ходят ходуном тощие плечи. Подмигивает Биткову, обкусывает картонный мундштук, протягивает беломорину:

- Добьёшь, комсомолец?
- Не, мне нельзя.
- Ну да, ну да, хихикает Егорыч. Боксёр, понимаю. Какой уже разряд?
 - Второй юношеский.
 - Ништяк.

Битков деликатно шмыгает. Решается:

- Дядя Егорыч, а океан это ведь красиво?
- Да ну, нах. Лучше три года орать «ура», чем пять лет «полундра». Хотя сейчас два и три служат. Я ж на железе, в подплаве. Чего я там видел? Мазут, отсек да учебные тревоги. Аварийная, начал загибать прокуренные пальцы с жёлтыми ногтями, пожарная, химическая... Уже и не помню толком. «Человек за бортом», во! Для подплава «очень актуально», хе-хе-хе. Зато пайка на флоте это песня! Железная пайка. Сгущёнку давали. И кок не жмотился, добавку всегда пожалуйста.
 - Ну как, а небо, волны? Синева.

Егорыч кивает:

– Когда всплываем аккумуляторы подзарядить – да. Разрешают на мостик по двое подняться, покурить. После отсека-то! Воздух – пить можно, такой вкусный. И небо... Да.

Егорыч зажмуривается, его сморщенное загорелое лицо вдруг озаряется щербатой детской улыбкой.

Видит и аквамариновую воду, и такое же небо. Снежно-чистые комки облаков отражаются белыми барашками на гребнях.

Без всякого волшебного осколка – видит.

- Товарищ подполковник, ну пожалуйста!
- Странный ты какой-то, призывник Битков. Какого хрена тебя во флот потянуло? Опять же, три года служить. А так два.

Подполковник отдувается, трёт несвежим платком багровую лысину. На столе – тарелка с надкусанной домашней котлетой, чай в стакане прикрыт от мух бумажкой. Как такому объяснишь?

- Я с раннего детства... Мечта у меня.
- Странная экая мечта, военком крутит толстой шеей, отстёгивает галстук – тот повисает на заколке.

- Городок наш сибирский, тут до любого океана тысячи вёрст. Я тебе так скажу, Битков. Спортсмен, школу закончил отлично. Характеристики хорошие. Кстати, а чего не поступил в институт-то?
- Я хотел в военно-морское или торгового флота, во Владивосток. А мама категорически... Болеет она у меня.
- Ну, и чего? Не поехал во Владик правильно, нахер он нужен. У нас же и сельскохозяйственный, и политех. О! Педагогический, опять же. Одни девки учатся был бы там, как султан в гареме.

Военком подмигивает и противно хихикает.

- Я... Я настаиваю, товарищ подполковник.
- Ну, ты, сопляк! Настаивает он. Настаивалка ещё не выросла. Пойдёшь в ВДВ, в Ферганскую учебку. Про атмосферу Земли слышал? Пятый океан, голубой. Будешь прыгать с парашютом считай, в синеве купаться, хе-хе.

Злой воздух хлещет, давит стеной. Десантники прячутся за рубкой катера, кутаясь в бушлаты. Старлей кричит, перебивая ветер:

– И чтобы без самодеятельности! Без пижонства этого вашего, никаких бескозырок. Каски не снимать! Высаживаемся, сразу цепью рассыпаемся. Первая группа прикрывает, вторая – с сапёрами к доту. Закладываем заряды и уходим. Всё понятно, товарищи краснофлотцы?

Сосед шепчет на ухо Биткову:

– Ага, уходим. А если ждут, самураи чёртовы? Берлин вон три месяца, как взяли. Обидно так-то. Считай, после войны.

Серёга молчит. Проверяет сумку с дисками, поближе подтаскивает пулемёт Дегтярёва.

Катер сбрасывает ход до самого малого, чтобы не реветь дизелем – сразу начинает качать так, что ноги задирает выше головы.

– Пошли, – командует старлей шёпотом.

Можно подумать, это поможет: катер — как на ладони. Светило хлещет очередями весёлых зайчиков, скачущих по лазури.

«Почему всё-таки не ночью, тля?!».

Кто-то украдкой крестится. Переваливается через борт, ухает в воду — по грудь. Подняв над головой ППШ, идёт к берегу, как танцует — один локоть вперёд, потом — другой.

Битков расстёгивает промокший ремешок, снимает каску, бросает на палубу. Достаёт из-за пазухи беску, натягивает поглубже, ленточки — в зубы. Зажмурившись, кивает солнцу. Прыгает в зелёную волну.

Бредёт к мокрым камням: они сейчас похожи на ленивых тюленей, развалившихся под жарким небом августа.

Когда остаётся двадцать метров, оживает японский дот. Бьёт прямо в лицо ослепительными вспышками.

Серёга, опрокинувшись на спину, тонет: вода смыкается над головой, плещется, рвётся в продырявленные лёгкие.

Нечем дышать.

Битков пытается нащупать в кармане треугольный стеклянный осколок.

- Харе орать, Биток.

Сергей распахивает глаза. Пытается втянуть раскалённый воздух – и корчится от боли. Розовая пена пузырится на губах.

Над головой – не синее курильское небо и не зелёная тихоокеанская волна.

Над головой — потолок кабульского госпиталя. В жёлтых потёках и трещинах, напоминающих бронхи на медицинском плакате.

- Осколок! Осколок мой где? хрипит Битков.
- Во, видали? Хирурга спрашивай. Там из тебя всякого повынимали, и пуль, и осколков.
- Нет, кашляет Серёга. Сплёвывает в полотенце, добавляя бурых пятен. Стеклянный такой. Синий.
- Тъфу, вот чокнутый, а? Его когда в вертолёт тащили, тоже всё свою стекляшку искал. Кто маму зовёт, а Битков – кусок бутылки.
 - Где?!

– В манде. В тумбочке твоей, придурок.

Рыча, садится на койке. Ощупывает перебинтованную грудь. Скрипит верхним ящиком тумбочки.

Тощая пачка писем. Картонная коробочка с орденом Красной Звезды. Мыльница. Бурый огрызок яблока. Вот!

Берёт осколок синевы. Прижимает к повязке, осторожно ложится на спину.

Улыбается растрескавшимися губами.

– Ну, всё! Кабздец тебе, барыга.

Кожаных четверо. Мелькают набитые кулаки, белые полоски «адидасов».

Мужик держится секунд десять, потом бритые его заваливают, начинают пинать лежащего с хеканьем, выдающим удовольствие от процесса.

– А ну стоять!

Битков ставит на скамейку ободранный чемодан с металлическими наугольниками, бросается в драку.

Первый даже не успевает развернуться – хрюкнув, падает мордой в асфальт. Второй успевает, и совершенно зря. Прямой левой приходится точно в челюсть.

Третий издаёт мяукающие звуки, начинает махать ногами. «Балерун, тля. Кто же ноги выше пояса задирает в реальном-то бою?».

Битков ловит каратиста под колено, бъёт лбом в харю. Добавляет уже по упавшему.

Последний шипит что-то матерное, выбрасывает тонкий луч ножа. Вот это – зря. За такое не прощают.

Серёга выбивает нож. Руку ломает вполне осознанно и намеренно.

Помогает мужику подняться.

- «Барыга» смотрит на свой пиджак в кровавых пятнах. Качает головой:
- Надо же, суки. Двести баксов платил за шкурку-то.

Подходит к каратисту, пинает узким туфлем. Нагибается и орёт:

 Вы, бычары, всем кагалом не стоите, сколько пиджак! Так своему старшему и передай: должен теперь.

Поворачивается. Протягивает Биткову бумажный прямоугольник:

– Будем знакомы. Павел Петрович.

Удивлённый Серёга крутит картонку, чешет лоб:

- А это чего это?
- Визитная карточка, хмыкает Павел Петрович. Ты откуда такой взялся? Вписываешься ни с того ни с сего, визитки пугаешься.
- Я-то местный. Просто четыре года за речкой.
 Сверхсрочную ещё.
- А! Афганец, значит? Это хорошо. Пошли. С меня «поляна» за спасение.
 - Да как-то...
- Пошли-пошли. За всё платить надо. А про Пашу-Металлурга любой скажет: я долги отдаю.

Четыре огромные трубы, будто наклонённые назад встречным ветром, нещадно дымят, пачкая ослепительную лазурь. Нож форштевня режет бирюзу, как грубый плуг – английский газон.

По верхней палубе прогуливаются пассажиры первого класса: сияют цилиндры, топорщатся нафабренные усы. Дамы сверкают драгоценностями: один гарнитур стоит столько же, сколько новейший миноносец.

Смех, словно звон серебряных колокольчиков. Улыбка — нить жемчуга в перламутровом обрамлении.

– Вы так милы, Серж. А китель великолепно облегает вашу фигуру. Ах, моряки – моя слабость.

В полутьме – шуршание сползающего шёлка. Алебастр кожи. Неземной аромат.

- Это Флёр д' Амур, запах любви. Идите ко мне, мон капитэн.
 - Кхм. Пока только вахтенный начальник.
- Ах, смешной! Разве это важно? Вы же приведёте бригантину нашей любви в лагуну истинной страсти, не так ли?

Звон пружин.

Жар скользящих тел, влага и дурман.

Скрип пружин.

Скрежет измученных пружин.

Вздох.

Стон.

Стон и скрежет рвущегося железа.

Бешеный стук вестового в дверь каюты:

– Всех офицеров на мостик! Катастрофа, мы столкнулись с айсбергом.

Крики наполняют тесные пространства палуб.

Ах, вы же не бросите меня, Серж?!

Прижимается горячим телом, умоляя.

Битков открыл глаза.

Кто-то уткнулся в плечо, прижался горячим телом. Серёга скосил взгляд, увидел пышную пергидрольную волну. Отодвинулся осторожно. Потрогал:

– Эй, девушка! Вы кто? Гражданка...

Ты чё, ты ж не мент, вроде. Какая я тебе гражданка?

Перекатилась на спину, потянулась, даже не пытаясь прикрыть роскошные формы.

Битков отвернулся. Начал собирать по полу одежду, вперемешку свою и женскую.

Блондинка мяукнула:

- А ты чего торопишься, милый? Я не против продолжения.
- Можно и продолжить. Только я нихрена не помню. Где мы? И ты откуда тут?
- Ну как же. У Павла Петровича на даче. А ты меня сам выбрал. И можешь не спешить, ещё два часа оплачено.

Битков выпучил глаза:

- Ты что, эта? Э-э-э. Проститутка?
- Фи. Какая проза. Я ночная бабочка, ну кто же виноват?

В дверь стукнул и сразу вошёл Павел Петрович. Рассмеялся:

 Что, уже поёте? Так, Серёга, пошли вниз, опохмелю, и поговорим. А ты, подруга, давай, собирайся. Премию у водителя получишь.

– Для начала пятьсот баксов в месяц. Ну, и десять процентов в бизнесе.

Битков крякнул.

- Да, я со своими щедрый. А ты свой. Ну что, ещё «абсолюта»? Простого или чёрносмородинового? Сергей прикрыл стопку ладонью.
- Погоди, Пал Петрович. Очень заманчиво, конечно. Только я не собирался дома оставаться. Хотел во Владик ехать, поступать в училище Невельского. Переживаю только за экзамены, со школы не помню ни фига.
- Тю! И на хрена тебе оно надо? Ты ж четыре года лямку тянул, а там первокурсники в казармах. И закончишь кем будешь-то?
- Я на судоводительский. Штурманом буду.
 Потом и капитаном, если повезёт.
- Вот смотрю я на тебя, Биток, и охреневаю. Точно блаженный. Пароходов-то не осталось уже, моряки без работы. Это они при совке были крутые, дефицит возили и инвалютные копейки получали. А сейчас нищета, кто под флагом не ходит.
- Я не из-за денег. У меня мечта! Я океан мечтаю с детства увидеть.
- Дурак ты, ей-Богу! Да заработаешь денег и поедешь на свой океан. В круиз. С мулатками.

Серёга потрогал неровные края треугольника в кармане. Помотал головой:

- Нет.
- Ну, хорошо. Давай так: годик у меня поработаешь. Квартиру купишь, мать подлечишь. И на будущий год поступишь. Я там-сям подмажу, связи подниму проскочишь в своё училище, как по маслу.

Битков сказал, только чтобы не обижать хорошего дядьку:

- Я подумаю.
- Это как раз хорошо. Никому не возбраняется.
 Подумать оно полезно.

– Итак, «Кореец» вернулся, атакованный японскими миноносцами. Блокада Чемульпо полная. По старой флотской традиции, господа, первое слово – самому младшему по званию и годам службы. Сергей Иванович, прошу вас!

Мичман вскочил, волнуясь. Огладил тужурку. Прочистил горло.

– Господа, я подумал...

Командир подождал. Улыбнулся ободряюще:

- Ну что же вы, голубчик? Продолжайте. Подумать иногда даже штафиркам не возбраняется, а уж вам и сам Бог велел.
- Всеволод Фёдорович, надобно принимать бой. Я полагаю, необходимо идти на прорыв, пытаться уйти в Порт-Артур.

Сел, краснея.

Офицеры поднимались один за другим, говорили о том же.

Командир помолчал. Перекрестился.

— Ну что же, так тому и быть. Офицеров по механической части — прошу сделать всё возможное, чтобы обеспечить полный ход хотя бы в девятнадцать узлов. Поговорите с кочегарами, с машинной командой. От всех господ офицеров и экипажа жду, что исполните свой долг до конца. Выход назначаю в одиннадцать часов. С Богом.

В ушах ещё гремели оркестры английского и французского стационеров, провожавшие крейсер на безнадёжную схватку.

Море было спокойным и безмятежным, ластилось к крейсеру, поглаживая борта зелёными лапами. Фокмачта царапала синеву, словно пытаясь оставить последний автограф.

Мичман приник к визиру. Нащупал хищный силуэт японского флагмана. Прокричал:

– Дистанция сорок пять кабельтовых!

Это было в 11 часов 45 минут.

В 11.48 в верхний мостик угодил восьмидюймовый снаряд с «Асамы».

После боя моряки обнаружили оторванную руку мичмана, сжимающую стеклянный осколок: видимо, от оптической трубы.

Всё, что осталось от дальномерного офицера.

Битков вскрикнул. Разжал ладонь: синий осколок врезался в пальцы. Поднял ко рту, высосал капельку крови.

– Ты когда-нибудь себе пальцы отрежешь, дар-

Жена сидит у итальянского авторского зеркала. Правит ноготки пилкой: «вжик-вжик». Будто крохотные мирные раковины превращает в хищников.

Ручка пилки облеплена стразами.

- Это вообще-то ненормально, дарлинг. В пятьдесят лет спать со стекляшкой в руке.
 - Не твоё дело.
 - Фи. Хамишь, май хани.

Битков морщится. Задолбали эти англицизмы – κ месту и нет.

Вжик-вжик.

- Чего ты их трёшь? Сточишь же до мяса. Позавчера делала маникюр.
- И сегодня буду, на двенадцать вызвала мастера на дом.

Сергей Иванович смотрит на бутылку из-под двадцатипятилетнего «чиваса». Наклоняет над стаканом. Остатки едва покрывают дно.

Вжик-вжик.

- Прекрати, достала. Будто мясник нож точит.
- А меня достало, что ты бухаешь с самого утра...
- Хлебало завали.
- ... и до поздней ночи. Ходишь потом с опухшей рожей.
- Заткнись, тварь. Своего тренера по фитнесу учи.
 Если он, конечно, обучаем.

Жена сладко тянется, изгибая спинку:

- O-o-х! И ещё как обучаем. Способный мальчик.
- Он тебе в сыновья годится.
- Бред.
- Нет, не бред. Если бы не чистки твои бесконечные... Как раз родила бы в девяностом, и было бы мальчику двадцать пять сейчас.
 - Слушай, лучше пей.

Маслянистый виски жжёт распухший язык.

Ты не забыл, дарлинг? Сегодня пати у Васильчиковых.

Битков взрывается:

– Во-первых, у твоих Васильчиковых может быть только пьянка под гармошку – по поводу смерти соседской коровы, а никак не «пати». Во-вторых, ты прекрасно помнишь: сегодня мамина годовщина. Я поеду на кладбище.

Вжик-вжик. Точёная ножка качает туфелькой.

Жена никогда не ходит в тапочках: «Фи, это моветон».

«Мама ходила в тапочках. Старых, без задников. И с помпоном на левом. А с правого тапка помпон потерялся».

Звякнул «верту».

Сергей Иванович, это Лёня. Я подъехал, стою внизу.

Чертыхаясь, начал подбирать галстук. Плюнул.

- Ты бы хоть в душ сходил. Воняешь, как козёл.
 Не комильфо, дарлинг.
 - А ты не нюхай. На работе помоюсь.
- Да-да. И ведь найдётся, кому спинку потереть, не так ли? Дай, угадаю. Сегодня у тебя Света? Или эта, чёрненькая. Галя, да?
- Обе сразу, пыхтит Битков, натягивая ботинки. Пузо мешает, а ложка для обуви завалилась кудато.
- Это вряд ли. Обе сразу не поместятся в кабинке.
 Света слишком жопаста.
- Да уж, тебе до Светочки далеко. Одни мослы.
 Сточилась об тренера, мать.

Вжик-вжик.

Охранник вытянулся, отдал честь:

– Здравия желаю, Сергей Иванович!

Битков мрачно зыркнул:

– Ты чего, клоун? У нас что, армия тут?

Охранник побагровел. Содрал бейсболку, начал протирать лысину несвежим платком. На столе та-

релка с надкушенной котлетой и стакан с чаем, прикрытый бумажкой. Проблеял:

- Виноват...
- А чего жрём на рабочем месте?

Блеяние перешло в визг:

– Ви-и-иноват. Исправлюсь.

Битков поднялся на пролёт. Вспомнил что-то, вернулся:

- Слышь, служивый. Ты подполковником был?
 В военкомате?
- Никак нет. Я капитаном третьего ранга. Северный флот.
- Да-а? Подплав? Надводник? живо заинтересовался Битков.
- Я, это. Извините. Замполитом на базе снабжения. В морях не бывал-с.
 - Тьфу ты.

- Серёжа, ну чего ты кислый?
- Петрович, договаривались же. Я— на Тихий океан на две недели. Без отпуска пятый год. А тут в кои веки— без жены, она с подружками своими малахольными— в Париж, на неделю высокой моды. Не могу я ехать в Тюмень.
- Тю! На Тихий океан, ага. В Тайланд, что ли? Смотри, там транссексуалов море. Не перепутай, хаха-ха!
- Да какие... В Находку. Я же теплоход купил. Старенький, но ещё фурычит. Ребята ремонт сделали, фотки прислали. Ты же помнишь, у меня мечта.
- Биток, кончай тут мне. Тьфу, то есть не мне и не кончай. Говорю, надо в Тюмень. Они там совсем оборзели, два лярда уже торчат. А ты разрулишь, ты могёшь. Давай, а?
- Ну, как ты не понимаешь, Петрович! Мы до Камчатки своим ходом, а там уже всё заряжено. Вертолёт, инструктор. У меня график по часам расписан. Экипаж со всей Находки собирали. Не могу я!

Павел Петрович шарахнул волосатым кулаком по столу, звякнула печатка с бриллиантом о столешницу.

- Всё, на хрен! Пропил совсем мозги уже? Русским языком говорю: «два лярда». Закроем контракт нормальную яхту себе купишь, у меня приятель продаёт на Канарах. По божеской цене отдаст. А то будешь позориться на пердящем корыте, белых медведей до икоты доводить. Не обсуждается.
 - Мне не надо Канары. Мне надо Тихий океан.
- А мне пох, что тебе надо!!! Будешь делать то, что надо мне. Иди, готовься. Билеты на самолёт у Светочки своей сисястой заберёшь. Свободен.
 - Да. Я свободен.

Грохнул дверью так, что со стены слетел бесценный картон в разноцветных пятнах, какого-то французского концептуалиста.

Может, всё-таки в ресторан, Сергей Иванович?
 А лучше – домой.

Водитель Лёня доставал из пакета бутылки, складывал на сидении. Понюхал пирожки, поморщился:

(00

- Отравитесь ещё, Сергей Иванович. А у вас поджелудочная. И печень.
 - Простату забыл. И камни в почках. Наливай.
- Водка, вроде, не палёная. Хотя всё равно, вы же – отвыкши. Может, в центр мотанёмся, в «Азбуку»? Виски куплю вам, закусь нормальную...
 - Харе трындеть. Наливай, говорю.

Ухнуло горячим комком, желудок растерялся и присел.

- Ы-ы-ть. Забыл уже, чем родной народ живёт. Наливай.
 - Вы бы хоть пирожком-то.
- Сам их жри. Я кошек не люблю. Ни так, ни в пирожках.
 - Скажете, тоже.
 - «Отпустило, вроде».
- Понимаешь, Лёня. У меня мечта. Про океан. Я в детстве стекляшку нашёл, синюю. Вот эту.
 - Да я в курсе. Вы уж в десятый раз рассказываете.
- Заткнись! Наливай. И слушай. Я ведь через неё посмотрю – и вижу... Волны! Небо! Альбатрос высоко-высоко. И я! То – у Колумба, первым землю замечаю. То с Одиссеем гребу. То Магеллан на моих руках умирает, отравленной стрелой в горло ему... Ярко так вижу – ни в каком кино... А в последнее время – хрень. Сломалась штуковина. Всё какие-то яхты, шлюхи крашеные, губернатор белую дорожку строит. Рожи – свинские! Ни пиратов, ни марсовых. Капитанов нет, одни холуи. В золотых мундирах, что твой Киркоров, тьфу. Понимаешь ты меня?! Всё! Кончилась мечта! Протрахал я мечту. На говно поменял, в купюрах. На стерве этой женился, по расчёту. Детей нет, друзей нет. Думал, на теплоходе, две недели, восстановится всё – хрен там! ПэПэ меня в Тюмень загоняет. Всё, не могу я больше. Наливай. Пошевеливайся давай, тормоз. Чего зеньки вылупил?
- Не надо так, Сергей Иванович. Я не тормоз. И вам не официант.
 - А кто ты? Шестёрка.
 - Да иди ты, алкаш!
- Что-о?! Что ты сказал? Вернись! Вернись, коз-

Битков вылез из «бентли», сел на поребрик. Глотнул из горла. Вытащил осколок, посмотрел сквозь него – увидел серое небо, неряшливые тополя.

Завыл, задрав лысеющую голову.

Зазвонил телефон. Встревоженный голос Светочки:

- Сергей Иванович, где вы? Из Тюмени звонят: вас в самолёте не было. Павел Петрович тут, как Везувий. Извергнётся сейчас.
 - В манду.
 - Что? Я не расслышала.
 - Светочка, у тебя есть ручка и бумага?
 - Конечно, я же в офисе.
- Записывай. Пункт первый. Павел Петрович. Хотя нет, какой он первый? Исправь на «нулевой». Записала?

- Да-да.
- Пункты остальные. Света жопастая.
- Что? Плохо слышно.
- Конечно. Где же тут расслышишь, когда жопа уши затыкает. Дальше. Галочка-брюнетка. Этот, как его. Глозман, начфин. Ой, как же я забыл! Ольга Сергеевна из мэрии. И все остальные. Записа-
- Да, только последний пункт не поняла.Чего ты не поняла, дура? Вообще все-все-все. Как в книжке про Винни-Пуха. Ну?
 - Про Винни-Пуха. Записала да.
- Стой! Вычеркни медведя, он тут точно ни при чём. Вот. А всех остальных обведи кружком. Стрелочку нарисуй. И напиши: В МАНДУ!
 - Куда?
- Туда, тля. Откуда мы все взялись вот туда. Нажал отбой. Хотел разбить «верту» – не успел. Чертыхнулся, принял звонок.
- Дарлинг, где ты?! Я у Васильчиковых, тут весь бомонд, ждём тебя.
- Вот, блин, чуть главного-то не забыл! У тебя моей Светочки есть номер? Позвони сейчас ей и попроси, чтобы тебя включили в список. И Васильчиковых, и бомонд.
 - Какой список, хани?
 - Она знает. Конец связи.

Размахнулся телефоном.

Спохватился, набрал зама по безопасности.

- Да, Сергей Иванович? испуганно.
- Там у тебя утром на вахте стояло мурло одно. Косит под моряка, а сам... Короче, уволь его на хрен. Только сначала сорви перед строем морские погоны.
 - Ка... Какие погоны?!

Вот теперь – всё.

С наслаждением грохнул телефон об асфальт. Вытащил из замка ключи, закинул в кусты.

Шёл вдоль обочины, разбрасывая: паспорт, визитки, кредитки. Швырял купюры, ключи от кондоминиума, от гаража, от загородного дома.

Обручальное кольцо долго не поддавалось.

Достал конверт с документами на теплоход. Подумал. Порвал и разбросал обрывки: ветер унёс их в ночь, как мотыльков.

Последним был синий осколок. Сжал, крича прямо в треугольный глаз:

– Ты! Если бы не ты, я бы давно сам на океан уехал! Понимаешь? Сам! А ты мне всё картинки показывал, вместо настоящего океана. Скотина ты,

Бросил, пытался раздавить каблуком – мягкая земля приняла. Не дала расколоть.

И пошёл вдоль трассы.

На восток.

Навстречу солнцу, которое в тысячах километров отсюда проснулось, сладко потянулось и сбросило сапфировое одеяло Тихого океана.

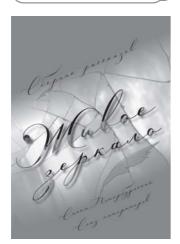

Сюзанна Кулешова (Санкт-Петербург)

Лауреат первой премии литературного конкурса им. В.Г. Короленко

Мадлен

Живое зеркало.—Санкт-Петербург: Центр современной литературы и книги на Васильевском.— 2020.— 480 с. ISBN 978-5-94422-112-4

Начнём с того, что мы с Мадлен возненавидели друг друга, едва поставив наши подписи на заявлении о вступлении в брак. Мадлен — это не настоящее имя, но — то, что в метрике, ещё хуже. Не знаю, кому в наши дни может прийти в голову назвать дочь Наташей? Это же не имя, это — ярлык. Впрочем, я и сам пользуюсь ником, каким — неважно.

Пожениться нас заставили предки с обеих сторон. Мы спьяну перепихнулись на какой-то угарной вечеринке. Она что-то там не рассчитала и залетела. К этому времени на ней, как говорится, некуда было ставить клейма. Наверное, любой, кого она, по обыкновению нашей тусовки, называла братиком, мог рассказать о ней много забавного и анатомического. Вот и я тоже. Но влипнуть так любой конечно не мог.

Её маман решила поставить точку в бесконечном распутстве дочери. И мои — с ней согласились. Типа, я должен нести ответственность за свои поступки. Типа, им ужасно не повезло с сыном. Словно я — товар. Который они приобрели на распродаже. И он не соответствует заявленному качеству, но вернуть его нельзя по условиям.

Нам было по семнадцать.

Мы только что закончили школу. То есть, это я закончил кое-как экстернат, а Мадлен требовалось сдать, наконец, эти чёртовы ЕГЭ, на которые у неё просто не хватало времени. Почему – думаю, понятно.

Итак, без нудных торжеств и белых платьев, что, впрочем, нас обоих устроило, мы оказались вдвоём на съёмной квартире, аренду которой – в качестве свадебного подарка – проплатила маман новобрачной. За три месяца. Пока мне не стукнет восемнадцать. А дальше я должен был сам справляться с проблемой.

 Мы можем ничего не менять в своей жизни, – заявила мне жена, бросив в какой-то ящик ненавистное свидетельство нашей неловкости.

Я не был уверен в этом, но её слова зародили надежду. Впрочем, напрасную. Уже на следующий день я застал её в сортире — обнимающей унитаз. Нет, мы не нарезались накануне. Она вообще оставалась дома, сославшись на недомогание, а я бегал по друзьям — не поверите, в поисках работы. Скажете, что за идиотизм, и кто так ищет работу?! Да откуда я знал, как её искать вообще. Я не думал об этом никогда. Некоторые как раз и просветили, и рассказали про резюме и всякие сайты знакомств с работодателями.

Я пришёл порыться в интернете, а она блевала и была не в силах ничего объяснить.

– Что вы хотите? – усмехнулся врач «скорой», которую я вызвал, испугавшись не на шутку. – Обычный токсикоз.

Ну, ничего себе, – обычный. Я конечно не совсем лох, и знал, что баб тошнит от детей внутри, но – чтобы так, словно она нажралась какой-то отравы или палёнки?! И, главное, это всё вообще не проходило!

- Если так будет продолжаться, сдайте анализы. Быть может, придётся прервать беременность, - ободрил меня доктор, прощаясь в прихожей.

Я возликовал!

Зря. Анализы были настолько ужасны, что врачи аборт делать запретили. Типа, это может быть, вообще единственный шанс родить ребёнка. Да и фиг бы с ним!

Учредитель литературного конкурса им. В.Г. Короленко: Санкт-Петербургский Союз литераторов

Жюри конкурса

Нина Катерли, Дмитрий Вересов, Вера Кобец, Виктор Биллевич, Ирина Борисова, Наталья Нутрихина, Андрей Буровский, Мария Амфилохиева, Сергей Арно, Илья Бутман, Ольга Надточий, Сергей Адамский, Наталья Лазарева

Мне-то что! Но Мадлен была несовершеннолетней, хоть и замужней, и всем рулила маман.

– Хорошо, – вялый голос супруги меня раздражал. – Я его, может быть, выношу. А потом – заживём, как

Эти слова меня просто взбесили:

– Что ты лепишь?! Куда ты денешь своего выродка?! Ты будешь сидеть с ним день и ночь, потому что они не спят! Никогда! Они орут, жрут и гадят под себя!

Я уже всё прочёл в интернете и знал, что нас ждёт. И меня волновало только одно: какого чёрта я не сбежал сразу, как узнал про беременность?

Я вообще был как во сне, но не мог прервать этот кошмар! Быть может, я думал, что предки будут меня по-прежнему содержать: кормить, одевать, давать карманные деньги? Ничего подобного! Я не думал ни о чём! Плыл, как говорится, по течению. А теперь — орал на эту дурочку от нашей общей боли, от того, что всё, что с нами произошло, это — правда, и мы больше себе не принадлежим. И нельзя просто встать и уйти, обо всём забыв. Я, по крайней мере, не мог.

– Ты понимаешь, что все деньги, которые я заработаю, если заработаю, мы будем тратить не на бухло, не на кино! Кино вообще забудь! Только по телику! Мы будем гулять в грёбаном садике с долбанной коляской! И ты будешь толстеть и дурнеть!

Она вдруг заплакала. Я это видел в первый раз. Её все за то и любили — в смысле, всем нравилось с ней, потому что она никогда не устраивала этих бабских истерик. Всегда находила повод поржать, чтобы ни случилось. А теперь вдруг зашмыгала носом и залилась слезами. Молча.

- Ладно. Не реви, я отвернулся, не в силах это видеть, преодолевая желание обнять её.
- Не могу, всхлипнула она. Я пытаюсь. Не получается. Прости.

Некоторое время я сидел, уставившись в стенку, готовый зареветь сам — от безысходности и непонимания, почему всё так. Слушал её всхлипы.

- Мы его продадим! вдруг выпалила она.
- Кого? я не сразу понял.
- Выродка, как ты сказал, она уже улыбалась и даже казалась хорошенькой.

У меня возникла мысль провести с ней весёленький вечерок. Ну, вы понимаете. Жена она мне или как?!

- Чудесная идея! – заорал я. – За это стоит выпить!

Она не успела отреагировать на моё предложение, у неё снова начался приступ рвоты.

 Никогда, слышишь, – шипела она минут двадцать спустя. – Не говори мне про «выпить»!

Её снова рвало.

Тем не менее, некоторое подобие романтического вечера мы всё-таки провели, и Мадлен увезли на «скорой» — с угрозой прерывания беременности.

Я сидел в приёмном покое, раздираемый тремя чувствами.

Надеждой (она выкинет, и мы спокойно разведёмся и забудем, по крайней мере, я, это всё).

Ребёнок, если здоровый — реально стоит денег, которые мы с ней можем поделить пополам. Мне бы хватило на подержанную иномарку, — я уже всё узнал.

И мне было, не поверите, жалко Мадлен! Я вдруг почувствовал, как ей больно сейчас и страшно – мне и самому стало жутко.

Когда врач вышел, я бросился к нему — вероятно без лица, или как там это выглядит.

- Спокойно, папаша, доктор отшатнулся.
- Я, впрочем, тоже. Слово, которое он произнёс, шарахнуло меня своей непонятностью, это что? Уважение? Оскорбление? Что?
- Ей придётся полежать у нас некоторое время, чтобы угроза совсем миновала. Не переживайте. Всё будет хорошо! А вы молодец! Обычно в вашем возрасте боятся иметь детей. А вы так беспокоитесь о жене. Но потом, когда выпишем, будьте поосторожней. Он захихикал.

А я стоял и ничего не говорил в ответ. А что я мог сказать? Начать ему объяснять, что я не просто боюсь, что у меня паника?! Фобия! Мания! И шизофрения! Потому что я ужасно не хочу этого ребёнка! И боюсь потерять его — потому что хочу получить за него бабло. Или не хочу?! Голова шла кругом.

Но на следующий день я был предоставлен сам себе и даже не пошёл на назначенное собеседование. Мне даже показалось, что свобода вдруг вернулась. Да ещё — и не в квартире с предками, а на съёмной. За которую, кстати, я должен буду заплатить уже через несколько дней.

Я позвонил потенциальному работодателю и слёзно умолял перенести собеседование — в связи с тем, что отвозил жену на «скорой». Меня послали. Я снова искал работу.

Когда через три недели нужно было забирать Мадлен из больницы, пришлось обратиться за помощью к её матери. Слава богу, она привезла дочь домой, то есть — к нам на съёмную хату, и даже накормила её чем-то.

Я стал курьером, и, чтобы заработать на аренду квартиры и жратву с витаминами для беременной, вынужден был брать как можно больше заказов. Целыми днями, иногда без выходных, я носился по городу и благодарил — не знаю кого, что работа была! И мне уже было просто не до переживаний.

В одном месте, где зарплата была повыше, меня не взяли из-за незнания английского. И теперь я вставлял наушники и слушал скаченный в интернете самоучитель. Мне казалось, что и думать я уже тоже начинаю не на русском. Но, с другой стороны, я заметил, что занятые мозги успокаивают. Я как будто примирялся с произошедшим. К тому же впереди маячило бабло.

- Потрогай, проворковала Мадлен однажды ранним утром, когда я пытался продрать глаза и помчаться на заработки.
 - Что? не понял я.
 - Он толкается.

Больше всего меня удивила блаженная улыбка, расползшаяся по её лицу как недошитый разрез. Чему она так радуется? Но руку к её животу протянул. С той стороны её плоти, из её нутра, что-то упёрлось в мою ладонь. И это было ужасно! Я тут же вспомнил фильм «Чужой». Мне показалось, что сейчас её живот разорвётся, и из него полезет на свет какая-то тварь. Я отдёрнул руку, подавляя тошноту.

Клёво, правда? – продолжала улыбаться Мадлен.

Я кивнул, чтобы не обижать её, и как можно скорее удрал из дома.

Её раздувало, как мне казалось, с каждым днём всё больше. И у меня почти не возникало желания проводить с ней романтические ночи. Не понимаю, почему я перестал называть вещи своими именами? Почему я всё больше старался подбирать слова и выражения, словно этот «чужой» внутри Мадлен могменя слышать, и это всё могло ему навредить. Да если и так?!

Кроме того, я целыми днями пахал, и мне было не до романтики. И почему-то никак не получалось найти клиентов, кому можно было продать ребёнка. Мне было некогда, а Мадлен и не искала. Когда я спрашивал: «Почему?» — она улыбалась! И всё!

- Может, ты вообще решила оставить его себе? мой вопрос мне казался более чем уместным на сроке в 32 недели. Я уже вполне разбирался во всех этих подсчётах.
 - Может, потупилась она.

Это был реально удар грома среди ясного неба.

- Не понял?! А деньги?! я пытался быть спо-
- Заработаем, продолжала улыбаться Мадлен. Мне хотелось вывернуть её наизнанку через эту улыбку, но я продолжал сдержанно:
- Кто, прости, заработает? Я? То есть, ты хочешь сказать, что мы вот так и будем жить? Семьёй с ребёнком?! Я пахать как мерин, а ты нянькаться со своим выродком?! Только не говори, что он и мой тоже! Мой это если деньги делить!

Я специально старался её оскорбить, чтобы согнать с лица ненавистную улыбочку, чтобы она обиделась, наговорила мне в ответ гадостей, дала повод — не знаю, к чему. Но она не изменила выражения лица, а только пожала плечами:

- Ты можешь уйти. Правда.
- Ну конечно! всё-таки сорвался я. Я сейчас соберу свой шмот, выпорхну на улицу, исчезну, а ты будешь всем рассказывать, какая я сволочь, чтобы тебя жалели! Маменька разжалобится, домой заберёт. Мои только и ждут, чтобы я оправдал их надежды быть скотиной! Наши все... Что «наши все» я ещё не придумал.

Она улыбалась:

- Нет. Я скажу, что прогнала тебя, что надоел, ну, или как хочешь, я не знаю.
- A ему? я указал рукой на огромный живот. Что ты ему скажешь? Потом?
- Тебе не всё равно? она снова пожала своими равнодушными плечами.
 - Всё равно! рявкнул я и стал собирать сумку.

Я пробежал два квартала, вспотел, замёрз, снова вспотел и вернулся обратно.

Она сидела на диване, поджав под себя ноги, и вытирала заплаканное лицо ладонями, но снова улыбалась!

Что ты хочешь? Просто скажи, что ты хочешь?я действительно хотел это знать.

Мне это было важнее всего на свете сейчас!

И тут она не выдержала и захлебнулась слезами навзрыд, как маленькая.

Не знаю, почему я вдруг кинулся к ней и прижал к себе, а этот, внутри неё, словно старался меня обнять! Оттуда! И, чёрт возьми, я сам разрыдался. Мы так и стояли. Втроём. Она всхлипывала, а я повторял:

– Хрен с ним, пусть будет наш. Хрен с ним...

А он тихонько жался ко мне.

- Знаешь, вдруг прошептала она. Сегодня меня первый раз в жизни спросили чего я хочу? По-настоящему. И это был ты! И это так важно для меня, оказывается. Я думала, что мне всё равно. А мне не всё равно. Но ты не думай, что я хочу привязать тебя или как. Я не знаю... Я хочу..., она замялась.
 - Ну, чего? поторопил я. Я же и спрашивал.
- Только не смейся. Я хочу, чтобы мы были семьёй. Не думай, что я заранее всё спланировала. Я захотела потом, когда на сохранении была, когда чуть его не потеряла. Я видела, как там, в палате, у одной девчонки мёртвый родился прямо в кровать, и у меня всё перевернулось внутри. Но ты, если что, свободен. Я придумаю потом что-нибудь ему про папу.
- Да?! я ещё не знал, что мне делать с этой информацией. А что твоя маман тебе про отца говорила? Ты ведь не знаешь его?
- Ну что она могла говорить? Что он козёл, конечно.
- Ты веришь? Это ведь был и не вопрос вовсе, а попытка оправдания всего мужского рода. Поэтому она и ответила:
- Я не думаю об этом. Я всё равно ведь правду не узнаю.

Я боялся, что она спросит про моего отца, который у меня был. Что я смог бы рассказать ей? Что я для него – пустое место? Побочный продукт даже не любви, а так. Непредвиденные расходы? Несбывшиеся ожидания? Повод для разочарований? Предмет для манипуляций?

Я не знал, кто я для него! Но он не бросил мою мать, обрюхатив, а жил с ней.

По долгу? По привычке? Почему?!

Она не спросила.

Мне говорили, что все младенцы отвратительные. Не то слово! Маленький сморщенный червяк! Креветка! В ту, в его первую ночь дома я снова не понимал, зачем остался с Мадлен и её ребёнком. То, что он и мой – никак не укладывалось в голове. Этот багроватый засранец всё время теребил её грудь, которая, надо сказать, стала чертовски соблазнительной. Но не для меня! Мне не разрешалось даже притрагиваться! И да, всё оказалось правдой: он орал, жрал и гадил под себя. Я спал на полу на кухне, чтобы высыпаться и зарабатывать на прокорм этого чудовища и его мамаши. Но теперь я был связан собственными обещаниями, и у меня не осталось никакой надежды на будущее. Кроме одной. Однажды они вырастают! И когда я отбуду этот срок, мы отбудем, и откинемся – то будем ещё достаточно молоды, чтобы жить.

Потом он заболел, и я думал, что это конец света! Он не брал грудь, а только орал, и был горячий как батарея. Казалось, в квартире от него стало жарко. Один раз у меня промелькнула мысль: если он умрёт – я не выживу. Я прогнал её. Но не полностью.

Врач сказал: OP3. Ничего страшного. Абсолютно. Он касался маленького брюшка стетоскопом, а зас-

ранцу было щекотно, и он ржал. Я поймал себя на том, что мне — обидно. Потому что, можно сказать, я первый раз слышал такое ржание. И оно было не для меня. Когда врач ушёл, я подошёл к кроватке и специально стал в неё улыбаться. Сначала меня изучали, но недолго. А потом эта рожица разорвалась такой улыбищей, что я понял: этот миг я буду помнить всегда, чтобы ни произошло.

– Скажи «папа», – тихо попросил я и оглянулся – не слышит ли меня Маллен.

Она что-то готовила на кухне, и я повторил попытку: — Скажи «папа».

Он издал какой-то звук и смешно задёргал руками и ногами, словно танцевал на спине. «Ну, конечно», — подумал я, — «Прошу назвать себя отцом, но сам даже в мыслях не называю засранца сыном!».

Сын, – прошептал я и снова оглянулся на кухню.

Малыш что-то взвизгнул и заржал. Но не так, как доктору. Особенно. Так можно – только мне. Это было персональное ржание.

Через три недели он ползал по квартире и орал:

- Па-па-па-па!
- Слышишь! торжествовал я.

Мадлен улыбалась.

Я забыл купить молока, чертовски устал, и она решила сходить сама в круглосуточный за углом. Мелкий спал, я мог спокойно уставиться в телевизор.

Утром я позвонил её матери:

- Мадлен, то есть Наташа, пропала, прохрипел я.
- Вот сучка! Вся в отца! проорали в трубку.

У меня не было сил ответить, как положено. Я снова не понимал, что происходит.

- Надо заявить в полицию, что-то случилось, продолжал я спокойным тоном.
- Пусть твоя мать сегодня берёт отгул, я не могу!рявкнула эта баба и отрубила вызов.
- Да, сынок. Испортил ты жизнь и себе и нам, начала моя мать.

Она уже второй год так со мной здоровалась. Отец не здоровался вообще.

- Ты придёшь? спросил я. Мне нужно в полицию. Надо искать же!
- Возьми отгул! повысила голос мать. У меня важная работа.

С малым сидели по очереди наши девчонки из тусовки. Я не знаю – откуда, но они умели его и накормить, и успокоить. Но спал он только со мной.

Мамаша Мадлен забеспокоилась только через неделю, когда я уже перестал быть человеком. Человек – что-то чувствует, хотя бы боль и усталость. Или страх. Я пахал, берёг сына, искал жену, как мог. И был никем.

И это меня спасло, когда нашли её тело. Недалеко. В подвале. С зажатой в руке пластиковой бутылкой молока. «Не выпустила бутылку», — единственная мысль, которая вытеснила все остальные, застряла в голове надолго.

На поминках обе бабушки протянули руки к внуку, проговорили дуэтом:

- Давай сюда. Воспитаем.
- Навоспитывались уже, отрезал я, прижимая к себе сына покрепче.
- Всё началось с того, что мы с твоей мамой безумно полюбили друг друга, начал я свою историю.

Он легко под неё засыпал...

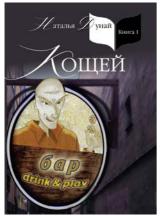

Книжный салон

MIX

Koweŭ

Наталья Дунай. Кощей. Книга 1 / Наталья Дунаевская. — Санкт-Петербург: Центр современной литературы и книги на Васильевском. — 2021. — 282 с. ISBN 978-5-600-02808-1

www.artlitmix.com

Роман «Кощей» — пока ещё малоизвестной широкому кругу читателей писательницы Натальи Дунай — способен стать настоящим бестселлером и поставить ее в ряд с такими популярными мастерами русского постмодернизма, как Виктор Пелевин или Павел Пепперштейн.

Простой и незамысловатый сюжет любовных взаимоотношений отчаявшейся от бытовых неудач провинциальной девушки и загадочного состоятельного супермена, погружающий читателя в захватывающую интригу криминальных разборок и живописный мрак современной провинциальной российской действительности, по ходу повествования обрастает элементами роскошного фэнтези и знакомой с детства русской сказки.

Хороший русский литературный слог, берущие за живое переживания и истории главных героев не оставят равнодушными самую широкую читательскую аудиторию. А мастерски вплетенные в канву произведения сказочные мотивы обращены напрямую к глубинному менталитету и образному сознанию в русской культурной традиции.

В романе Натальи Дунай есть все необходимые составляющие — как для приятного и неутомительного чтения литературы приключенческого жанра, любовного романа, криминальной саги, так и для вдумчивого размышления о природе времени, перипетиях дня сегодняшнего и их соотносимости с фундаментальным и исконным в нашей жизни и подсознании.

"Кощей" — это увлекательный и полноценный роман, в лучших традициях этого жанра, в котором помимо удовольствия от захватывающего чтения, есть и над чем всерьёз поразмышлять — о природе человеческих взаимоотношений и самой сути нашего бытия — кто мы и зачем мы живём?

Информацию о мероприятиях литцентра можно узнать на сайте

www.litcenterspb.com

и через группы в соцсетях

litcenterspb cslik

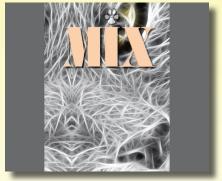

Приглашаем авторов, рекламодателей, распространителей!

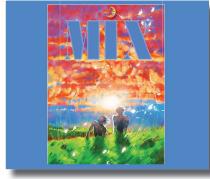
«Литературный Микс": главное — задать точку отсчёта

Когда мы готовим очередной выпуск в печать, мы стараемся применять новые технологии. Например, первые номера журнала у нас были на пружине, что позволяло делать у издания две обложки. Подобно тому, как мы перелистываем блокнот, под первой обложкой можно было найти подборку произведений авторов из Петербурга, а под второй обложкой – авторов из Москвы. В издании другого номера мы использовали новую полиграфическую технологию – печать выборочным лаком, получилось очень красиво, так как лак был с блестками. Еще в одном из журналов мы предложили читателям закладку – в виде рисунка на ленточке.

Но самое главное — это то, что внутри журнала. Ведь мы объединяем творческих людей — писатели не могут оформить рукопись без художников, а художникам нужен текст, чтобы их картины тоже читались. Материалы публикуются в разных жанрах, отсюда название — МІХ (микс - смесь). Мы стараемся сделать так, чтобы журнал было приятно взять в руки, а обложка была яркой,

приятно взять в руки, а обложка была яркой, индивидуальной и привлекательной у каждого выпуска. В качестве иллюстративного материала для блока всегда — книжная графика, авторские фотографии, иногда даже детские рисунки.

Литература, книги — это всегда модно, это вечно и это интересно!!! Любая нация в первую очередь гордится тем, что привнесла в мировую копилку цивилизации. И, если бы страны, планируя бюджет, под номером один писали слово "Литература", то все остальные сферы поднялись бы на уровень выше — и образование, и здравоохранение. Люди без духовной пищи болеют.

Так будем здоровыми!

www.artlitmix.ru

рамы и господа!
Приглашаем протуляться
по нашему интернет-магазину!

.www.artlitmix.com □ Звоните: + 7 (812) 934-79-05 Поиск Интернет-□ Пишите: artlitmix@mail.ru Товаров 0 (0р.) Заказать обратный звонок магазин Рекомендуемые товары ЛИТЕРАТУРНЫЙ МИКС №20 2020 БРУСАКОВ ВАСИЛИЙ. ЭТО БЫЛО В «Литературный МИКС» - это современный Серия: Неизвестные войны.Санкт Петербург: Новости литературно-художественный журнал, на Центр современ ной литературы и книги на страницах которого публи... Васильевском. -08.11.2017 Санкт-Петербург, наб.Макарова, д.10/1 читать далее МОСКАТОВ АНТОН, САШКИНО ЛЕТО ТИТОВ АЛЕКСЕЙ, КЕЛЛИ ПОТОМОК ЧЕХОВСКОГО ДОКТОРА Формат А5, мягкий переплет, ламинат, ДЫМОВАМожет ли практикующий врач обложка 4+0, 184 стр... оставаться романтиком, ценителем красо.. 00000 00000

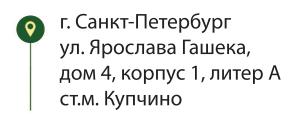
Центр семейной медицины

Лицензия № ЛО-78-01-009230 от 03 октября 2018 Лицензия № ЛО-78-01-004501 от 21 марта 2014

- Тестирование на COVID-19 за 1 день
- Все виды анализов
- ЭКГ
- УЗИ
- Холтер
- Вызов врача на дом

Назовите кодовое слово «МИКС» и получите скидку 10% на все услуги Центра семейной медицины

г. Санкт-Петербург пр. Культуры д.19 к.3 ст.м. Проспект Просвещения ст.м. Гражданский проспект

© 8(812) 407-26-16

единый многоканальный